

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 28, № 4*

Вологда • 2024

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

Социально-экономическое развитие российских территорий:
наиболее острые проблемы и пути решения..... 7

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

Широкова Е.Ю., Лукин Е.В.

Производственный сектор экономики Северо-Запада России: продолжение
трансформации? 10

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

Определение текущих проблем развития малых муниципальных
образований России (на примере территорий Крайнего Севера) 30

Леонов С.Н., Тарасенко М.Р.

Оценка локальных эффектов укрупнения муниципалитетов в ходе
реформирования системы местного самоуправления: опыт Хабаровского края 48

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Бабич Л.В.

Устойчивость экономики регионов Северо-Западного федерального
округа к внешним шокам 2020–2022 гг.....65

Крюков И.А.

Оценка вклада креативных индустрий
в социально-экономическое развитие регионов СЗФО.....83

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Манаева И.В., Мельников В.В.

Бедность, демографическое развитие и экономический рост
в российских регионах: оценка взаимосвязи 102

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: май 2024 года	120
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2024 года	126
Правила для авторов	135
Информация о подписке.....	136

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

Socio-Economic Development of Russian Territories: the Most Acute Problems and Solutions	7
---	---

INDUSTRIAL POLICY

Shirokova E.Yu., Lukin E.V.

Manufacturing Sector of the Economy of North-West Russia: Is it Continuing Transformation?	10
---	----

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

Identifying Current Development Problems of Russia's Small Municipalities (Case Study of the Far North Territories)	30
--	----

Leonov S.N., Tarasenko M.R.

Assessing Local Effects of Municipal Consolidation in the Course of Reforming the Local Self-Government System: Experience of the Khabarovsk Territory	48
---	----

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Babich L.V.

Economic Resilience of the Northwestern Federal District Regions to External Shocks in 2020–2022	65
---	----

Kryukov I.A.

Assessing the Contribution of Creative Industries to the Socio-Economic Development of the Northwestern Federal District Regions	83
---	----

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Manaeva I.V., Mel'nikov V.V.

Poverty, Demographic Development and Economic Growth in Russian Regions: Assessing Interrelationships	102
--	-----

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy in May 2024.....120
Monitoring of social well-being of the Vologda Oblast population in June 2024 126

Guidelines for the authors 135
Subscription information 136

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/O-2232-2017)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: НАИБОЛЕЕ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Несмотря на стремление западных стран изолировать Россию, ее экономика продолжает уверенно расти. По итогам января – мая 2024 года, по оценке Минэкономразвития России, большинство показателей демонстрируют положительную динамику. ВВП России увеличился на 5,0% в годовом выражении; промышленное производство ускорилось на 5,2%; строительство – на 4,6%; сельское хозяйство – на 1,2%¹. Безусловно, проблем еще достаточно много. Их острота требует активизации деятельности органов власти на всех уровнях, в том числе региональном и муниципальном.

Вопросы социально-экономического развития российских территорий – региона, муниципалитета, города или сельского населенного пункта – вызывают неподдельный интерес отечественных ученых. Наиболее актуальные из этих вопросов освещены в текущем номере журнала.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2024). Социально-экономическое развитие российских территорий: наиболее острые проблемы и пути решения // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.1

For citation: Uskova T.V. (2024). Socio-economic development of Russian territories: the most acute problems and solutions. *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.1

---

¹ О текущей ситуации в российской экономике. Май 2024 года. URL: https://economy.gov.ru/material/file/e6211fc1bac8ca089d659bd956f25cab/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_may_2024_goda.pdf

Так, *Е.В. Балацкий* и *Н.А. Екимова* на материалах исследования территорий Крайнего Севера России раскрывают проблемы малых муниципальных образований, т. е. муниципалитетов с численностью населения до 50 тыс. человек. Для данных территорий одной из самых острых является проблема сокращения численности населения. Причину такого положения авторы видят в рассогласованности стратегических задач властей и текущих нужд местного населения. По мнению ученых, требуется разработка/обновление стратегий развития муниципалитетов, при этом удовлетворенность населения разными сторонами жизни предлагается выявлять на основе анкетных опросов. Аналитический алгоритм данной процедуры апробирован авторами в Тазовском районе Ямало-Ненецкого автономного округа.

На современном этапе общественно-го развития актуальнейшей проблемой для локальных территорий является очередной этап структурной трансформации института местного самоуправления, заключающийся прежде всего в сокращении общего числа муниципальных образований путем их укрупнения. *С.Н. Леонов* и *М.Р. Тарасенко* обращают внимание читателей на то, что объединение муниципалитетов осуществляется при отсутствии методики оценки его последствий. Они доказывают, что при слиянии муниципалитетов не следует ориентироваться только на экономические параметры. Важными критериями должны быть доступность муниципальных услуг и социальная активность местного населения. Авторы предлагают методический подход к измерению локальных социально-экономических эффектов укрупнения муниципалитетов, который использован ими при оценке последствий реформирования местного самоуправления в Хабаровском крае.

Сразу три статьи журнала посвящены исследованию экономики Северо-Западного федерального округа. Выбор данного макро-региона не случаен. Его успешное развитие в течение всего постсоветского периода определялось внешнеторговыми связями с географически близкими странами

Западной Европы, которые были прерваны из-за санкций.

Так, на изменениях в производственном секторе экономики Северо-Запада России сделан акцент в работе *Е.В. Лукина* и *Е.Ю. Широковой*. Авторы статьи на основе опроса руководителей крупных и средних предприятий попытались показать, как производственный сектор приспосабливается к наращиванию санкционного давления, обосновали рекомендации по корректировке экономической политики и меры господдержки.

В работе *Л.В. Бабич* на основе динамики темпов прироста валового регионального продукта и изменений отраслевой структуры входящих в состав округа субъектов Федерации проведена оценка устойчивости экономики к внешним шокам 2020–2022 гг. Выявлено, что негативное влияние внешних шоков в той или иной степени испытала экономика всех регионов. Проведенное исследование позволяет региональным органам государственной власти более обоснованно подходить к выработке мер по повышению устойчивости экономики, оказанию поддержки динамично развивающихся отраслей.

В последние годы в мировой экономике наиболее быстрыми темпами развиваются креативные индустрии. Изучению их влияния на региональное развитие посвятил работу *И.А. Крюков*. Он определил факторы, способствующие развитию креативных индустрий, выполнил группировку регионов по уровню развития, провел оценку их вклада в социально-экономическое развитие регионов СЗФО и предложил пути развития этих отраслей для каждой группы регионов.

Вопросы социально-экономического неравенства поднимаются в статье *И.В. Манаевой* и *В.В. Мельникова*. Исследователями проведена оценка взаимного влияния параметров бедности, демографии и экономического роста в российских регионах. Доказано, что наибольшее влияние на уровень бедности оказывают экономические и инновационные факторы. Результаты данного исследования могут быть использованы при разра-

ботке региональных стратегий и программ развития.

Завершает выпуск, как обычно, мониторинг экономики: *М.А. Сидоров* знакомит читателей с состоянием и основными тенденциями развития экономики России и СЗФО за 5 месяцев 2024 года; *И.Н. Дементьева* и *Е.Э. Леонидова* представляют результаты

опроса жителей Вологодской области о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе.

Надеемся, что представленные в этом номере журнала статьи будут использованы в практике управления и решении острейших проблем развития российских территорий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.2

УДК 332.1 | ББК 65.9

© Широкова Е.Ю., Лукин Е.В.

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ?

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ШИРОКОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: shir11@bk.ru

ORCID: 0000-0002-7457-7844; ResearcherID: B-7294-2019

ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛУКИН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: lukin_ev@list.ru

ORCID: 0000-0002-1159-281X; ResearcherID: I-8183-2016

Северо-Запад России является промышленно развитым макрорегионом, успешное функционирование которого на протяжении долгих лет было связано с географически близкими странами Европы и с США. Из-за введения санкций против страны и последующего их усиления основные торгово-экономические взаимосвязи были прерваны, предприятиям производственного сектора экономики пришлось искать новых контрагентов и перестраивать логистические цепочки. Мониторинг производственного сектора экономики Северо-Запада России позволяет выделить специфику восстановительных процессов с точки зрения руководителей предприятий. Результаты опросов стали источниками информации, дополняющими официальную статистику и позволяющими выявить тренды, перспективы и ограничения для развития сектора. Исследование даст возможность оценить происходящие в производственном секторе экономики адаптационные процессы, отразить существующие и новые тренды в соответствии с субъективным мнением руководителей предприятий. Цель работы заключается в выделении изменений, произошедших в производственном секторе экономики Северо-Запада России, указывающих на

Для цитирования: Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. (2024). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: продолжение трансформации? // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 10–29. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.2

For citation: Shirokova E.Yu., Lukin E.V. (2024). Manufacturing sector of the economy of North-West Russia: Is it continuing transformation? *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 10–29. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.2

его приспособление к наращиванию санкционного давления. Информационной базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых, статистика Росстата и данные анкетных опросов, проведенных в 2022–2024 гг. В анкете содержались вопросы, описывающие сферы деятельности предприятий, помогающие охарактеризовать сдвиги в производственно-сбытовой деятельности, особенности инвестиционных процессов, трудовых ресурсов и взаимодействия с органами власти. Среди участников опроса преобладали представители крупных и средних предприятий производственного сектора экономики макрорегиона, что позволяет обосновать ряд рекомендаций для его развития, которые могут быть учтены при корректировке экономической политики и проработке мер государственной поддержки. Результаты исследования будут интересны специалистам по экономике, органам региональной власти для учета особенностей развития производственного сектора экономики и разработки программ и мер его поддержки.

Регион, мониторинг, производственный сектор, санкции, трансформация, тенденции, адаптация.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено в рамках НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Работа производственного сектора экономики Российской Федерации является объектом пристального внимания федеральных властей. Его функционирование позволяет выполнять задачи по импортозамещению многих товаров, ввоз которых из-за рубежа в настоящее время невозможен или ограничен. Нарастание давления со стороны стран запада оказывает стимулирующее воздействие на промышленность страны, и прирост индекса промышленного производства за 2023 год доказывает это (3,5% по данным Росстата)¹. Последствия санкционного давления для работы производственного сектора усиливаются в связи с продолжающейся экономической нестабильностью. Для обеспечения дальнейшего восстановительного роста необходимы исследования, позволяющие оценить эффективность мероприятий и мер государственной поддержки. Актуальность проведенной работы заключается в выявлении траектории восстановления сектора и наиболее действенных инструментов и методов стимулирования его деятельности. Исследование вносит вклад в изучение региональной экономики через освещение субъективной стороны ра-

боты производственного сектора экономики макрорегиона, выделение трендов и тенденций, определение проблем и барьеров его развития, обоснование потребностей и мероприятий с учетом специфики деятельности.

Цель исследования – выделение изменений, произошедших в производственном секторе экономики Северо-Запада России, и определение наиболее действенных мероприятий, способствовавших приспособлению предприятий к последствиям ввода санкций.

Для достижения цели решены следующие задачи:

- проведен анализ сдвигов в субъективных оценках работы предприятий производственного сектора экономики Северо-Западного федерального округа (СЗФО);
- определены самые эффективные действия руководителей по восстановлению функционирования предприятий;
- выявлены изменения производственно-сбытовых цепочек;
- проведен анализ взаимоотношений руководителей производственного сектора экономики макрорегиона и представителей органов власти.

¹ Третьяков А. (2024). Промышленное производство выходит на докризисный уровень // Красный Север. № 4. 17 января. URL: <https://krassever.ru/article/promyshlennoye-proizvodstvo-vykhodit-na-dokrizisnyy-uroven>

Краткий литературный обзор

Стимулирование обрабатывающих производств региона позволяет стимулировать и модернизировать внутренние источники развития экономики (Лукин, Ускова, 2018; Ускова и др., 2020; Лаженцев, 2024), производить конкурентоспособную продукцию с высокой добавленной стоимостью (Гусев, Юревич, 2023), привлекать высококвалифицированные кадры (Горин, 2024) и получать стабильный финансовый поток налогов в бюджет. В настоящее время, когда ситуация экономической неопределенности требует от научного сообщества поиска новых средств ее изучения (Лола и др., 2024), изменения существующих концепций (Замятина, 2023), а также адаптации существующих методик (Petrova, Trunin, 2023), определение специфики восстановления производственного сектора представляется задачей, актуальной для научного сообщества. Так, исследователи рассматривают направления восстановления отраслей экономики (Версан, 2022), оценивают уровень влияния внешних факторов на рынки (Евсеева, 2022) и стратегические программы (Шушунова и др., 2022). Выявление текущей ситуации в экономике и обрабатывающих производствах, в частности на основе официальной статистической информации, не носит всеобъемлющего характера², что подтверждает необходимость дополнения этих данных другими источниками. Одним из видов таких ресурсов являются опросы, в долгосрочном периоде позволяющие определить траекторию развития объекта исследования. Так, Центральный банк России регулярно проводит опросы предприятий нефинансового сектора экономики, результаты которых учитываются при принятии решений по денежно-кредитной политике для анализа и прогнозирования инфляции, выявления основных тенденций развития экономики в целом по стране и по регионам³.

Конъюнктурные опросы проводились с 1992 года одноименной лабораторией под руководством С. Цухло в Институте экономической политики им. Е.Т. Гайдара. С 1 февраля 2024 года лаборатория была ликвидирована, однако ежемесячные опросы, позволяющие конкретизировать специфику прохождения кризисных ситуаций промышленными предприятиями, С. Цухло продолжает осуществлять самостоятельно⁴.

Свой вклад в характеристику трансформации производственного сектора экономики в стране вносят специалисты Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Результаты этих опросов помогают оценить субъективное мнение руководства российских предприятий реального сектора о санкционном влиянии, инфляционных ожиданиях, конкуренции с иностранными производителями и др. (Кувалин и др., 2024). Мониторинг положения на промышленных предприятиях позволяет выявить влияние негативных внешних и внутренних факторов на их деятельность (Кузнецов, Голикова, 2023; Пестунова, Вечкинзова, 2023; Стрелецкая, 2024), оценить особенности управленческих решений (Лапина и др., 2023) и протекание процессов цифровизации (Karikova, 2022).

В то время как российские исследования рассматривают в основном влияние санкций на работу предприятий, в зарубежных статьях анализируется влияние цифровых технологий (Dahmen, 2023), «зеленых» инноваций (Jie, Jiahui, 2023; Li et al., 2024) и изучаются возможности устойчивой работы (Galimulina et al., 2023; Tolstykh et al., 2023; Yangibaevich, Eshqo`ziev, 2023; Bugryshev, Panikarova, 2024).

С 1993 года в Вологодском научном центре РАН проводится мониторинг, который включает опрос руководителей предприятий производственного сектора экономики.

² Выжурович В. (2020). Социолог: Ни в одной стране мира статистика не является копией реальности // Российская газета. 25 августа. URL: <https://rg.ru/2020/08/25/sociolog-ni-v-odnoj-strane-mira-statistika-ne-ivliaetsia-kopiej-realnosti.html>

³ Мониторинг предприятий (2024): информационно-аналитический комментарий / Банк России. № 1. 24 января. 35 с.

⁴ В марте улучшились настроения и производителей, и потребителей (2024) // Монокль. № 13. 25 марта. URL: <https://monocle.ru/monocle/2024/13/v-marte-uluchshilis-nastroenyi-i-proizvoditeley-i-potrebiteliev>

С 2022 года охват опроса был расширен до Северо-Запада России, вопросы анкеты ежегодно актуализируются и позволяют оценить реакцию респондентов на наиболее важные события прошедшего года (Ускова и др., 2022; Широкова, Лукин, 2023).

Методика исследования

Анкетные опросы, проведенные в апреле – мае 2022–2024 гг., являются методической основой исследования. В мониторинге производственного сектора экономики Северо-Запада России приняли участие руководители крупных и средних предприятий, относящихся к основным отраслям промышленности макрорегиона: черной металлургии, электроэнергетике, лесопромышленному комплексу, машиностроению и металлообработке, пищевой и легкой промышленности, рыболовству и рыбоводству. Анкета состояла из шести блоков, которые освещают общее состояние предприятия, уровень его производственного потенциала, состояние производственно-сбытовых цепочек, конкурентоспособность продукции, уровень инвестиций и инноваций, кадровый потенциал и отношение к действиям органов власти. В исследовании ответы 2024 года были сопоставлены с результатами предыдущих опросов и данными официальной статистики. В опросе 2022 года приняли участие представители 100 предприятий, в 2023 году – 101, в 2024 году – 99.

Результаты исследования

Общие тенденции развития производственного сектора

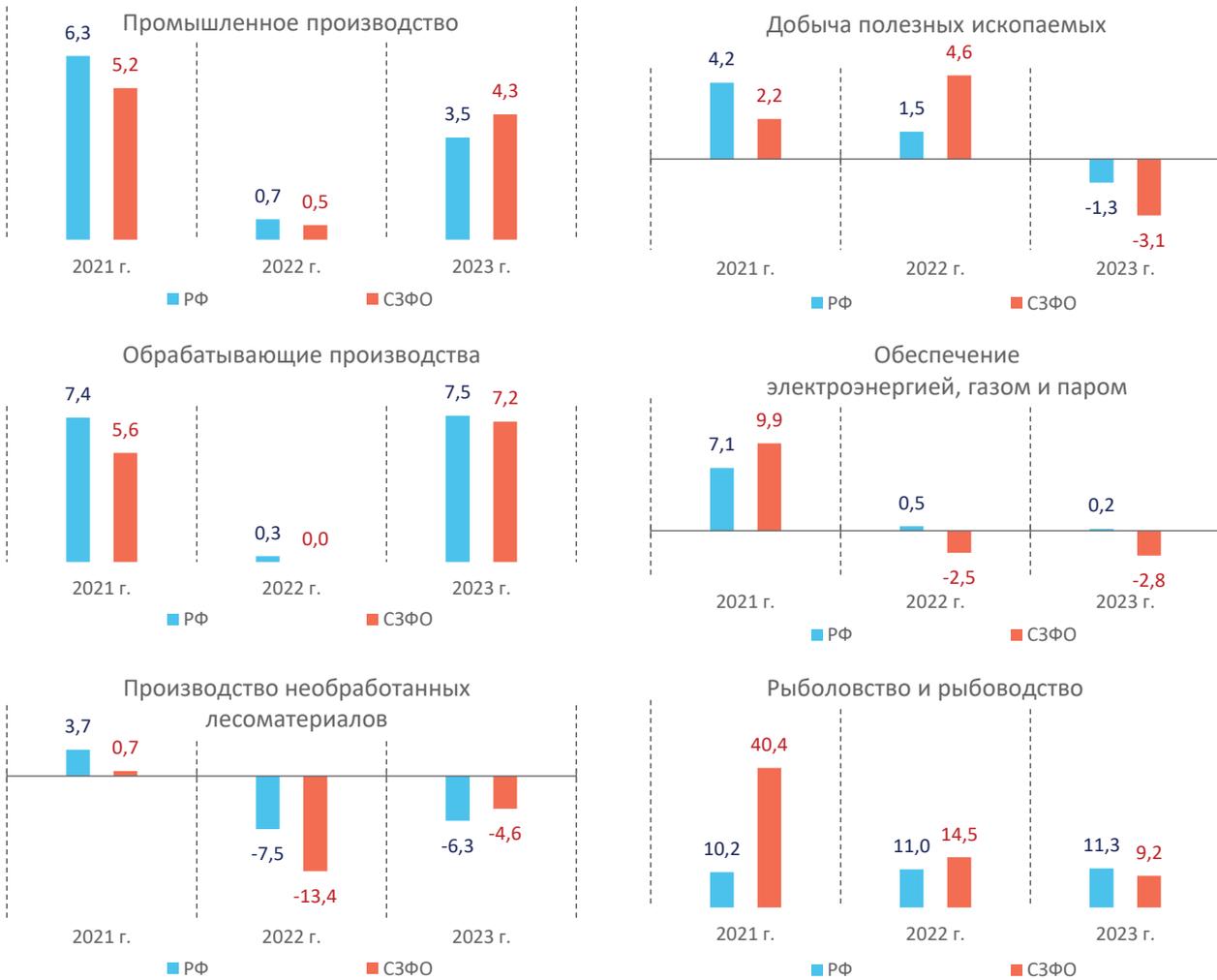
Промышленное производство для большинства регионов Северо-Запада страны является значимым сектором экономики. Для некоторых регионов федерального округа, например Вологодской области, обрабатывающая промышленность играет главную роль в региональной экономике – в 2023 году ее доля в отгрузке продукции собственного производства, оказанных услуг и выполненных работ превысила 70% (по данным Росстата). Экономика Ненецкого автономного округа на 91,4% производит

продукцию добывающих отраслей. В связи с тем что внешняя торговля макрорегиона до 2022 года была в основном связана с европейскими странами и другими государствами, поддержавшими санкционное давление на Россию, СЗФО стал наиболее пострадавшим федеральным округом. Лесное хозяйство макрорегиона продолжает ощущать негативное влияние усиления санкционного давления, однако темпы падения выпуска в отрасли снижаются.

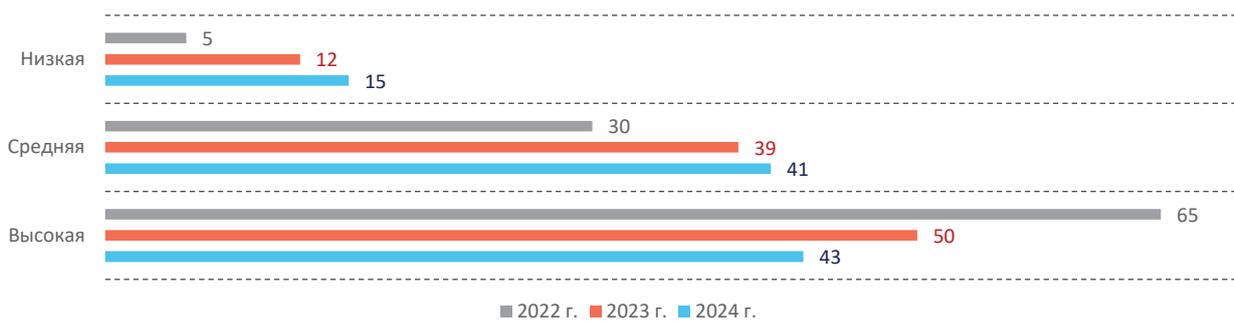
В то же время производственный сектор округа успешно адаптируется и наращивает темпы развития. Высокий рост промышленных производств в 2023 году был обеспечен за счет обрабатывающей промышленности, объем добычи полезных ископаемых в СЗФО снизился сильнее, чем по стране в целом (рис. 1).

Серьезный спад производства необработанных лесоматериалов в СЗФО указывает на проблемы, возникшие после введения санкций. За прошедший 2023 год появился положительный тренд, что говорит о постепенной адаптации предприятий отрасли и трансформации имеющихся логистических маршрутов.

Доля крупных предприятий производственного сектора экономики Северо-Запада России, руководители которых приняли участие в опросе, проведенном в начале 2022 года, составила 30% (с числом работников свыше 1 тыс. чел.), в 2023 году – 41%, 2024 год – 54%. Удельный вес средних организаций с количеством работников от 250 до 1000 чел. в 2022 году составил 40%, в 2023 году – 22%, в 2024 году – 25%. С учетом того, что производственный сектор СЗФО является развитым и производит подавляющую долю продукции для его экономики, мнение респондентов таких предприятий должно приниматься во внимание властями регионов и влиять на принятие стратегических решений и проводимую политику. В целом мнения респондентов указывают на переориентацию производственного сектора на внутренний рынок России и адаптацию к условиям нестабильности экономической и политической ситуации.

Рис. 1. Динамика развития производственного сектора экономики РФ и СЗФО, % к предыдущему году
 Источник: данные Росстата.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете работу Вашего предприятия в современных условиях?», % от числа ответивших
 Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

Так, постепенно растет доля респондентов, которые в рассматриваемый период дают работе своих предприятий среднюю оценку (30, 39, 41%). Удельный вес высоких оценок за три года существенно снизился

(-22 п. п., с 65 до 43%), а низких – вырос (+10 п. п., с 5 до 15%; рис. 2).

Продолжает увеличиваться доля респондентов, которые констатируют рост цен на приобретаемую продукцию (87, 92 и 97%

соответственно в 2022–2024 гг.) и себестоимости выпускаемой ими продукции (77, 89, 93%). При этом прогнозы большинства опрошенных не свидетельствуют об изменении тренда в следующем году (табл. 1).

Снижается доля руководителей, ежегодно наращивающих заработные платы работников (86, 69, 68%). Рост цен на выпускаемую продукцию отмечали в 2022 году 78% респондентов, 66% – в 2023 году и 56% – в 2024 году, 83% прогнозируют дальнейшее увеличение цен в следующем году. Уменьшается удельный вес опрошенных, заявивших о росте прибыли в 2022–2024 гг. (56, 40 и 19% соответственно), только четверть из них планирует повышение данного показателя в 2025 году (25%).

В 2023 году существенно снизилась доля опрошенных, высказавшихся об улучшении экономической ситуации (-41 п. п., с 47 до 6%), а доля руководителей, планирующих ее улучшение в ближайшем будущем, составляет 30% (в 2025–2026 гг.). Соответственно, выросла доля ответов об ухудшении экономической ситуации в стране – не планируют изменения положения вплоть до окончания 2025 года 55%

респондентов. Практически не изменился за три года процент руководителей, указавших, что их предприятие пострадало от усиления санкций (71, 69 и 72% соответственно). В 2022 году ожидали негативных последствий от их введения 24% ответивших, в то же время к 2024 году 25% не пострадали от их усиления.

Продолжение давления «недружественных» стран влияет на прогнозы респондентов об ухудшении экономической ситуации в стране. В 2022 году 62% руководителей предприятий были уверены, что основные последствия от введения санкций будут отрицательными. К 2024 году доля таких ответов снизилась до 42%, но осталась преобладающей. За весь период проведения опроса по Северо-Западу России не было ни одного руководителя, который отметил бы наличие положительных последствий. Доля тех, кто заметил неоднозначность их влияния, держалась на уровне 25% с 2022 по 2024 год. Наиболее острой проблемой, возникшей вследствие санкционного давления и продолжающей негативно влиять на развитие производственного сектора экономики, практически все ответившие сочли трудно-

Таблица 1. Оценка изменения основных показателей работы предприятия, % от числа ответивших

Показатель	2022 год			2023 год			2024 год			2025 год (прогноз)		
	Р	Т	С	Р	Т	С	Р	Т	С	Р	Т	С
Натуральный объем выпуска продукции	63	25	12	35	44	22	37	26	37	52	48	0
Объем капиталовложений	47	37	16	18	50	32	37	35	28	57	29	14
Запасы готовой продукции	40	55	5	18	73	9	17	63	20	13	63	24
Цены на выпускаемую продукцию	78	18	4	66	23	11	56	31	14	83	14	3
Цены на приобретаемую продукцию	87	13	0	92	4	4	97	3	0	93	7	0
Себестоимость выпускаемой продукции	77	20	3	89	8	3	93	7	0	90	10	0
Спрос на продукцию на внутреннем рынке	51	42	7	20	66	14	28	54	18	35	52	13
Спрос на продукцию на внешних рынках	50	30	20	13	44	43	12	52	36	21	58	21
Прибыль	56	24	20	40	22	38	19	23	58	25	42	33
Численность работников	35	55	10	18	59	23	30	43	26	38	58	4
Зарботная плата работников	86	11	3	69	27	4	68	29	3	78	22	0
Средний уровень использования производственных мощностей	49	44	7	16	57	27	31	44	25	45	51	4

Примечание: Р – рост, Т – тот же уровень, С – сокращение.
Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

сти с получением импортного сырья, комплектующих и необходимость их замены (94, 85 и 88% соответственно). Существенно выросло недовольство удорожанием импорта (34, 52, 59%), ростом цен внутри страны (50, 55, 56%) и удорожанием кредита (32, 32, 47%). Значимость повышения общей неопределенности в экономике практически вернулась на уровень 2022 года (52, 42, 49%).

В ходе опроса руководителей предприятий производственного сектора экономики Северо-Запада были выявлены те меры, которые применялись для приспособления к существующим экономическим условиям. По динамике ответов можно выявить наиболее эффективные меры. Так, для снижения остроты санкционного давления поиск новых поставщиков сырья и комплектующих внутри страны стал наиболее результативной мерой, которую к 2024 году стали применять 80% опрошенных (62% в 2022 году), и практически все указали, что продолжают поиски в 2025 году (78%). Более половины руководителей считают поиск новых рынков сбыта внутри страны эффективным, 67% респондентов продолжают осваивать внутренний рынок страны в 2025 году. Эффективной мерой адаптации к экономическим условиям в 2024 году 55% руководителей посчитали поиск новых поставщиков сырья и комплектующих за рубежом (+10 п. п. к уровню 2022 года). Самыми часто реализуемыми мероприятиями стали модернизация используемых технологий и производства в целом (49%, +2 п. п. к 2022 году), поиск новых рынков сбыта за рубежом (39%, +5 п. п.), изменение ассортимента продукции (39%, +13 п. п.), улучшение ее качества (33%, -7 п. п. к 2021 году) и снижение себестоимости (31%, -9 п. п.; *рис. 3*).

В то же время на предприятиях производственного сектора Северо-Запада страны существуют барьеры, сдерживающие рост производства. Наиболее часто респонденты в 2024 году сталкивались с высокими ценами на сырье, топливо, энергию и материалы (65%, *табл. 2*).

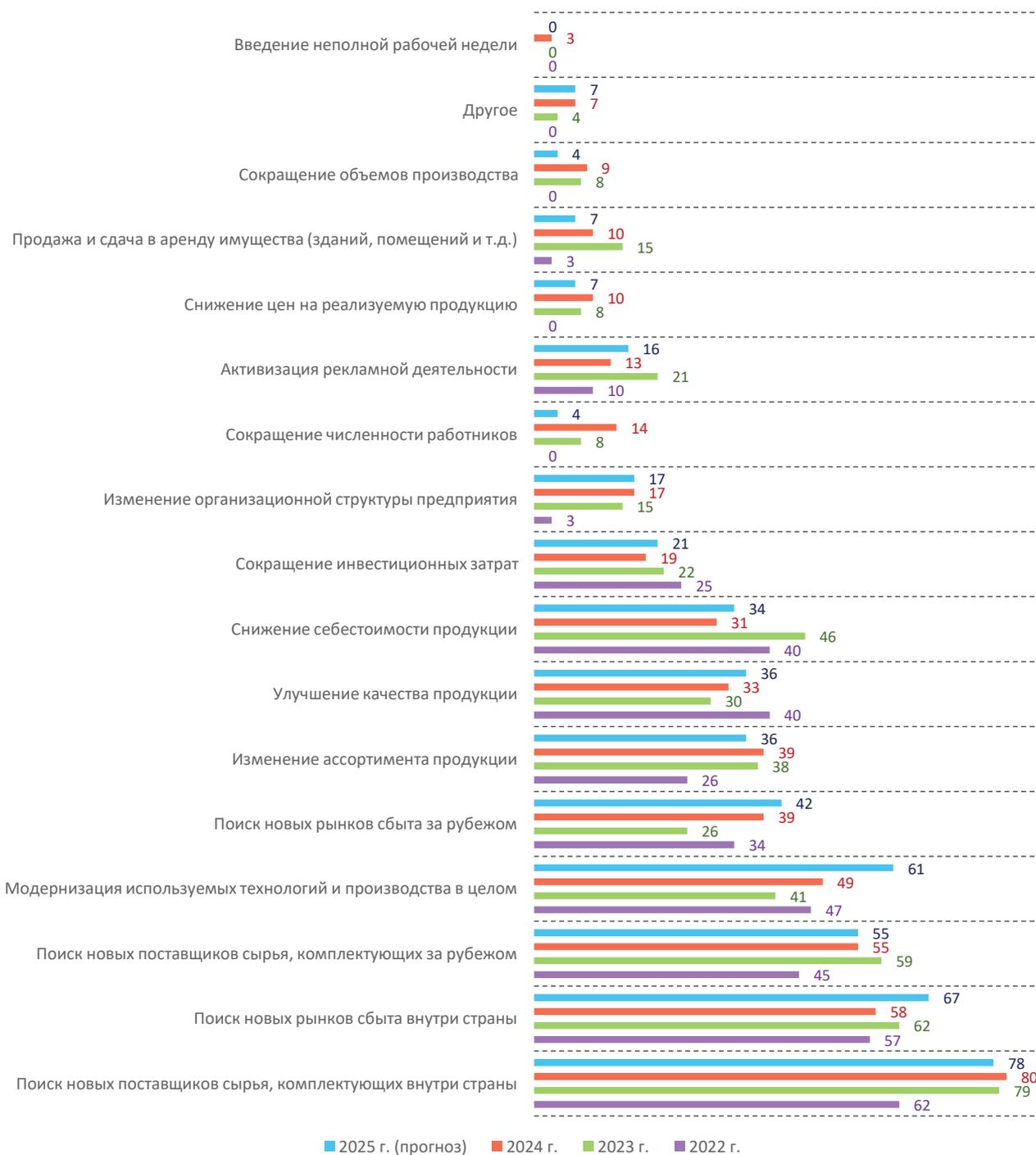
При этом первый барьер оставался значимым и усиливался на всем протяже-

нии рассматриваемого периода времени, повысилась значимость недостаточного спроса на внутреннем рынке (+22 п. п.), высокого процента кредита (+15 п. п.), изношенности и недостатка оборудования (+9 п. п.) и др.

Усиление санкционного давления привело к тому, что в качестве ограничения для роста производства руководители 41% предприятий назвали неопределенность экономической ситуации. На развитие производственного сектора Северо-Запада России продолжает негативно влиять дефицит кадров, что подтверждается результатами проведенного опроса. Эта ситуация коррелирует с положением в стране (Ахапкин, 2023), но усугубляется значимой долей в СЗФО промышленных производств с более серьезными потребностями в высококвалифицированных работниках. Доля респондентов, отметивших, что нехватка квалифицированных рабочих мешает наращиванию темпов производства на их предприятиях и будет мешать в дальнейшем, увеличилась с 2022 года в 1,5 раза и достигла 40%.

Вырос удельный вес ответов руководителей на вопрос о наличии простаивающих производственных мощностей: 54% ответили положительно в 2024 году (+14 п. п. с 2022 года), но при этом у 25% респондентов объем выпуска не будет увеличиваться при отсутствии дополнительных капиталовложений (-5 п. п.). Еще половина предприятий в этих условиях сможет увеличить производство на величину от 1 до 30% от текущего объема отгрузки (51%, +16 п. п. к 2022 году). Это свидетельствует о наличии проблем с поиском рынков сбыта, контрагентов и ограничениях трансформации логистических цепочек.

Для подавляющего большинства предприятий вопрос банкротства не существует в ближайшей перспективе (80%; +5 п. п. к 2022 году), 43% руководителей считают удовлетворительным финансовое состояние своих организаций (+23 п. п. к 2022 году), еще 29% – хорошим (-22 п. п.).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Какие меры применяются на Вашем предприятии для приспособления к существующим экономическим условиям?», % от числа ответивших
 Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Что сдерживает рост производства на Вашем предприятии?», % от числа ответивших

Вариант ответа	2022 год	2023 год	2024 год	2025 год (прогноз)
Высокие цены на сырье, топливо, энергию и материалы	53	41	65	65
Неопределенность экономической ситуации	37	48	41	35
Недостаток квалифицированных рабочих	26	27	40	40
Недостаточный спрос на внутреннем рынке	16	54	38	32
Высокий процент коммерческого кредита	20	15	35	47
Изношенность и недостаток оборудования	17	24	26	33
Высокий уровень налогообложения	29	40	20	20
Недостаток и перебои с поставками сырья, топлива, энергии и материалов	14	7	18	15
Несвоевременность оплаты за продаваемую продукцию	8	7	18	18
Недостаток финансовых средств	19	25	18	15
Недостаточный спрос на внешнем рынке	18	19	16	13
Конкурирующий импорт	17	13	9	9
Нет ограничений	8	6	7	0
Другое	12	12	6	13
Отсутствие или несовершенство нормативно-правовой базы	5	11	0	0

Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

Трансформация производственно-сбытовых цепочек

Практически не изменилась доля опрошенных, которые осуществляют торгово-экономическое взаимодействие с организациями в регионе базирования предприятия (84%, -2 п. п.) и в других регионах СЗФО (97%, +3 п. п.). Существенное снижение отмечено среди тех, кто сотрудничает с прочими макрорегионами России, за исключением СЗФО (85%, -25 п. п.). Вырос удельный вес опрошенных, взаимодействующих с предприятиями из стран – членов ЕАЭС (61%, +8 п. п.) и из стран бывшего СССР (49%, +10 п. п.). В то же время логичным является снижение интереса к сотрудничеству со странами дальнего зарубежья (42%, -9 п. п.).

Усиление санкций оказало серьезное влияние на производственно-сбытовые цепочки Северо-Запада страны, что привело к прекращению сотрудничества с зарубежными партнерами в области совместной инвестиционной деятельности (0%, -6 п. п.) и к увеличению доли тех, кто не сотрудничает с иностранными организациями (69%, + 63 п. п.; табл. 3).

Ответы респондентов указывают на то, что предприятия расширяют свое влияние на внутреннем рынке. Большинство руководителей покупают сырье, полуфабрикаты (83%, +7 п. п.) и технологии (83%, +42 п. п.) у отечественных производителей, значимая часть респондентов привлекает специалистов из регионов СЗФО (86%, +31 п. п.).

Активное стимулирование импортозамещения со стороны федеральных властей не привело к росту поддержки процесса на предприятиях производственного сектора Северо-Запада страны. Об этом свидетельствует доля предприятий, не планирующих запуск производства импортозамещающей продукции (68%, -13 п. п.), только 23% (+3 п. п.) опрошенных руководителей рассчитывают выпускать такую продукцию.

При этом 5% респондентов не видят препятствий для развития торгово-экономических отношений с зарубежными организациями (+5 п. п.). Большинство из них считает барьерами санкционную политику и риторику (85%, +9 п. п.), удаленность потенциальных контрагентов (63%, +43 п. п.) и недо-

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «По каким направлениям Ваше предприятие сотрудничает с зарубежными и российскими организациями?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Мир			Россия			СЗФО		
	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год
Покупка сырья и полуфабрикатов	54	38	58	76	84	83	57	89	70
Продажа сырья и полуфабрикатов	26	15	48	31	32	74	25	21	42
Продажа конечной продукции	50	46	56	74	84	78	72	93	75
Покупка технологий	49	20	66	41	15	83	12	15	42
Продажа технологий	3	0	16	17	10	68	10	7	37
Совместная инвестиционная деятельность	6	7	0	27	21	45	22	3	65
Привлечение специалистов	2	3	5	37	35	65	55	35	86
Другое	3	17	17	6	20	67	2	19	17
Сотрудничество не осуществляется	6	18	69	0	4	45	0	0	24

Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Что, по Вашему мнению, сдерживает развитие торгово-экономических отношений Вашего предприятия с зарубежными и российскими организациями?», % от числа ответивших

Вариант ответа	Мир			Россия			СЗФО		
	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год	2022 год	2023 год	2024 год
Высокая конкуренция на рынке	20	7	39	44	19	38	26	18	18
Малая емкость рынка	2	3	9	31	27	65	43	23	65
Удаленность потенциальных контрагентов	20	8	63	15	9	43	11	8	13
Недостаток информации о проводимых тендерах, конкурсах, перспективных научно-технических, разработках	5	15	61	24	14	71	13	11	42
Слабое содействие органов государственной власти	8	11	21	18	11	89	20	8	43
Экономическая нецелесообразность	22	18	50	8	10	44	11	6	18
Санкционная политика и риторика	76	65	85	6	8	15	0	8	0
Другое	5	15	18	17	18	73	15	11	59
Препятствий нет	0	0	5	20	24	87	15	40	70

Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

статок информации о тендерах, конкурсах и т. д. (61%, +56 п. п.; табл. 4).

Мнения руководителей позволяют выявить нарастание недовольства недостаточной поддержкой органов государственной власти при развитии торгово-экономических отношений с российскими предприятиями (89%, +71 п. п.) и внутри макрорегиона (43%, +23 п. п.). Хотя большинство опрошенных указывают, что препятствий при развитии таких отношений внутри страны и макрорегиона нет (73 и 70% соответствен-

но), значимая доля респондентов недовольна малой емкостью рынка в России (65%) и СЗФО (65%).

Усилившееся санкционное давление способствует переориентации производителей на внутренних поставщиков и потребителей (71%, +9 п. п.), несмотря на малый объем рынка. Нейтральные страны позволяют расширить выпуск продукции крупным компаниям, которым внутреннего рынка недостаточно для возобновления прежних объемов выпуска (71%, +13 п. п.). Практически по-

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Какие мероприятия проведены на Вашем предприятии, чтобы трансформировать свои производственно-сбытовые цепочки, нарушенные из-за санкций?»*, % от числа ответивших

* Вопрос появился в анкете с 2023 года.

Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

ловина руководителей использует страны-посредники для восстановления торгово-экономических взаимоотношений с прежними поставщиками и потребителями (44%, +6 п. п.; рис. 4).

Только 17% (+10 п. п.) респондентов организовали собственное производство ранее импортировавшейся продукции, а 14% (-3 п. п.) создали собственные каналы поставок, в то же время 15% (-5 п. п.) опрошенных не заметили изменений производственно-сбытовых цепочек.

Половина руководителей предприятий производственного сектора экономики Северо-Запада, ожидавших дальнейшего изменения производственно-сбытовых цепочек из-за санкций в 2022 году (82%), в настоящее время затруднились с ответом на данный вопрос (40%, +36 п. п.). Для их развития на территории макрорегиона, по мнению опрошенных, необходима помощь государства. Так, 27% респондентов считают наиболее важной мерой господдержки для расширения производственно-сбытовых цепочек создание системы продвижения продукции на рынки других регионов (+15 п. п.), 24% уверены

в необходимости проведения мероприятий с целью налаживания новых контактов (+2 п. п.). Выросла доля руководителей, не считающих нужным принятие подобных мер (26%, +15 п. п.).

Острой проблемой для руководителей предприятий стало снижение объемов или прекращение импорта оборудования, запасных частей, комплектующих или программного обеспечения. Для выхода из создавшейся ситуации в 2023 году большинство респондентов перешло на китайские аналоги оборудования (71%) и комплектующих (52%), российские аналоги запасных частей используют 61% опрошенных, программного обеспечения – 51%.

Практически половина руководителей отметили, что в России нет альтернативных поставщиков необходимых им товаров (49%). В качестве наиболее упоминаемых последствий прекращения импорта из «недружественных» стран названы рост себестоимости продукции и цен на нее (38%) и остановка/замена имеющегося импортного оборудования из-за невозможности его обслуживания (31%).

Инвестиционная деятельность

Расширение воспроизводственных процессов на предприятии требует наращивания объемов финансирования. С 2022 года снизилась доля руководителей предприятий производственного сектора экономики Северо-Запада России, считающих уровень средств, выделяемых на развитие предприятия, оптимальным (32%, -14 п. п.), однако значительно выросла доля опрошенных, считающих его достаточным только для поддержания текущих объемов производства (38%, +15 п. п.; рис. 5).

В то же время более половины респондентов в 2024 году при ответе на вопрос о потребности в модернизации производства выбрали вариант проведения частичной модернизации (64%, +2 п. п. с 2022 года), 10% (+5 п. п.) уверены в необходимости коренной модернизации. При этом сохраняется тенденция преимущественного использования собственных средств в качестве источника финансирования инвестиционной деятельности: 89% руководителей в 2024 году вкладывали в эти процессы в том числе собственный капитал, 37% проводили ее полностью за свой счет. Доля респондентов, финансирующих инвестиционную деятельность исключительно за счет собственных средств, с 2023 года увеличилась более чем в 5 раз (с 7 до 37%), что свидетельствует о росте недоступности других видов финанси-

рования для предприятий производственного сектора экономики. В 2024 году 83% планируют использовать собственные ресурсы в совокупности с кредитными, бюджетными и другими средствами; 25% – финансировать только из собственных средств. При этом в целях долгосрочного инвестирования получение банковских кредитов не привлекает 83% опрошенных, не готовы брать кредит для финансирования оборотных средств 76%. Доля тех, кто рассматривает использование кредитных средств для долгосрочного инвестирования или скорее согласен на это, упала на 9 п. п. с 2022 года (до 4%), а не рассматривающих такую возможность – выросла на 17 п. п. Финансировать оборотные средства за счет кредита согласны 17% руководителей (-2 п. п. с 2022 года), рост доли несогласных использовать такой источник средств составил 14 п. п.

Основные факторы, препятствующие разработке и внедрению инноваций на предприятиях, в первую очередь связаны с недостатком денежных средств и работников. Так, основным барьером на протяжении трех лет остается высокая стоимость нововведений (52, 36, 58% соответственно), выросла доля недовольных недостатком собственных денежных средств (53%, +24 п. п.) и квалифицированных работников (31%, +14 п. п.) для реализации инновационных проектов.

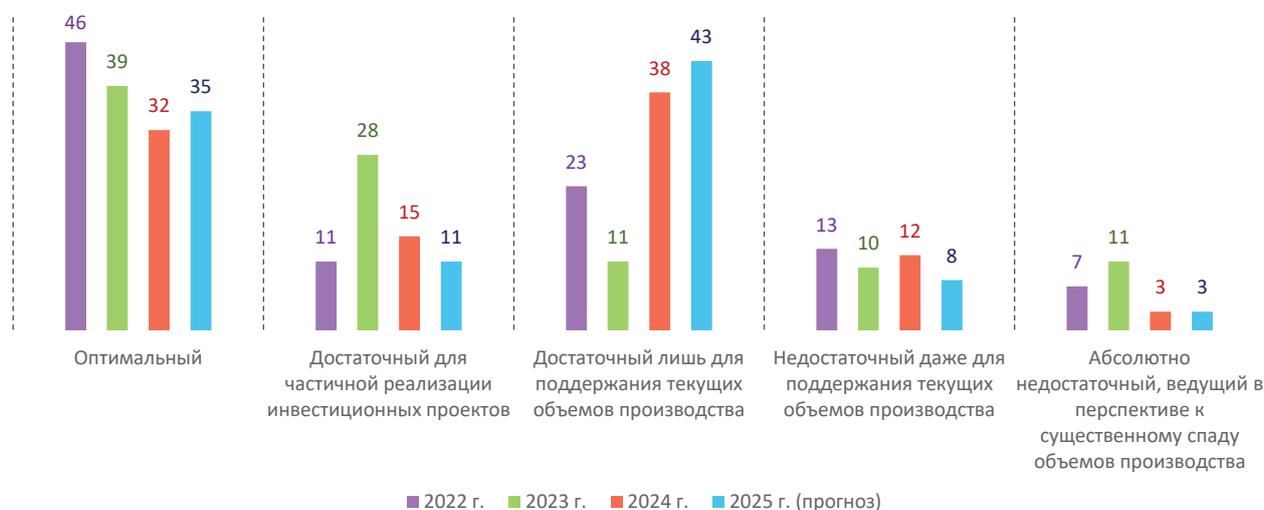

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень средств, выделяемых на развитие Вашего предприятия?» (сумма ответов равна 100%), % от числа ответивших

Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, в первую очередь сдерживало инвестиционную деятельность на предприятии?», % от числа ответивших

Вариант ответа	2022 год	2023 год	2024 год	2025 год (прогноз)
Высокая стоимость оборудования, строительно-монтажных работ	65	65	57	63
Ограничение доступа к импортному оборудованию из-за санкций	16	35	54	63
Непредвиденные изменения курса рубля, банковских процентных ставок	16	45	49	49
Высокий процент по банковскому кредиту	26	26	48	53
Недостаток финансовых средств	55	37	43	40
Высокая кредиторская/дебиторская задолженность	22	8	11	21
Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.				

Обновление производственных фондов в 2024 году планируется на 82% предприятий производственного сектора экономики (+26 п. п.). В качестве причин, сдерживавших инвестиционную деятельность в предыдущем году, более половины руководителей отметили высокую стоимость оборудования и строительно-монтажных работ (57%, -8 п. п.), и ограничение доступа к импортному оборудованию (54%, +38 п. п.; табл. 5).

На ближайший год респонденты указывают вероятность усиления отрицательного влияния этих факторов, а также высокого процента по банковскому кредиту (+5 п. п.) и высокой кредиторской/дебиторской задолженности (+10 п. п.).

Оценка экономической политики

Прошлые опросы руководителей производственного сектора экономики Северо-Запада России позволили выявить повышение оценок проводимой экономической политики со стороны федеральных и региональных властей в связи с большим количеством мер поддержки, разработанных для снижения негативного влияния воздействия санкционной политики на производственный сектор экономики. В рамках опроса 2024 года большинство респондентов продолжают считать правильной экономическую политику властей России (58%) и региона (47%). Однако отметим уменьшение общего числа ответов о поддержке действий Правительства РФ с 2022 года (-13 п. п.) и существенное снижение доли положительных оценок действий правительства региона (-44 п. п.).

Одновременно с этим можно отметить практическое отсутствие изменений в оцен-

ке взаимодействия с властями с начала рассматриваемого периода: на федеральном уровне она снизилась до 5,2 балла (-0,1 б.), на региональном – до 5,5 балла (-0,1 б.). Оценка взаимоотношений с исполнительными властями на муниципальном уровне за прошедшие три года снизилась на 0,5 балла (5 баллов из 10).

Значительная часть предприятий пользуется мерами государственной поддержки. Отмечен существенный прирост числа компаний, которые стали пользоваться региональными мерами помощи, а доля опрошенных, которым не потребовалась дополнительная поддержка от государства, снизилась на 15 п. п. (7% в 2024 году). Так, к концу рассматриваемого периода получали федеральные меры государственной поддержки 62% респондентов (+27 п. п.), региональные – 62% (+44 п. п.). Наиболее востребованными оказались субсидии (38%, +11 п. п.), налоговые льготы (36%, +19 п. п.) и возмещение части затрат (33%, +17 п. п.). Не удалось получить меры поддержки 14% руководителей (-9 п. п.).

Рост доли руководителей, которые стали пользоваться мерами господдержки, говорит об увеличении доступности этих мер. Однако респонденты продолжают отмечать недостатки, которые препятствуют более активному использованию мер господдержки. Наиболее частой проблемой, усугубившейся за последнее время, опрошенные считают несоответствие предлагаемых мер поддержки потребностям предприятия (58%, +16 п. п.). Около трети опрошенных указывают на большие временные затраты (30%, -3 п. п.) и сложность оформления документации (28%, рис. 6).

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос «Какие недостатки существующей государственной поддержки не позволяют Вам пользоваться ею активно?», % от числа ответивших

Источник: данные опроса ЦСИ ВолНЦ РАН.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Какие меры, на Ваш взгляд, необходимо предпринять в ближайшее время для развития производственного сектора экономики?», % от числа ответивших

Вариант ответа	2022 год	2023 год	2024 год
Создать условия для инвестирования в производственный сектор экономики, резко расширить сферу льготного кредитования	72	36	60
Упростить систему налогообложения, снизить суммарную величину налогов на производителей	75	61	58
Снизить уровень бюрократической нагрузки	49	57	56
Ограничить рост цен на топливо, энергию, транспортные услуги	36	58	43
Оказывать финансовую поддержку развитию перспективных (например, импортозамещающих) направлений производственного сектора экономики, рыночной инфраструктуры	36	32	35
Создать условия для роста платежеспособного спроса	30	46	29
Совершенствовать финансово-кредитную систему в интересах производственного сектора	30	37	29
Создать альтернативные платежные системы для обслуживания импортных и экспортных сделок	29	25	27
Усилить борьбу с коррупцией	26	43	27
Проводить эффективную внешнеторговую политику в интересах отечественных производителей	32	33	22
Запустить крупные инфраструктурные и промышленные проекты за счет госбюджета	30	26	22
Снизить суммарную величину налогов на население	17	29	10
Содействовать интеграционным процессам между предприятиями	11	19	10

Источник: данные опросов ЦСИ ВолНЦ РАН.

Помимо выделения недостатков и барьеров на пути развития своих предприятий руководители производственного сектора экономики считают важным начать принимать оперативные меры для его развития в ближайшем будущем. Большинство респондентов считает нужным создать условия для

инвестирования в производственный сектор и расширить сферу льготного кредитования (60%, -12 п. п.). Более половины из них уверены в эффективности упрощения системы налогообложения (58%, -17 п. п.) и снижения уровня бюрократической нагрузки (56%, +7 п. п.; табл. 6).

Непростая финансовая ситуация на предприятиях способствует тому, что наиболее распространенными мерами являются ограничение цен на топливо, энергию и транспортные услуги (43%, +7 п. п.) и потребность в финансовой поддержке (35%, -1 п. п.) для достижения цели. Также руководители предприятий указывают на необходимость более эффективного взаимодействия с властями. Для повышения его результативности они считают целесообразной финансовую поддержку предприятий приоритетных направлений экономики (47%, +9 п. п.), а также разработку и принятие целевых программ развития производственного сектора на макро-региональном уровне (40%, +13 п. п.).

Потребность в более активной государственной поддержке производственного сектора экономики СЗФО определила ту роль, которую государство должно играть в российской экономике в ближайшие несколько лет, по мнению руководителей. Только 28% (+14 п. п.) из них довольны существующим положением дел, 37% (-29 п. п.) считают, что государство должно активизировать экономическую политику, расширить спектр инструментов и применять преимущественно косвенные меры экономического регулирования.

Заключение

В заключение выделим изменения в производственном секторе экономики Северо-Запада России, произошедшие за три последних года, и определим новые и продолжающиеся тренды и тенденции.

Все респонденты отметили рост себестоимости производимой продукции (93%, +16 п. п.) и цен на приобретаемые товары (97%, +10 п. п.). Большинство руководителей уверены в продолжении этого тренда в ближайшем будущем (90 и 93% соответственно). О постепенном восстановлении работы сектора свидетельствуют планы предприятий по увеличению объема выпускаемой продукции (52%, +15 п. п.), спроса на нее на внутреннем рынке (35%, +7 п. п.) и прибыли (25%, +6 п. п.).

Наиболее часто для адаптации к экономическим условиям руководители ищут но-

вых поставщиков сырья и комплектующих (80%, +12 п. п.) и новые рынки сбыта (58%, +1 п. п.) внутри страны. В связи с этим можно констатировать переориентацию основного числа предприятий производственного сектора экономики на внутренний рынок.

Основными барьерами, препятствующими росту производства на предприятиях производственного сектора экономики СЗФО, остаются: высокие цены на сырье, топливо, энергию и материалы (65%, +12 п. п.), неопределенность экономической ситуации (41%) и недостаток квалифицированных работников (40%, +4 п. п.). Только 7% (-1 п. п.) руководителей не видят препятствий для развития собственных предприятий.

Трансформация производственно-сбытовых цепочек на предприятиях сектора связана с минимизацией торгово-экономического сотрудничества с зарубежными организациями. Отсутствие контрагентов за рубежом декларируют 69% (+63 п. п.) руководителей предприятий. По большинству направлений сотрудничество осуществляется с российскими предприятиями из макрорегионов за пределами Северо-Западного федерального округа. Нанимать работников на территории Северо-Запада предпочитают 86% (+31 п. п.) руководителей.

Тренд на переориентацию на внутренний рынок ограничивается его малой емкостью (65%, +34 п. п.). Дальнейшее освоение российского рынка сдерживается недостаточной поддержкой органов государственной власти (89%, +71 п. п.). Для перехода на внутренний рынок не видят препятствий 87% (+67 п. п.) респондентов, для освоения рынка СЗФО – 70% (+55 п. п.).

Санкционное давление привело, помимо переориентации на внутренних поставщиков и потребителей (71%, +9 п. п.), к поиску новых контрагентов на рынках нейтральных стран (71%, +13 п. п.). Наладка новых логистических цепочек через страны-посредники произошла на 44% предприятий (+6 п. п.).

Респонденты оптимистично смотрят в ближайшее будущее. В соответствии с их планами уровень средств, выделяемых на развитие предприятия, будет расти. При

этом неизменным остается преобладание собственных средств в объеме инвестиционного финансирования. Заемные средства, по мнению руководителей, продолжают оставаться непривлекательными для долгосрочного финансирования (83%, +17 п. п.), не готовы брать кредит для пополнения оборотных средств 76% (+14 п. п.) опрошенных.

Действия правительства страны поддерживают 58% респондентов, 48% считают верной проводимую региональными властями экономическую политику. При снижении в целом уровня поддержки властей обеих уровней оценка эффективности взаимодействия с исполнительными властями снизилась только на муниципальном уровне (-0,5 б.).

Сохраняется недовольство руководителей в отношении существующих мер государственной поддержки. Респонденты считают, что в настоящее время они не соответствуют потребностям большинства предприятий производственного сектора (58%, +16 п. п.), их оформление является сложным (28%) и занимает много времени (30%, -3 п. п.).

Названы мероприятия, проведение которых в ближайшем будущем, по мнению респондентов, должно стимулировать развитие производственного сектора экономики макрорегиона. Руководители предприятий считают, что для этого нужно создать условия для инвестирования (60%, -12 п. п.), упростить систему налогообложения (58%, -17 п. п.) и снизить уровень бюрократической нагрузки (56%, +7 п. п.).

Таким образом, по результатам исследования выявлены признаки адаптации и восстановления производственного сектора к условиям экономической нестабильности и последствиям усиления санкционного давления. Также определены системные проблемы, продолжающие негативно влиять на развитие сектора: его недофинансирование, недостаточный учет потребностей со стороны государства и банковского сообщества.

В исследовании отражены результаты мониторинга производственного сектора экономики, ежегодно проводимого Вологодским научным центром РАН. Анализ ответов руководителей предприятий помогает оценить изменения, происходящие в производственном секторе экономики Северо-Запада России в последние три года, выявить новые и продолжающиеся тенденции и существующие барьеры, мешающие сектору развиваться. Вклад работы в региональную и отраслевую экономику заключается в выделении препятствий, ограничивающих рост региона, и возможность разработать необходимые меры поддержки с учетом результатов опроса. Акцентирование внимания исполнительных властей регионов на проблемах и потребностях представителей производственного сектора макрорегиональной экономики способствует формированию системы наиболее эффективных методов и инструментов для выхода на траекторию устойчивого роста.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахапкин Н.Ю. (2023). Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 6. С. 7–25. URL: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_7_25
- Версан В.Г. (2022). Качество – магистральный путь восстановления сектора реальной экономики // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 2. № 8 (128). С. 7–17. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.08.02.001
- Горин Е.А. (2024). Экономика знаний и новые кадры для промышленности // Экономическое возрождение России. № 1 (79). С. 37–48. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-37-48
- Гусев А.Б., Юревич М.А. (2023). Результативность российской фармацевтической промышленности в догоняющем и опережающем развитии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 16. № 6. С. 55–73. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.3
- Евсеева О.В. (2022). Влияние новейшего геополитического фактора на мировой рынок нефти // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 2. № 6 (126). С. 105–115. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.06.02.015

- Замятина М.Ф. (2023). Устойчивое развитие российских регионов и предприятий в неустойчивой среде: проблемы и перспективы // Глобальные вызовы и национальные экологические интересы: экономические и социальные аспекты: сб. мат-лов XVII Междунар. науч.-практ. конф. Рос. общ-ва экол. экономики / под ред. Т.О. Тагаевой, Л.К. Казанцевой. Новосибирск. С. 16–20.
- Кувалин Д.Б., Зинченко Ю.В., Лавриненко П.А., Ибрагимов Ш.Ш., Зайцева А.А. (2024). Российские предприятия весной 2023 года: преодоление санкционного кризиса и усиление инвестиционной активности // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 217–232. DOI: 10.47711/0868-6351-202-217-232
- Кузнецов Б.В., Голикова В.В. (2023). Руководители обрабатывающих предприятий России о санкционных ограничениях и уязвимости к ним // ЭКО. № 9 (591). С. 33–51. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2023-9-33-51
- Лаженцев В.Н. (2024). Региональный опыт изучения и развития производительных сил (пример Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 1. С. 79–90. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.4
- Лапина Т.А., Стукен Т.Ю., Коржова О.С. (2023). Управленческие решения на промышленных предприятиях Омского региона: цифровой контекст // Цифровые модели и решения. Т. 2. № 1. С. 5. DOI: 10.29141/2782-4934-2023-2-1-5
- Лола И.С., Бакеев М.Б., Мануков А.Б. (2024). Новые измерители неопределенности деловой среды в российской экономике // Вопросы статистики. Т. 31. № 1. С. 5–21.
- Лукин Е.В., Ускова Т.В. (2018). Проблемы структурной трансформации региональной экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 6. С. 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2
- Пестунова Г.Б., Вечкинзова Е.А. (2023). Удаленная работа во время пандемии COVID-19 на примере Республики Казахстан: мнение работодателей // Управление. Т. 11. № 1. С. 84–94. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-1-84-94
- Стрелецкая М.Д. (2024). Влияние санкций на деятельность российских промышленных предприятий. Попытки адаптации промышленности к условиям внешнего санкционного давления в 2022–2023 гг. // Человек. Социум. Общество. № 2. С. 213–225.
- Ускова Т.В., Кувалин Д.Б., Лукин Е.В., Широкова Е.Ю., Зинченко Ю.В. (2022). Производственный сектор экономики Северо-Запада России: проблемы адаптации и перспективы функционирования в условиях санкций // Проблемы развития территории. Т. 26. № 6. С. 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. [и др.] (2020). Структурная трансформация региональной экономики. Вологда: ВолНЦ РАН. 232 с.
- Широкова Е.Ю., Лукин Е.В. (2023). Функционирование производственного сектора экономики Северо-Запада России в 2022–2023 гг.: ожидания и реальность // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 44–63. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.4
- Шушунова Т.Н., Вакуленко В.Ф., Самороков А.В., Лашманкина К.Ю. (2022). Влияние обострения глобальных вызовов на стратегию цифровой трансформации наукоемких производств // Транспортное дело России. № 1. С. 131–133. DOI: 10.52375/20728689_2022_1_131
- Bugryshev A.L., Panikarova S.V. (2024). Optimization of production stocks as an element of the anti-crisis strategy of an industrial enterprise. *Economics of enterprises and industrial complexes*, 2, 23–34. DOI: 10.33917/mic-2.115.2024.23-34
- Dahmen P. (2023). Organizational resilience as a key property of enterprise risk management in response to novel and severe crisis events. *Risk Management and Insurance Review*, 26 (2), 203–245.
- Galimulina F.F., Shinkevich M.V., Barsegyan N.V. (2023). Development of the financial flow model for the sustainable development of an industrial enterprise. *Journal of Risk and Financial Management*, 16 (2), 128.

- Jie G., Jiahui L. (2023). Media attention, green technology innovation and industrial enterprises' sustainable development: The moderating effect of environmental regulation. *Economic Analysis and Policy*, 79, 873–889.
- Karikova A.S. (2022). Transformation of business models of Russian industrial companies under the influence of digital technologies. *Strategic Decisions and Risk Management*, 13 (4), 384–397. Available at: <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2022-4-384-397>
- Li Z., He L., Zhong Z., Xia Y. (2024). Financial–industrial integration, green technology innovation, and enterprise's green development performance: An empirical analysis of 625 listed industrial enterprises of China. *Environment, Development and Sustainability*, 26 (2), 4029–4054.
- Petrova D., Trunin P. (2023). Estimation of economic policy uncertainty. *Russian Journal of Money and Finance*, 82 (3), 48–61.
- Tolstykh T., Shmeleva N., Gamidullaeva L., Krasnobaeva V. (2023). The role of collaboration in the development of industrial enterprises integration. *Sustainability*, 15 (9), 7180.
- Yangibaevich A.A., Eshqo'zиеv O.O. (2023). Empirical study of risk assessment of investment projects of industrial enterprise of Uzbekistan. *SAARJ Journal on Banking & Insurance Research*, 12 (2), 1–10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Юрьевна Широкова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: shir11@bk.ru)

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, заведующий Центром структурных исследований и прогнозирования территориального развития, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Shirokova E.Yu., Lukin E.V.

MANUFACTURING SECTOR OF THE ECONOMY OF NORTH-WEST RUSSIA: IS IT CONTINUING TRANSFORMATION?

North-West Russia is an industrially developed macroregion, the successful functioning of which for many years was connected with geographically close countries of Europe and with the USA. The main trade and economic relations were interrupted due to the introduction of sanctions against the country and their subsequent intensification, and the enterprises of the manufacturing sector of the economy had to look for new counterparties and reorganize logistics chains. Monitoring of the industrial sector of the economy of North-West Russia helps to highlight the specifics of recovery processes from the point of view of enterprise managers. The survey results have become sources of information supplementing official statistics and allowing to identify trends, prospects and limitations for the sector's development. The study will make it possible to assess the adaptation processes taking place in the manufacturing sector of the economy, to reflect the existing and new trends in accordance with the subjective opinion of enterprise managers. The aim of the paper is to highlight the changes that have occurred in the manufacturing sector of the economy of North-West Russia, indicating its adaptation to the build-up of sanctions pressure. The information base of the research is the works of Russian and foreign scientists, Rosstat statistics and the data of questionnaire surveys conducted in 2022–2024. The questionnaire contained questions describing the spheres of activities of enterprises, helping to characterize the shifts in production

and sales activities, features of investment processes, labor resources, and interaction with the authorities. Representatives of large and medium-sized enterprises of the manufacturing sector of the macroregion's economy prevailed among the survey participants, which substantiating a number of recommendations for its development, which can be taken into account when adjusting economic policy and working out measures of state support. The research results will be of interest to economic specialists, regional authorities to take into account the development features of the manufacturing sector of the economy and working out of programs and measures to support it.

Region, monitoring, manufacturing sector, sanctions, transformation, trends, adaptation.

REFERENCES

- Akhapkin N.Yu. (2023). Russian economy under sanctions: Dynamics and structural changes. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 6, 7–25. Available at: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_6_7_25 (in Russian).
- Bugryshev A.L., Panikarova S.V. (2024). Optimization of production stocks as an element of the anti-crisis strategy of an industrial enterprise. *Economics of Enterprises and Industrial Complexes*, 2, 23–34. DOI: 10.33917/mic-2.115.2024.23-34
- Dahmen P. (2023). Organizational resilience as a key property of enterprise risk management in response to novel and severe crisis events. *Risk Management and Insurance Review*, 26(2), 203–245.
- Evseeva O.V. (2022). Impact of the newest geopolitical factor on the world oil market. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 2, 6(126), 105–115. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.06.02.015 (in Russian).
- Galimulina F.F., Shinkevich M.V., Barsegyan N.V. (2023). Development of the financial flow model for the sustainable development of an industrial enterprise. *Journal of Risk and Financial Management*, 16(2), 128.
- Gorin E.A. (2024). Knowledge economy and new personnel for the industry. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 1(79), 37–48. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-1-79-37-48 (in Russian).
- Gusev A.B., Yurevich M.A. (2023). Catching-up and outstripping development of the Russian pharmaceutical industry. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 16(6), 55–73. DOI: 10.15838/esc.2023.6.90.3 (in Russian).
- Jie G., Jiahui L. (2023). Media attention, green technology innovation and industrial enterprises' sustainable development: The moderating effect of environmental regulation. *Economic Analysis and Policy*, 79, 873–889.
- Karikova A.S. (2022). Transformation of business models of Russian industrial companies under the influence of digital technologies. *Strategic Decisions and Risk Management*, 13(4), 384–397. Available at: <https://doi.org/10.17747/2618-947X-2022-4-384-397>
- Kuvalin D.B., Zinchenko Yu.V., Lavrinenko P.A., Ibragimov Sh.Sh., Zaitseva A.A. (2024). Russian enterprises in spring 2023: Overcoming the sanctions crisis and increasing investment activity. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1, 217–232. DOI: 10.47711/0868-6351-202-217-232 (in Russian).
- Kuznetsov B.V., Golikova V.V. (2023). Russian manufacturing executives on sanctions restrictions and vulnerability to them. *EKO=ECO Journal*, 9(591), 33–51. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2023-9-33-51 (in Russian).
- Lapina T.A., Stuken T.Yu., Korzhova O.S. (2023). Management decisions at industrial enterprises of the Omsk region: Digital context. *Tsifrovye modeli i resheniya=Digital Models and Solutions*, 2(1), 5. DOI: 10.29141/2782-4934-2023-2-1-5 (in Russian).
- Lazhentsev V.N. (2024). Regional experience of studying and developing productive forces (case study of the Republic of Komi). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(1), 79–90. DOI: 10.15838/esc.2024.1.91.4 (in Russian).
- Li Z., He L., Zhong Z., Xia Y. (2024). Financial-industrial integration, green technology innovation, and enterprise's green development performance: An empirical analysis of 625 listed industrial enterprises of China. *Environment, Development and Sustainability*, 26(2), 4029–4054.

- Lola I.S., Bakeev M.B., Manukov A.B. (2024). New indicators of business uncertainty in the Russian economy. *Voprosy statistiki*, 31(1), 5–21 (in Russian).
- Lukin E.V., Uskova T.V. (2018). Structural transformation issues in regional economy. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(6), 26–40. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.2 (in Russian).
- Pestunova G.B., Vechkinzova E.A. (2023). Remote work during the COVID-19 pandemic on the example of the Republic of Kazakhstan: Employers' opinion. *Upravlenie*=*Management (Russia)*, 11(1), 84–94. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-1-84-94 (in Russian).
- Petrova D., Trunin P. (2023). Estimation of economic policy uncertainty. *Russian Journal of Money and Finance*, 82(3), 48–61.
- Shirokova E.Yu., Lukin E.V. (2023). Functioning of manufacturing sector of the North-West Russia economy in 2022–2023: Expectations and reality. *Problemy razvitiya territorii*=*Problems of Territory's Development*, 27(6), 44–63. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.4 (in Russian).
- Shushunova T.N., Vakulenko V.F., Samorokov A.V., Lashmankina K.Yu. (2022). The impact of the aggression of global challenges on the strategy of the digital transformation of school-intensive industries. *Transportnoe delo Rossii*=*Transport Business in Russia*, 1, 131–133. DOI: 10.52375/20728689_2022_1_131 (in Russian).
- Streletskaya M.D. (2024). The impact of sanctions on the activities of Russian industrial enterprises. Attempts to adapt the industry to the conditions of external sanctions pressure in 2022–2023. *Chelovek. Sotsium. Obshchestvo*, 2, 213–225 (in Russian).
- Tolstykh T., Shmeleva N., Gamidullaeva L., Krasnobaeva V. (2023). The role of collaboration in the development of industrial enterprises integration. *Sustainability*, 15(9), 7180.
- Uskova T.V., Kuvalin D.B., Lukin E.V., Shirokova E.Yu., Zinchenko Yu.V. (2022). The manufacturing sector of the economy of Northwest Russia: Problems of adaptation and prospects of functioning under sanctions. *Problemy razvitiya territorii*=*Problems of Territory's Development*, 26(6), 7–28. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.1 (in Russian).
- Uskova T.V., Lukin E.V., Leonidova E.G. et al. (2020). *Strukturnaya transformatsiya regional'noi ekonomiki* [Structural Transformation of the Regional Economy]. Vologda: VolRC RAS.
- Versan V.G. (2022). Quality is the main path to recovery of the real economy sector. *Ekonomika i upravlenie: problema, resheniya*, 2, 8(128), 7–17. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2022.08.02.001 (in Russian).
- Yangibaevich A.A., Eshqo'zhev O.O. (2023). Empirical study of risk assessment of investment projects of industrial enterprise of Uzbekistan. *SAARJ Journal on Banking & Insurance Research*, 12(2), 1–10.
- Zamyatina M.F. (2023). Sustainable development of Russian regions and enterprises in an unstable environment: Problems and prospects. In: Tagaeva T.O., Kazantseva L.K. (Eds.). *Global'nye vyzovy i natsional'nye ekologicheskie interesy: ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty: sb. mat-lov XVII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ros. obshch-va ekol. ekonomiki* [Global Challenges and National Environmental Interests: Economic and Social Aspects: Proceedings of the 17th International Scientific and Practical Conference of the Russian Society for Ecological Economics]. Novosibirsk (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena Yu. Shirokova – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: shir11@bk.ru)

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), head of the Center for Structural Research and Forecasting of Territorial Development, Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.3

УДК 332.1;711.435 | ББК 65.042

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕКУЩИХ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА)

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: [0000-0002-3371-2229](https://orcid.org/0000-0002-3371-2229); ResearcherID: [D-8752-2018](https://orcid.org/D-8752-2018)

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЕКИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: n.ekimova@bk.ru
ORCID: [0000-0001-6873-7146](https://orcid.org/0000-0001-6873-7146); ResearcherID: [D-8643-2018](https://orcid.org/D-8643-2018)

В статье рассмотрена проблема организации экономического пространства России в разрезе масштаба имеющих муниципальных образований. В ходе исследования отчетной статистики установлено наличие глобальной проблемы – в стране на протяжении последних 20 лет происходит постепенное сокращение численности населения малых муниципальных образований. Для ликвидации указанной проблемы развернута масштабная кампания по разработке и обновлению стратегий развития малых муниципальных образований, под которыми в статье понимаются муниципальные образования с численностью населения до 50 тыс. чел. Опыт показывает, что в данных документах часто возникает рассогласование между стратегическими задачами властей и текущими нуждами населения. Для устранения этого противоречия предлагается простой аналитический алгоритм, основанный на анкетных опросах жителей поселений, вычислении индекса удовлетворенности разными сторонами жизни и использовании правила отбора проблемных зон для получения необходимой информации на ранних этапах разработки

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2024). Определение текущих проблем развития малых муниципальных образований России (на примере территорий Крайнего Севера) // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 30–47. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.3

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2024). Determining current development problems of Russia's small municipalities (case study of the Far North territories). *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 30–47. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.3

муниципальных стратегий. Апробация предложенной аналитической процедуры применительно к Тазовскому району Ямало-Ненецкого автономного округа позволила получить содержательные результаты и дает основания считать, что ее тиражирование для муниципальных образований территории Крайнего Севера может быть весьма плодотворным. Обсуждается вопрос распространения методики на другие малые муниципальные образования страны со специфическими климатическими и географическими условиями.

Болевые точки, городские поселения, малые города, развитие, сельские поселения, стратегия.

Введение

В настоящее время в России управленческие усилия государства фокусируются на развитии малых городов и поселений. Такое запаздывание интереса властей связано с естественной очередностью и приоритетностью в рассмотрении поселений – от крупных к мелким. Малые города и поселения в силу своей специфики требуют более изощренных методов управления. Именно эта работа активно разворачивается в стране в последние несколько лет, для чего разрабатываются и принимаются муниципальные стратегии социально-экономического развития, направленные на оживление многих депрессивных территорий с малым населением. Вместе с тем указанные программы базируются на предварительной аналитической работе по выявлению текущих и стратегических проблем территорий. Здесь имеются разные наработки и подходы, которые сегодня активно апробируются на местах.

Сказанное предопределяет цель исследования, которая состоит в предложении простого подхода по определению болевых точек (текущих проблем) малых муниципальных образований на основе опросов разных групп населения; апробация предлагаемого подхода применительно к территории Крайнего Севера – Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа – позволяет раскрыть его преимущества и подводные камни.

Актуальность подхода детерминирована тем обстоятельством, что стратегические задачи развития территории естественным образом сопрягаются с текущими нуждами ее населения, однако на практике они часто смешиваются, путаются и даже иногда подменяют друг друга, в результате чего

некоторые проблемы теряются в нормативных документах программного характера. Чтобы избежать таких непреднамеренных ошибок в разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных образований, в статье отстаивается простой, но действенный алгоритм идентификации текущих проблем территорий на предварительной стадии разработки указанных стратегий.

В статье проверяются две генеральные гипотезы: 1) в России в последние 20 лет наметилась опасная тенденция к постепенному вымиранию малых муниципальных образований, что требует улучшения качества программных документов развития территорий; 2) при разработке муниципальных программ социально-экономического развития малых муниципальных образований России для согласования стратегических априорных установок властей и текущих нужд населения целесообразно использовать такие аналитические инструменты, как индекс удовлетворенности и правило отбора проблемных зон на основе анкетных опросов разных групп населения. Новизна предложенного аналитического инструментария состоит не в его процедурных элементах, а в его экспериментальном характере и демонстрации его практического применения для нужд разрабатываемых стратегий развития муниципальных образований.

Муниципальные образования России: типология и основные характеристики

На огромной территории Российской Федерации, площадь которой превышает 17 млн кв. км, проживает 146,1 млн чел. более

чем в 17 тыс. муниципальных образованиях¹. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) определяет муниципальное образование как «городское или сельское поселение, муниципальный район, муниципальный округ, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения». Это определение фактически закрепляет перечень населенных территорий, которые относятся к муниципальным образованиям, но не определяет его существенных признаков. Других определений понятия «муниципальное образование» нормативно-правовая база Российской Федерации на сегодняшний день не дает, в связи с чем в научной литературе можно встретить различные интерпретации данного термина.

В учебном пособии «Система муниципального управления» муниципальное образование определяется как «городское, сельское поселение или несколько поселений, объединенных в муниципальный район, в пределах которого осуществляется местное самоуправление, имеются муниципальная собственность, местный бюджет и органы местного самоуправления» (Зотов, 2005). К.А. Николаев и В.К. Николаев дают следующее определение: «политическая форма организации жизни местного сообщества, которая складывается как результат возникновения и деятельности определенного вида публичной власти – муниципальной власти, решающей вопросы местного значения в соответствии с Конституцией страны, действующим законодательством и использующей в случае необходимости принудительные меры» (Николаев, Николаев, 2013). М.А. Задорина предлагает определять муниципальное образование как «имеющую на правах собственности имущество, бюджет, наименование и официальные символы публично-территориальную едини-

цу, расположенную на территории субъекта Российской Федерации, в границах которой населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления в соответствии с уставом и иными муниципальными правовыми актами решаются вопросы местного значения, а также в соответствии с законами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации осуществляются отдельные государственные полномочия» (Задорина, 2021).

При этом авторы выделяют следующие существенные признаки муниципального образования: территория, на которой осуществляется местное самоуправление; население, проживающее на этой территории; действующая муниципальная власть; местные налоги; система общеобязательных и нормативно закреплённых правил поведения для местного сообщества (Николаев, Николаев, 2013); муниципальная собственность, местный бюджет, официальная символика и органы местного самоуправления (Шугрина, 2017); наименование и наличие собственной компетенции (Овчинникова, Шмакова, 2017); официальные символы, отражающие исторические, культурные, национальные и местные традиции (Чуева, Иваненко, 2016); наибольшая приближенность к населению по сравнению с другими публично-правовыми образованиями; организационно-правовое содействие местному сообществу в осуществлении местного самоуправления (Сергеев, 2013).

Немало исследований посвящено и вопросу типологии муниципальных образований. При этом большая их часть рассматривает их классификацию на примере деления городов, выделяя такие признаки, как культурно-исторический генезис и физико-географические условия (Манаева, 2018); генезис развития (Лимонов, Несена, 2015); наличие/отсутствие особенностей осуществления местного самоуправления (Петряев, 2020); специализация экономики (Ромашина, 2019) и др. Кроме того, широкое распространение получил комплексный подход, предусматривающий деление муниципальных

¹ Данные Росстата на 01.01.2024 приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

образований по совокупности разных признаков (Манаева, 2018; Шакирова и др., 2022; Беляева, Кравцов, 2023).

Нормативно закреплённым критерием деления муниципальных образований является численность населения. Однако в «СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89», утверждённом приказом Минстроя России от 30 декабря 2016 года № 1034/пр (далее – СП 42.13330.2016), закреплено деление только для городских и сельских поселений (табл. 1). В отношении остальных муниципальных образований деление по данному критерию нормативно не закреплено.

Таблица 1. Классификация городских и сельских поселений по численности населения

№	Группа	Население, тыс. чел.	
		городские поселения	сельские поселения
1	Крупнейшие	> 1000	–
2	Крупные	от 500 до 1000 от 250 до 500	> 5 от 3 до 5
3	Большие	от 100 до 250	от 1 до 3
4	Средние	от 50 до 100	от 0,2 до 1
5	Малые	от 20 до 50 от 10 до 20 < 10	от 0,05 до 0,2 < 0,05

Источник: СП 42.13330.2016.

Стоит отметить, что на сегодняшний день помимо указанного документа типизация населённых пунктов России официально нигде не закреплена. В Градостроительном кодексе Российской Федерации от 7 мая 1998 года № 73-ФЗ в ст. 5 давалась типология поселений Российской Федерации, однако в новом Градостроительном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 2004 года № 191-ФЗ (далее – Кодекс) деление поселений России отсутствует. В марте 2023 года на рассмотрение в Государственную Думу

Российской Федерации был внесен законопроект № 314773-8 «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации (в части введения типизации населённых пунктов)», где предлагалось закрепить в Кодексе классификацию населённых пунктов России и дополнительно выделить категорию сверхкрупных городов, численность населения которых превышает 3 млн чел.² Законопроект был отклонен в связи с большими затратами на его реализацию, связанными с необходимостью проведения нового территориального планирования и возможными социальными выплатами населению в связи с изменением статуса населённого пункта, в котором они проживают. Повторно поданный в апреле 2024 года законопроект № 592285-8 был отклонен по аналогичным причинам³.

Тем не менее понятие «малые муниципальные образования» можно встретить в различных исследованиях, однако их критерии могут отличаться друг от друга. Например, к категории малое муниципальное образование относится муниципальный район, включающий городское поселение и прилегающие к нему сельские населённые пункты, с общей численностью населения до 50 тыс. чел. (Проваленова, 2017); поселения с численностью жителей менее 10 тыс. чел.⁴; к более широкой категории малых и средних муниципальных образований относят городские округа и городские поселения с численностью населения не более 100 тыс. чел. (Лукиянова, 2013). В данной работе под малыми муниципальными образованиями (далее – ММО) будем подразумевать муниципальные образования с численностью населения менее 50 тыс. чел.

Малые муниципальные образования являются важным элементом административно-территориального деления страны и концентрируют 40,9% российского населения. В то же время эта категория является достаточно уязвимой и на протяжении многих лет

² <https://sozd.duma.gov.ru/bill/314773-8>

³ Там же.

⁴ Российский и зарубежный опыт привлечения инвестиций в коммунальный сектор малых муниципальных образований. URL: https://urbaneconomics.ru/sites/default/files/itogovaya_kratkaya_versiya_vsivo_malye_mo_29.12.2017.pdf

Таблица 2. Динамика численности населения малых муниципальных образований в 2002–2021 гг.

Показатель	2002 год	2010 год	2021 год	Изменение	
				тыс. чел.	%
Численность населения, проживающего в малых муниципальных образованиях, тыс. чел.	65874	61775	59946	5928	-9,0
Составлено по: данные Росстата.					

Таблица 3. Динамика количества малых городских поселений и численности их населения

	2002 год		2023 год		Изменение, %	
	количество	численность населения, тыс. чел.	количество	численность населения, тыс. чел.	количество	численность населения, тыс. чел.
Всего	2610	27136	1968	22839	-24,6	-15,8
Города	768	16623	799	15788	4,0	-5,0
П.г.т.	1842	10513	1169	7051	-36,5	-32,9
Составлено по: данные Росстата.						

находится в кризисном состоянии. Анализ динамики характеристик малых городских поселений за период с 2002 по 2023 год показал устойчивую тенденцию их сокращения: численность населения малых муниципальных образований в рассматриваемый период снизилась почти на 6 млн чел. (табл. 2). При этом наиболее заметные изменения происходили в городских поселениях, число которых сократилось на 642 населенных пункта, а численность населения в них уменьшилась на 4,30 млн чел. (табл. 3).

Из табл. 3 видно, что сокращение числа городских поселений происходило преимущественно за счет поселков городского типа, которых стало меньше на 673 населенных пункта (3,46 млн чел.). В то же время на фоне сокращения численности населения малых городов на 0,84 млн чел. наблюдается небольшой рост их количества с 768 в 2002 году до 799 в 2023 году, который, однако, не перекрывает общего снижения численности населения, проживающего в малых городских поселениях. В целом можно констатировать, что в России происходит постепенное сокращение населения малых муниципальных образований.

Осознание значимости данной проблемы нашло отражение в нормативных документах не только на региональном, но и на федеральном уровне. Так, в Стратегии

пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р, поставлена задача обеспечения сбалансированного пространственного развития страны за счет обеспечения социально-экономического развития городских агломераций, малых и средних городов. Для этого каждый даже малый город и поселение должны иметь свою долгосрочную стратегию развития, вписывающуюся в региональную и общегосударственную стратегии развития. Важным этапом ее разработки является определение текущих проблем и болевых точек территории, а также их причин. Именно этим обусловлена поставленная в статье цель по определению болевых точек малых муниципальных образований России и разработке алгоритма их выявления.

Болевые точки малых муниципальных образований России: обзор литературы

В российской и зарубежной литературе можно найти немало работ, посвященных исследованию проблем развития малых муниципальных образований и поиску путей их преодоления. Большая часть из них ориентирована на малые города. При этом многие авторы проблемы малых городов «рас-

ширяют» на малые муниципальные образования в целом, поскольку они во многом идентичны. Именно поэтому акцент в обзоре будет преимущественно сделан на такое малое муниципальное образование, как городское поселение, а именно малый город.

Значительная часть работ концентрирует внимание на проблеме их вымирания, связанной с происходящими процессами урбанизации и внутренней миграцией населения в крупные города. При этом многие авторы увязывают урбанистические процессы с ростом продуктивности экономики страны (Nakamura, 1985), накоплением человеческого капитала (Palivos, Ping, 1996; Eaton, Eckstein, 1997) и повышением качества жизни (Capello, Faggian, 2002). В то же время отмечается негативное влияние урбанизации на малые города, что выражается прежде всего в оттоке населения, вызванном отсутствием развитой инфраструктуры и перспектив в работе, а также тяжелыми для жизни климатическими условиями в северных регионах России (Хмельченко и др., 2023). Решение вопроса авторы видят в разработке и реализации государственных программ по развитию малых городов России, направленных на повышение их конкурентоспособности; развитие инновационных отраслей, вспомогательных и обслуживающих секторов экономики через региональную и межрегиональную кооперацию, социальной инфраструктуры; установление механизмов обратной связи между гражданами и органами власти.

Комплексному исследованию проблем развития малых городов России посвящена статья (Медяник, Валеева, 2019), в которой авторы на примере города Лениногорск Республики Татарстан показывают зависимость малых городов от отраслевой структуры и специализации расположенного в них производства, а также от наличия не только рабочих мест, но и квалифицированных рабочих и технических специалистов. В свою очередь их привлечению и удержанию способствуют факторы инфраструктурного обустройства и состояния культурно-досуговой сферы.

Широкое распространение в зарубежных исследованиях, особенно европейских, получила концепция изучения малых городов на основе подхода дифференцированных стратегий локального регионального развития и поиска «золотой середины» между региональным детерминизмом и территориальной автономией (Servillo et al., 2017). Особенностью этих исследований является обобщение опыта конкретных городов и управленческих инициатив в области городского развития и пространственного планирования. В частности, опыт повышения потенциала роста малых городов Польши на основе их социально-экономического сотрудничества в рамках движения Cittaslow, целью которого является улучшение качества жизни, рассмотрен в работе (Senetra, Szarek-Iwaniuk, 2020); влияние национальной политики Дании, Норвегии, Швеции, Великобритании по перераспределению государственных рабочих мест из центра в малые территориальные образования на жизнь этих территорий показано в статьях (Nilsson, 1992; Marshal et al, 2005; Trondal, Kiland, 2010; Larsen, 2024); анализ проблем развития малых городов Китая и поиск путей их решения представлен в исследовании (Gu et al., 2015).

Аналізу причин кризисного состояния малых городов России и поиску путей преодоления депрессивных явлений посвящена серия статей (Овчинников, 2023; 2022а; 2022b). Для оценки потенциала городского поселения автор применяет подход, основанный на анализе эффективности использования имеющегося в распоряжении местного сообщества капитала (физического, природного, финансового, человеческого, социального, культурного, политического), который позволяет определить структуру проблем и причины их возникновения. Так, в числе ключевых причин кризисного состояния малых городов автор выделяет дефицит финансовых ресурсов, необходимых для развития территории; неэффективность управления городским хозяйством; несовершенство федеральной законодательной базы, препятствующее позитив-

ным переменам на местном уровне власти; слабое задействование человеческого капитала; недостаточное развитие социального и культурного капитала; изношенное состояние физических активов; неудовлетворительное состояние природного капитала (Овчинников, 2023, 2022a). При этом проведенный автором анализ государственной политики относительно развития малых городов показал отсутствие значимых перспектив развития у малых городских поселений в свете текущей федеральной социально-экономической политики и необходимость инициации местными органами власти собственных антикризисных программ (Овчинников, 2022b). В качестве антикризисных мер О. Овчинников предлагает проведение мероприятий по двум направлениям: использование внутренних резервов, включающее форсирование действия нормативных документов, борьбу с неэффективным расходованием денежных средств и мобилизацию человеческого потенциала; увеличение ресурсной базы, связанное с оптимизацией и ростом финансовых потоков внутри местного сообщества за счет мобилизации резервов бюджета муниципального образования, стимулирования притока внешних финансовых поступлений и содействия росту предпринимательской активности. Основными субъективными факторами, препятствующими реализации антикризисных мероприятий, автор считает непонимание руководством малых городских поселений актуальности проблемы, неверие в позитивные перемены, отсутствие достаточных знаний в части антикризисного планирования, общее сопротивление переменам (Овчинников, 2022a).

Еще один метод, позволяющий идентифицировать проблемы развития малых городов, основан на использовании показателей, оценивающих различные аспекты развития. Одним из таких показателей является индекс качества городской среды, разработанный Минстроем России и рассчитываемый по шести группам показателей (жилье и прилегающее пространство,

улично-дорожная сеть, озелененные пространства, общественно-деловая инфраструктура и прилегающие пространства, социально-досуговая инфраструктура и прилегающие пространства, общегородское пространство). Индекс позволяет определить текущее состояние городской среды и оценить уровень комфорта проживания в соответствующем городе. Его результаты используются для определения размера субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на поддержку муниципальных программ формирования современной городской среды (Коростылева, 2022).

Помимо рассмотренных выше подходов широкое распространение при проведении социологических исследований с целью выявления потребностей жителей малых городов получило анкетирование. Исследования проблем развития малых городов на основе анкетирования посвящена целая серия работ, которые формируют объективную картину проживания в малых городских поселениях разных регионов России, например в Мурманской области (Шарова, Малеус, 2022), во Владимирской и Тульской областях (Шарко, 2020), в Тверской, Тульской и Ярославской областях (Григулевич и др., 2022). Общенациональное исследование малых городов России, проводимое Институтом социологии ФНИСЦ РАН с 2019 года показало, что развитие малых городских поселений связано не только с основными экономическими индикаторами, но и с социальной и культурной сферой, поскольку подавляющее большинство опрошенных жителей малых населенных пунктов, несмотря на сопровождающие их жизнь трудности и проблемы, считают, что сохранение и развитие малых городов способствует как социально-экономической и национальной безопасности страны, так и воспроизводству общероссийских ценностей и норм жизни, а также сохранению самоидентификации личности и ее индивидуальности (Маркин, Черныш, 2019). Для получения полномасштабной картины развития малых городов довольно часто ис-

пользуется сочетание методов исследования, основанных на анализе статистических показателей и социологическом опросе (Маркин и др., 2019).

Наше исследование продолжает серию работ по идентификации болевых точек малых муниципальных образований России на основе анкетирования их населения.

Методология определения болевых точек экономики малых муниципальных образований России

При определении болевых точек социально-экономического развития территории можно воспользоваться процедурой электронного опроса разных групп населения. Для этого следует определить несколько целевых социальных групп, среди которых осуществляется анкетирование, например население, предприниматели, инвесторы, работники администрации и т. п. Для каждой социальной группы составляется свой набор вопросов по единой схеме, когда на каждый заданный вопрос относительно удовлетворенности той или иной стороной социально-экономической жизни респондент дает ответ (ставит маркер в нужной графе) в соответствии с одним из вариантов качественной шкалы оценки: хорошо; скорее хорошо; скорее плохо; плохо. Имеет смысл для населения набор вопросов распределить тематически – по направлениям социально-экономической жизни, например состояние дорожного фонда, качество общественного транспорта, стоимость жилья и т. д.

Хотя такой подход позволяет получить представление о ключевых проблемных сторонах жизни региона, большое число вопросов и структура ответов на них в итоге дает множественность оценок, крайне неудобных для подведения итогов. В связи с этим качественную шкалу ответов целесообразно перевести в единую количественную оценку. Для этого можно воспользоваться следующей шкалой весовых коэффициентов для четырех вариантов ответа респондентов: хорошо (1,0), скорее хорошо (0,75), скорее плохо (0,25), плохо (0).

Для агрегирования ответов следует использовать индекс удовлетворенности населения:

$$I = (\alpha_1 x_1 + \alpha_2 x_2 + \alpha_3 x_3 + \alpha_4 x_4) 100\%, \quad (1)$$

где:

$\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ и α_4 – весовые коэффициенты ответов респондентов;

x_1, x_2, x_3 и x_4 – доли респондентов, давших соответствующие ответы;

$\alpha_1 = 1; \alpha_2 = 0,75; \alpha_3 = 0,25; \alpha_4 = 0$.

Индекс удовлетворенности I пронормирован и его значения находятся между 0 и 100%.

Для удобства определения болевых точек можно воспользоваться эвристическим правилом, согласно которому значение индекса удовлетворенности ниже 50% сигнализирует о наличии значимых проблем в рассматриваемой области:

$$I \leq 50\% \quad (2)$$

Наличие индекса удовлетворенности (1) и правила отбора проблемных зон (2) дают инструментальную основу для того, чтобы просканировать все вопросы и ответы респондентов в целях выявления значимых проблем социально-экономического развития региона. Предложенные количественные процедуры носят сугубо эмпирический и эвристический характер, но в силу крайней простоты позволяют получить требуемый результат и не «утонуть» в обилии информации, получаемой в процессе опроса населения. В идеале следует предусмотреть процедуру верификации всех полученных оценок посредством выезда экспертов в соответствующий регион и перепроверки фактов относительно выявленных болевых точек. Речь идет о том, что некоторые пессимистические оценки могут быть связаны со специфическими установками населения, которые при разработке опросных анкет не учитывались. Ниже этот аспект проблемы будет пояснен на конкретном примере.

**Эмпирические оценки
болевых точек экономики малых
муниципальных образований
на примере Тазовского района ЯНАО**

Предложенная в предыдущем разделе процедура определения болевых зон экономики ММО была апробирована в марте 2024 года для Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). Тазовский район, образованный в 1930 году, представляет собой территорию, расположенную за Полярным кругом на северо-востоке ЯНАО. Его площадь составляет 133,9 тыс. кв. км, на которых проживает 17,9 тыс. чел. До апреля 2020 года Тазовский район имел статус муниципального района, состоящего из сельского поселения, включавшего поселок Тазовский (8,4 тыс. чел.), село Антипаюта (2,7 тыс. чел.), село Газ-Сале (1,7 тыс. чел.), село Гыда (3,6 тыс. чел.), село Находка (1,4 тыс. чел.), и межселенной территории без статуса поселения (711 чел.). В 2020 году в результате преобразований был образован муниципальный округ Тазовский район, в состав которого входят 9 населенных пунктов. Особую специфику Тазовскому району придает его удаленность: расстояние до ближайшего большого населенного пункта (город Новый Уренгой) составляет 420 км. Таким образом, по заданному раннее критерию муниципальный округ Тазовский район относится к малому муниципальному образованию, специфической особенностью которого является удаленность от «Большой Земли». Разработанные анкеты были размещены на сайте администрации района, а все желающие могли их заполнить.

Опрос проводился среди следующих шести категорий респондентов:

- 1) население;
- 2) потенциальные инвесторы;
- 3) представители предприятий;
- 4) представители администрации района;
- 5) лидеры общественного мнения;
- 6) представители общественных организаций.

Проведенный опрос носил экспериментальный характер и не ставил задачу обеспечить массовость и репрезентативность

оценок (малые размеры района и отсутствие детальной информации о структуре его населения автоматически исключают возможность обеспечения репрезентативности опросов). Идентификация респондентов осуществлялась представителями администрации Тазовского района ЯНАО.

Проведенный опрос населения охватил 37 чел., из которых подавляющая часть – женщины (73%). В возрастном составе респондентов доминирует группа активных жителей, состоящая из зрелых лиц в возрасте 35–54 года (70,3%) и значимой доли молодежи в возрасте 18–34 года (29,7%). Подавляющее большинство опрошенных имеет высшее образование – 86,5%. Профессиональный состав респондентов является довольно разнообразным: водители, инженеры, программисты, экономисты, бухгалтеры, финансисты, менеджеры, журналисты, учителя, продавцы и муниципальные служащие. Почти все опрошенные являются жителями поселка Тазовский (97,2%), остальные – из села Гыда. Опрос потенциальных инвесторов показал, что таковых в регионе практически нет – ответы оказались получены только от трех человек, один из которых занимается строительством, двое других – добычей полезных ископаемых. Предприятий в районе немного и их активность в части желания участвовать в социологических обследованиях крайне низка – ответы получены только от трех предприятий, одно из которых специализируется на строительстве, одно – на сельском хозяйстве и еще одно – на обеспечении территории энергией.

Опрос администрации района охватил 306 чел., из которых подавляющая часть – женщины (77,8%). В возрастном составе респондентов доминирует группа активных жителей, состоящая из зрелых лиц в возрасте 35–54 года (87,2%) и незначимой доли молодежи в возрасте 18–34 года. Подавляющее большинство опрошенных имеет высшее образование – 80,1%. Профессиональный состав респондентов районной администрации является довольно разнообразным и включает бухгалтеров, менеджеров, экономистов, финансистов, юристов, администра-

торов, звукооператоров, сторожей, спортивных инструкторов, руководящий персонал, библиотекарей, костюмеров, методистов, педагогов, специалистов по безопасности. Опрос сектора общественных организаций позволил получить ответы только от двух респондентов. Опрос лидеров общественного мнения охватил 78 чел., из которых подавляющая часть – женщины (79,5%). В возрастном составе общественных активистов доминирует группа жителей, состоящая из зрелых лиц в возрасте 35–54 года (67,2%); подавляющее большинство опрошенных имеет высшее образование – 70,5%. Профессиональный состав респондентов является не слишком разнообразным: учителя, воспитатели, бухгалтеры, экономисты, финансисты, юристы, врачи.

Далее мы не будем приводить все данные проведенного обследования и результаты анализа, а ограничимся только теми, которые попадают в зону внимания, определяемую критерием (2). Иными словами, обратим пристальное внимание на те вопросы, по которым индекс удовлетворенности (1) оказался либо меньше 50%, либо в окрестности этой величины.

Наиболее рафинированные проблемы характерны для жилищной сферы, где опрос населения показывает гораздо более неровную ситуацию по сравнению с другими сторонами жизни (табл. 4). В частности, обращают на себя внимание проблемы со

стоимостью как самого жилья, так и жилищно-коммунальных услуг (эти две позиции помечены темным цветом в табл. 4); причем ситуация с покупкой жилья находится в состоянии, близкой к критической, – индекс удовлетворенности в два раза ниже порогового значения. Открытые вопросы также подтверждают этот вывод. Отмечаются следующие проблемы: нет арендного жилья, чтобы приезжие специалисты получали квартиры в коммерческий найм по адекватным ценам; невозможность купить и арендовать недвижимость по нынешней стоимости; многие дома находятся в аварийном состоянии; процесс переселения сильно затянут; имеется недовольство специалистами по программе переселения; очень высокие тарифы на отопление. Перечисленные вопросы являются приоритетными с точки зрения определения ориентиров для жилищной программы.

В сфере бытового обслуживания ситуация представляется достаточно стабильной, однако выявлено узкое место, связанное с обеспеченностью населения качественной питьевой водой (индекс удовлетворенности ниже 50%; в табл. 5 помечено темным цветом); настораживает ситуация с бытовыми услугами, которых явно не хватает – индекс удовлетворенности находится в относительно близкой окрестности порогового значения. Открытые вопросы позволяют прояснить некоторые проблемы. Так, питьевую

Таблица 4. Состояние жилищной сферы в Тазовском районе ЯНАО, 2024 год

Аспект жизни населения	Индекс удовлетворенности, %
Качество и комфортность личного жилья (достаточность метража квартиры, удобство планировки, наличие санитарно-гигиенических условий, горячей воды и т. п.)	59,4
Ценовая доступность жилья	25,0
Качество жилищно-коммунальных услуг (своевременный вывоз мусора, ремонтные работы, очистка территории около дома и т. п.)	60,1
Ценовая доступность стоимости жилищно-коммунальных услуг	47,9
Социальное благополучие вашего жилья (наличие школ, детских площадок, больниц и магазинов в зоне пешеходной доступности)	81,7
Наличие, доступность и благоустройство мест для стоянки личного транспорта (или гаражей) около Вашего жилья	60,8
Организация удобного подъезда к дому специальных служб (скорой помощи, пожарной службы и т. п.)	72,9

Таблица 5. Состояние сферы бытового обслуживания в Тазовском районе ЯНАО, 2024 год

Аспект жизни населения	Индекс удовлетворенности, %
Наличие, доступность и благоустройство парковочных мест и стоянок в районе для личного и служебного транспорта (наличие выделенных и асфальтированных мест, бесплатный характер стоянки)	70,9
Достаточность снабжения продуктами питания	82,4
Обеспеченность качественной питьевой водой	45,1
Достаточность снабжения товарами широкого потребления (за исключением лекарственных препаратов)	77,0
Достаточность снабжения лекарственными препаратами (как основными, так и специфическими)	79,0
Наличие в районе организаций, предоставляющих бытовые услуги: по ремонту обуви, сумок, часов, по замене батареек и т. п.	58,1

Таблица 6. Состояние рынка труда в Тазовском районе ЯНАО, 2024 год

Аспект жизни населения	Индекс удовлетворенности, %
Наличие уверенности в сохранении работы	77,0
Удовлетворенность имеющейся работой (материальной и содержательной составляющими)	70,3
Наличие уверенности в возможности найти новую работу в случае потери нынешней	55,4
Наличие достойной альтернативы имеющейся работе	52,0

воду предоставляют частные лица со всеми вытекающими последствиями; в некоторых магазинах товар завозится и тут же исчезает, что провоцирует дефицит; в регионе отсутствуют химчистки, стирки ковров, ремонт бытовой техники. Имеются и локальные проблемы: недостаточное количество парковочных мест возле борцовского клуба «Витязь»; имеются проблемы с покупкой хлеба; магазин «Полет» работает по только ему известному графику, что дезориентирует покупателей.

Анализ опросов относительно рынка труда говорит о стабильности работы местного населения и его удовлетворенности ею, однако при потере этой работы уверенность в получении разумной альтернативы невелика – индекс удовлетворенности находится в непосредственной близости от порогового значения (табл. 6). Тем самым рынок труда можно считать благополучным, но крайне хрупким. Комментарии населения свидетельствуют о наличии специфических кадровых проблем: имеется избыток специалистов в сфере финансов и бухгалтерии

на фоне нехватки квалифицированных менеджеров.

Помимо населения группой респондентов, давших важную информацию, оказались представители предприятий, опрос которых показал, что по-настоящему узкими местами их работы являются катастрофическая нехватка квалифицированных работников и острый дефицит современного производственного оборудования (эти два элемента помечены темным цветом в табл. 7). Тем самым перед производственным сектором района стоит большая техническая задача по обеспечению труда и капитала соответствующего качества, причем нехватка специалистов почти в три раза острее нехватки основных фондов. Свободные вопросы позволили установить, что главные проблемы для предприятий следующие: стандартные факторы – удаленность территории, сложные климатические условия и жилищный вопрос; специфические факторы – загрязнение рек из-за производственной деятельности предприятий ТЭК вблизи водоемов, используемых

Таблица 7. Состояние дел на предприятиях Тазовского района ЯНАО, 2024 год

Аспект жизни предприятий	Индекс удовлетворенности, %
Достаточность в районе квалифицированных работников, необходимых для предприятия	16,6
Достаточность производственного оборудования, необходимого для эффективной работы предприятия	41,6
Сотрудничество с администрацией района	83,3
Социальное участие Вашего предприятия в жизни города (участие в финансировании городских нужд, бесплатное участие в работах для города и т. п.)	100,0
Оцените наличие эффективной коммуникации с властями района (возможность донести до них свои идеи и проблемы, т. е. наличие каналов прямой и обратной связи)	91,6
Оцените скорость реакции администрации района на сообщения о наличии у Вашего предприятия тех или иных проблем	83,3

для вылова рыбы, запрет лова рыбы неводом с 10 по 31 августа, браконьерство.

Как указывалось ранее, обозначенные болевые точки нуждаются в дополнительной верификации на основе выездов экспертов на место. Такая проверка была проведена в апреле 2024 года. Она подтвердила вышеназванные проблемы, за исключением одной – проблемы с питьевой водой. Как оказалось, никаких принципиальных проблем с питьевой водой в районе нет, так как в поселке Тазовском во многих местах установлены водоматы – уличные автоматы по продаже воды. В водоматах водопроводная вода проходит через фильтр, где отсеиваются крупные частицы, затем идет через мембрану с размером пор не больше 0,00001 микрона, а на завершающем этапе происходит дополнительная очистка ультрафиолетом. Как правило, вода из водоматов в 4–5 раз дешевле, чем в бутылках. Опросы на месте позволили выяснить недовольство населения Тазовского района снабжением пресной водой – большинство людей хочет иметь бесплатную питьевую воду из-под крана в своей квартире. Однако такого снабжения нет ни в Москве, ни в каком другом городе страны. Тем самым идентифицированная на основе онлайн-опросов проблема оказалась ложной тревогой.

Учитывая сказанное, можно резюмировать проведенный анализ. Так, среди текущих проблем района просматриваются три актуальных направления: 1) низкая ценовая доступность жилья вкупе с низкой ценовой

доступностью стоимости жилищно-коммунальных услуг; 2) острый дефицит в районе квалифицированных работников, необходимых для предприятий; 3) дефицит производственного оборудования, необходимого для эффективной работы предприятий.

Важный момент анализа – выявленные три проблемные зоны Тазовского района ЯНАО вскрывают не столько оперативные (текущие) задачи его социально-экономического развития, но и стратегические (долгосрочные) направления перспективной модели экономики региона.

Следует отметить, что полученные результаты не претендуют на окончательный вердикт, а направлены преимущественно на демонстрацию самой возможности выявления проблем территории на основе предложенных аналитических процедур. Для более обоснованных выводов проводимые опросы должны быть более масштабными, осуществляться в течение более длительного времени и охватывать более сбалансированные (приблизительно равные по численности) группы респондентов. Однако эти условия связаны со многими обстоятельствами, имеющими экзогенное для данного исследования происхождение и требующими более значительного административного ресурса. Разумеется, перечень вопросов, включенных в опросные анкеты, также может быть изменен в зависимости от задач и регулятивных установок, однако это ни в коей мере не отрицает общей логики исследования.

Заключение

Проведенное исследование подтвердило сформулированные две генеральные гипотезы. Так, за последние 20 лет в стране действительно возникла и постоянно усугубляется проблема общегосударственного значения: в России происходит постепенное вымирание ММО; данный факт подтверждает первую гипотезу нашего исследования. Допустить дальнейшее закрепление указанной тенденции нельзя, в связи с чем в стране разворачивается большая управленческая работа по разработке муниципальных программ социально-экономического развития малых поселений. Вместе с тем разработка подобных стратегий связана с наличием стратегических априорных установок властей и текущих нужд населения, которые во многих случаях могут не совпадать и даже приходиться в явное противоречие. Чтобы учесть это обстоятельство, в статье предлагается проводить анкетирование населения малых территориальных образований с последующей аналитической обработкой

полученных результатов. Использование в этих целях агрегированного индекса удовлетворенности и правила отбора проблемных зон позволяет на ранних этапах разработки муниципальных стратегий согласовывать указанные две стороны потребностей. Данное обстоятельство подтверждает вторую гипотезу исследования.

Предложенная аналитическая процедура по определению текущих проблем малых территорий носит во многом универсальный характер. Так, выше была представлена апробация метода применительно к Тазовскому району ЯНАО, который является ярким представителем российской территории Крайнего Севера. Однако в стране имеется множество ММО либо также находящихся за Полярным кругом, либо по своим характеристикам сильно напоминающих таковые. В связи с этим есть основания утверждать, что предложенный метод может быть успешно протипажирован на другие ММО, чем и обусловлена его практическая ценность.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляева О.И., Кравцов К.А. (2023). Опыт реализации стратегического подхода к управлению развитием малых городов России // Региональная экономика. Юг России. Т. 11. № 1. С. 43–54. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.1.4
- Григулевич Н.И., Ямсков А.Н., Дубова Н.А. (2022). Малые русские города в начале XXI века. Москва: Старый Сад. 412 с. DOI: 10.33876/978-5-89930-170-4/1-412
- Задорина М.А. (2021). Муниципальные образования и их виды в свете конституционной реформы основ территориальной организации местного самоуправления // Юридические исследования. № 10. С. 87–101. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.10.36475
- Зотов В.Б. (2005). Система муниципального управления. Санкт-Петербург: Лидер. 493 с.
- Коростылева Л.Ю. (2022). Социальные проблемы малых городов в зеркале индекса качества городской среды // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 3–4. С. 5–19. DOI: 10.26653/2076-4685-2022-3-4-01
- Лимонов Л.Э., Несена М.В. (2015). Структурно-экономическая типология крупных российских городов // Известия Русского географического общества. Т. 147. № 6. С. 59–77.
- Лукьянова М.Н. (2013). Государственная стратегия развития малых и средних муниципальных образований // Современные проблемы науки и образования. № 1. С. 306.
- Манаева И.В. (2018). Города России: классификация и типология // Региональная экономика: теория и практика. Т. 16. № 7. С. 1235–1249. DOI: 10.24891/re.16.7.1235
- Маркин В.В., Мальшев М.Л., Землянский Д.Ю. (2019). Малые города России: комплексный мониторинг развития. Ч. 1 // Мониторинг правоприменения. Т. 4. № 33. С. 46–55. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-46-55
- Маркин В.В., Черныш М.Ф. (2019). Малые города в социальном пространстве России. Москва: ФНИСЦ РАН. 545 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019

- Медяник Ю.В., Валеева Э.Э. (2019). Актуальные проблемы развития малых городов России (на примере города Лениногорск Республики Татарстан) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 11-1 (38). С. 101–104. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11707
- Николаев К.А., Николаев В.К. (2013). Термин «муниципальное образование»: смысл и значение в построении современной теории местного самоуправления // Вестник Саратовского гос. соц.-экон. ун-та. № 4 (48). С. 55–60.
- Овчинников О.Г. (2022а). Антикризисное развитие малых городов России: возможность, основные принципы и проблемы // International Agricultural Journal. Т. 65. № 2. С. 560–594. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_2_6
- Овчинников О.Г. (2022б). Перспективы развития малых городов России в условиях современной политики правительства России // International Agricultural Journal. Т. 65. № 2. С. 534–559. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_2_5
- Овчинников О.Г. (2023). Развитие малых городов России: проблемы и пути решения // Развитие территорий. № 4. С. 85–97. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-4-85-97
- Овчинникова Н.Г., Шмакова В.В. (2017). Рассмотрение особенностей муниципальных образований РФ как целостной территориальной системы // Экономика и экология территориальных образований. № 3. С. 31–36. DOI: 10.23947/2413-1474-2017-3-31-36
- Петряев П.Н. (2020). Органы государственного управления и специализированные муниципалитеты: некоторые аспекты взаимодействия // Государственная власть и местное самоуправление. № 7. С. 44–46. DOI: 0.18572/1813-1247-2020-7-44-46
- Проваленова Н.В. (2017). Жилищно-коммунальный комплекс малых муниципальных образований в системе рыночных отношений // Вестник НГИЭИ. № 3 (70). С. 66–73.
- Ромашина А.А. (2019). Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. № 3. С. 42–52. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-4
- Сергеев Д.Б. (2013). Существенные признаки муниципального образования // Lex Russica. Т. 95. № 5. С. 488–494.
- Хмельченко Е.Г., Дроздова А.А., Мушников В.А., Черкасов К.В. (2023). Проблемы и перспективы развития малых городов России // Муниципальная академия. № 4. С. 302–307. DOI: 10.52176/2304831X_2023_04_302
- Чуева А.С., Иваненко И.Н. (2016). К вопросу о понятии и типологии муниципальных образований в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 1-2. С. 136–140.
- Шакирова Д.Ф., Бадина С.В., Панкратов А.А. (2022). Подходы к типологии муниципальных образований Арктической зоны Российской Федерации // InterCarto. InterGIS. Т. 28. Ч. 2. С. 69–85. DOI: 10.35595/2414-9179-2022-2-28-69-85
- Шарко Е.Р. (2020). Анализ результатов анкетирования представителей администрации малых городов Тульской и Владимирской областей по проблемам и перспективам городского развития // Социально-экономическое развитие малых городов на основе сетевого взаимодействия. Москва: Экон. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова. С. 362–368.
- Шарова Е.Н., Малеус Д.В. (2022). Потребность жителей малых городов в развитии городской среды (по материалам социологического исследования в Мурманской области) // Вестник университета. № 10. С. 223–230. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-10-223-230
- Шугрина Е.С. (2017). Виды муниципальных образований в Российской Федерации: анализ законодательства и правоприменительной практики // Правоприменение. Т. 1. № 1. С. 79–91. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).79-91

- Capello R., Faggian A. (2002). An economic-ecological model of urban growth and urban externalities: Empirical evidence from Italy. *Ecological Economics*, 40 (2), 181–198. DOI: 10.1016/S0921-8009(01)00252-X
- Eaton J., Eckstein Z. (1997). Cities and growth: Theory and evidence from France and Japan. *Regional Science and Urban Economics*, 27 (4-5), 443–474. DOI: 10.1016/S0166-0462(97)80005-1
- Gu Ch., Li Y., Han S.S. (2015). Development and transition of small towns in rural China. *Habitat International*, 50, 110–119. DOI: 10.1016/j.habitatint.2015.08.017
- Larsen B.R. (2024). A state within reach? An ethnographic case study on the relocation of a government workplace from Copenhagen to a small town in rural Denmark. *Journal of Rural Studies*, 104, 103218. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103218
- Marshall J.N., Hodgson C., Bradley D. (2005). Public sector relocation and regional disparities in Britain. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 23 (6), 883–906. DOI: 10.1068/c46m
- Nakamura R. (1985). Agglomeration economies in urban manufacturing industries: A case of Japanese Cities. *Journal of Urban Economics*, 17 (1), 108–124. DOI: 10.1016/0094-1190(85)90040-3
- Nilsson J. (1992). Relocation of state agencies as a strategy for urban development: The Swedish case. *Scandinavian Housing and Planning Research*, 9 (2), 113–118. DOI: 10.1080/02815739208730296
- Palivos T., Ping W. (1996). Spatial agglomeration and endogenous growth. *Regional Science and Urban Economics*, 26 (6), 645–669. DOI: 10.1016/S0166-0462(96)02139-4
- Senetra A., Szarek-Iwaniuk P. (2020). Socio-economic development of small towns in the Polish Cittaslow Network – A case study. *Cities*, 103, 102758. DOI: 10.1016/j.cities.2020.102758
- Servillo L., Hamdouch A., Atkinson R. (2017). Small and medium sized towns in Europe: Conceptual, methodological and policy issues. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 108 (4), 365–379. DOI: 10.1111/tesg.12252
- Trondal J., Kiland Ch. (2010). Bureaucracy and geography: Geographic relocation of the Norwegian Central Administration. *World Political Science*, 6 (1), 1–26. DOI: 10.2202/1935-6226.1082

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4); главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47); e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

IDENTIFYING CURRENT DEVELOPMENT PROBLEMS OF RUSSIA'S SMALL MUNICIPALITIES (CASE STUDY OF THE FAR NORTH TERRITORIES)

The article considers the problem of organization of Russia's economic space in terms of the scale of existing municipalities. We established that there is a global problem in the course of the study of the reporting statistics – the country has been experiencing a gradual decline in the population

of small municipalities for the previous 20 years. To eliminate this problem, a large-scale campaign has been launched to develop and update development strategies for small municipalities, which this article defines them as municipalities with a population of up to 50,000. The experience shows that these documents often have a discrepancy between the strategic objectives of the authorities and the current needs of the population. To eliminate this contradiction, we propose a simple analytical algorithm based on questionnaire surveys of settlements' residents, calculation of the index of satisfaction with various aspects of life, and use the rule of selecting problem areas to obtain the necessary information at the early stages of developing municipal strategies. Approbation of the proposed analytical procedure for Tazovsky District of the Yamal-Nenets Autonomous Area has provided meaningful results and gives grounds to believe that its replication for the Far North municipalities can be rather effective. We discuss the question of extending the methodology to other small municipalities in the country with specific climatic and geographical conditions.

Pressure points, urban settlements, small towns, development, rural settlements, strategy.

REFERENCES

- Belyaeva O.I., Kravtsov K.A. (2023). Practice of strategic approach use to management of small towns development in Russia. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii=Regional Economy. South of Russia*, 11(1), 43–54. DOI: 10.15688/re.volsu.2023.1.4 (in Russian).
- Capello R., Faggian A. (2002). An economic-ecological model of urban growth and urban externalities: Empirical evidence from Italy. *Ecological Economics*, 40(2), 181–198. DOI: 10.1016/S0921-8009(01)00252-X
- Chueva A.S., Ivanenko I.N. (2016). To a question of concept and typology of municipalities in modern Russia. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 1-2, 136–140 (in Russian).
- Eaton J., Eckstein Z. (1997). Cities and growth: Theory and evidence from France and Japan. *Regional Science and Urban Economics*, 27(4-5), 443–474. DOI: 10.1016/S0166-0462(97)80005-1
- Grigulevich N.I., Yamskov A.N., Dubova N.A. (2022). *Malye russkie goroda v nachale XXI veka* [Small Russian Cities at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Staryi Sad. DOI: 10.33876/978-5-89930-170-4/1-412
- Gu Ch., Li Y., Han S.S. (2015). Development and transition of small towns in rural China. *Habitat International*, 50, 110–119. DOI: 10.1016/j.habitatint.2015.08.017
- Khmel'chenko E.G., Drozdova A.A., Mushnikov V.A., Cherkasov K.V. (2023). Problems and prospects for the development of small towns in Russia. *Munitsipal'naya akademiya*, 4, 302–307. DOI: 10.52176/2304831X_2023_04_302 (in Russian).
- Korostyleva L.Yu. (2022). Social problems of small towns in the mirror of the urban environment quality index. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 2. Gumanitarnye nauki=Scientific Review. Series 2. Human Sciences*, 3–4, 5–19. DOI: 10.26653/2076-4685-2022-3-4-01 (in Russian).
- Larsen B.R. (2024). A state within reach? An ethnographic case study on the relocation of a government workplace from Copenhagen to a small town in rural Denmark. *Journal of Rural Studies*, 104, 103218. DOI: 10.1016/j.jrurstud.2024.103218
- Limonov L.E., Nesena M.V. (2015). Typology of large cities of Russia by economic structure. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva=Proceedings of the Russian Geographical Society*, 147(6), 59–77 (in Russian).
- Luk'yanova M.N. (2013). State strategy for the development of small and medium-sized municipalities. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 1, 306 (in Russian).
- Manaeva I.V. (2018). Cities and towns of Russia: Classification and typology. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika=Regional Economics: Theory and Practice*, 16(7), 1235–1249. DOI: 10.24891/re.16.7.1235 (in Russian).
- Markin V.V., Chernysh M.F. (2019). *Malye goroda v sotsial'nom prostranstve Rossii* [Small Towns in the Social Space of Russia]. Moscow: FNISTs RAN. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019 (in Russian).

- Markin V.V., Malyshev M.L., Zemlyansky D.Yu. (2019). Small cities of Russia: Complex monitoring of development. Part 1. *Monitoring pravoprimereniya=Monitoring of Law Enforcement*, 4(33), 46–55. DOI: 10.21681/2226-0692-2019-4-46-55 (in Russian).
- Marshall J.N., Hodgson C., Bradley D. (2005). Public sector relocation and regional disparities in Britain. *Environment and Planning C: Politics and Space*, 23(6), 883–906. DOI: 10.1068/c46m
- Medyanik Yu.V., Valeeva E.E. (2019). Actual problems of development of small towns of Russia (on the example of Leninogorsk city of the Republic of Tatarstan). *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 11-1(38), 101–104. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11707 (in Russian).
- Nakamura R. (1985). Agglomeration economies in urban manufacturing industries: A case of Japanese Cities. *Journal of Urban Economics*, 17(1), 108–124. DOI: 10.1016/0094-1190(85)90040-3
- Nikolaev K.A., Nikolaev V.K. (2013). The term “municipal district”: Its meaning and importance in the development of modern theory of local government. *Vestnik Saratovskogo gos. sots.-ekon. un-ta*, 4(48), 55–60 (in Russian).
- Nilsson J. (1992). Relocation of state agencies as a strategy for urban development: The Swedish case. *Scandinavian Housing and Planning Research*, 9(2), 113–118. DOI: 10.1080/02815739208730296
- Ovchinnikov O.G. (2022a). Anti-crisis development of small towns of Russia: Opportunity, main principles and challenges. *International Agricultural Journal*, 65(2), 560–594. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_2_6 (in Russian).
- Ovchinnikov O.G. (2022b). Prospects for the development of small towns in Russia under the conditions of the modern policy of the government of Russia. *International Agricultural Journal*, 65(2), 534–559. DOI: 10.55186/25876740_2022_6_2_5 (in Russian).
- Ovchinnikov O.G. (2023). Development of small towns in Russia: Problems and solutions. *Razvitie territorii=Territory Development*, 4, 85–97. DOI: 10.32324/2412-8945-2023-4-85-97 (in Russian).
- Ovchinnikova N.G., Shmakova V.V. (2017). Consideration of the peculiarities of municipal entities of the Russian Federation as an integral territorial system. *Ekonomika i ekologiya territorial'nykh obrazovaniy*, 3, 31–36. DOI: 10.23947/2413-1474-2017-3-31-36 (in Russian).
- Palivos T., Ping W. (1996). Spatial agglomeration and endogenous growth. *Regional Science and Urban Economics*, 26(6), 645–669. DOI: 10.1016/S0166-0462(96)02139-4
- Petryaev P.N. (2020). State administration authorities and specialized municipalities: Some aspects of interaction. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*, 7, 44–46. DOI: 0.18572/1813-1247-2020-7-44-46 (in Russian).
- Provalenova N.V. (2017). Housing and communal complex of small municipalities in the system of market relations. *Vestnik NGIEI*, 3(70), 66–73 (in Russian).
- Romashina A.A. (2019). Typology of Russia municipalities by economic specialization and status in settlement system. *Regional'nye issledovaniya*, 3, 42–52. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-4 (in Russian).
- Senetra A., Szarek-Iwaniuk P. (2020). Socio-economic development of small towns in the Polish Cittaslow Network – a case study. *Cities*, 103, 102758. DOI: 10.1016/j.cities.2020.102758
- Sergeev D.B. (2013). Substantial elements of a municipal entity. *Lex Russica*, 95(5), 488–494 (in Russian).
- Servillo L., Hamdouch A., Atkinson R. (2017). Small and medium sized towns in Europe: Conceptual, methodological and policy issues. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 108(4), 365–379. DOI: 10.1111/tesg.12252
- Shakirova D.F., Badina S.V., Pankratov A.A. (2022). Approaches to the typology of Russian Arctic Zone municipalities annotation. *InterCarto. InterGIS*, 28(2), 69–85. DOI: 10.35595/2414-9179-2022-2-28-69-85 (in Russian).
- Sharko E.R. (2020). Analysis of the results of the questionnaire survey of representatives of the administration of small towns in the Tula and Vladimir regions on the problems and prospects of urban development.

In: *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie malykh gorodov na osnove setevogo vzaimodeistviya* [Socio-Economic Development of Small Towns on the Basis of Network Interaction]. Moscow: Ekon. fak-t MGU im. M.V. Lomonosova (in Russian).

Sharova E.N., Maleus D.V. (2022). The small towns residents demand for the urban environment development (the case of sociological research in the Murmansk region). *Vestnik universiteta*, 10, 223–230. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-10-223-230 (in Russian).

Shugrina E.S. (2017). Types of municipalities in Russian Federation: The analysis of legislation and law enforcement. *Pravoprimenenie=Law Environmental Review*, 1(1), 79–91. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(1).79-91 (in Russian).

Trondal J., Kiland Ch. (2010). Bureaucracy and geography: Geographic relocation of the Norwegian Central Administration. *World Political Science*, 6(1), 1–26. DOI: 10.2202/1935-6226.1082

Zadorina M.A. (2021). Municipalities and their types in the light of the constitutional reform of the foundations of the territorial organization of local self-government. *Yuridicheskie issledovaniya*, 10, 87–101. DOI: 10.25136/2409-7136.2021.10.36475 (in Russian).

Zotov V.B. (2005). *Sistema munitsipal'nogo upravleniya* [Municipal Governance System]. Saint Petersburg: Lider.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, Veshnyavsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation); e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Macroeconomic Research, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, Veshnyavsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation); e-mail: n.ekimova@bk.ru

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.4
 УДК 338.43(571.6) | ББК 67.400.7

© **Леонов С.Н., Тарасенко М.Р.**

ОЦЕНКА ЛОКАЛЬНЫХ ЭФФЕКТОВ УКРУПНЕНИЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В ХОДЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ОПЫТ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ЛЕОНОВ

Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН
 Хабаровск, Российская Федерация
 e-mail: leonov@ecrin.ru
 ORCID: **0000-0001-6936-5436**; ResearcherID: **V-3471-2019**

МИХАИЛ РУСЛАНОВИЧ ТАРАСЕНКО

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
 при Президенте Российской Федерации
 Хабаровск, Российская Федерация
 e-mail: sov.com.mihail@gmail.com

В работе проанализирован опыт структурной трансформации местного самоуправления. Показано, что реформа местного самоуправления идет в направлении сокращения общего числа и укрупнения муниципальных образований при отсутствии общепризнанной методики оценки последствий подобного объединения. Цель работы – обоснование методического подхода к количественной оценке последствий укрупнения муниципалитетов. Информационной базой исследования послужили официальные данные службы государственной статистики; теории и проблемы развития местного самоуправления, высказанные в работах зарубежных и отечественных ученых. Для описания структуры местного самоуправления и обоснования локальных эффектов укрупнения муниципалитетов применялись методы выборки, группировки, обобщения и сопоставления; структурно-функциональный анализ и синтез, различные приемы визуализации данных. Рассмотрены подходы к оценке экономических и социальных последствий укрупнения муниципалитетов в России и за рубежом. Показано, что при слиянии муниципалитетов

Для цитирования: Леонов С.Н., Тарасенко М.Р. (2024). Оценка локальных эффектов укрупнения муниципалитетов в ходе реформирования системы местного самоуправления: опыт Хабаровского края // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 48–64. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.4

For citation: Leonov S.N., Tarasenko M.R. (2024). Assessing local effects of municipal consolidation in the course of reforming the local self-government system: Experience of the Khabarovsk Territory. *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 48–64. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.4

нельзя ориентироваться только на экономические параметры, так как должны учитываться и социальные цели местного самоуправления – предоставление муниципальных услуг и повышение социальной активности населения в границах муниципальных образований. Выявлено, что в Российской Федерации, как и за рубежом, укрупнение муниципалитетов часто инициируется государственными органами власти при учете лишь качественных параметров, без соответствующей количественной оценки социально-экономических последствий этого процесса. Предложен и на примере Охотского муниципального округа Хабаровского края верифицирован методический подход к измерению локальных социально-экономических эффектов укрупнения муниципалитетов, учитывающий как качественные (социальные), так и количественные (экономические) параметры динамики местного самоуправления, что позволяет более осознанно обосновывать потенциальные результаты процесса муниципальных слияний. Научная новизна работы состоит в обосновании теоретических и практикоориентированных предложений по совершенствованию количественной оценки процесса укрупнения муниципальных образований в ходе реформы местного самоуправления в России.

Укрупнение муниципалитетов, муниципальное развитие, оценка эффектов укрупнения муниципалитетов.

Постановка проблемы

В качестве одного из главных направлений при решении проблемы нехватки финансовых ресурсов в процессе совершенствования местного самоуправления (МСУ) рассматривается тренд «сжатия территориальной структуры МСУ», фактически означающий сокращение числа муниципальных образований (МО) в результате их укрупнения¹ (Маркварт, Францке, 2017; Леонов, 2023с). При этом в вопросе количественной оценки социально-экономических выигрышей и потерь, возникающих у региона в процессе укрупнения муниципалитетов, ученым и практикам разных уровней власти до настоящего времени не удалось прийти к какому-либо общепризнанному консенсусу. Необходимо структурировать проблему последствий укрупнения МО, попытаться выделить и оценить локальные выигрыши и потери от этого процесса.

Эмпирический анализ литературных источников позволяет выделить основные проблемы укрупнения МО в России и зарубежных странах как с точки зрения влияния на финансовую самостоятельность МО (блок

экономических последствий), так и воздействия на активность местного населения и органов МСУ (блок социальных последствий укрупнения).

Ряд проблем-последствий, возникающих при объединении муниципалитетов, оказывается характерным для большинства стран с федеративным устройством.

Во-первых, опыт укрупнения муниципалитетов в Евросоюзе² (Pevchin, 2017a), Австралии (Dollery et al., 2007) и России (Пузанов, 2021) показывает, что процесс слияния муниципалитетов зачастую поддерживается государственными органами власти. За рубежом для этого выделяются целевые дотации реформируемым МО, а в России на первые несколько лет с момента укрупнения МО сохраняются трансферты на бюджетное выравнивание.

Во-вторых, не возросла финансовая независимость укрупненных муниципалитетов от бюджетных трансфертов (Маркварт, Францке, 2017; Качусов, 2023; Леонов, Тарасенко, 2023; Pevcin, 2017b).

В-третьих, объединение МО часто повышает издержки оказания услуг в отдаленных

¹ Making decentralization work: A handbook for policy-makers (2019). OECD Multi-Level Governance Studies. 19 March. URL: <https://dx.doi.org/10.1787/g2g9faa7-en>; Report of the world observatory on subnational government finance and investment – Key findings (2019). OECD/UCLG. URL: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_sng-wofi_report_key_findings.pdf; Multi-Level governance reforms: Overview of OECD country experiences (2017). Eds. by I. Chatry, K. Hulbert. OECD Multi-Level Governance Studies. 15 May.

² Multi-Level governance reforms: Overview of OECD country experiences (2017). Eds. by I. Chatry, K. Hulbert. OECD Multi-Level Governance Studies. 15 May.

населенных пунктах укрупненных муниципалитетов, что в России ведет к сокращению количества и доступности социальных услуг и сильно ухудшает качество жизни сельских жителей в рамках большого вновь созданного муниципалитета³ (Кривоносова, 2021; Пузанов, 2021).

В-четвертых, объективные особенности предоставления публичных услуг на местном уровне часто приводят к тому, что «эффект масштаба» если и возникает, то лишь при укрупнении небольших и мелких муниципалитетов (Маркварт, Францке, 2017; Dollery et al., 2007; Pevcin, 2017a).

Наряду с вышеназванными проблемами отмечаются специфические российские последствия укрупнения МО:

- низкое качество управления региональными финансами, сохраняющееся в ряде муниципалитетов и после укрупнения, как результат растущего на муниципальном уровне кадрового дефицита, осложняющегося проблемой закрепления персонала (Гоцко, 2023; Химочка, 2018);

- завышенные ожидания от экономии средств местных бюджетов по зарплате депутатов; это объясняется тем фактом, что большинство депутатов в поселенческих муниципалитетах работает без оплаты, на общественных началах, формируя пул «ЛОМов» (лидеров общественного мнения) (Гоцко, 2021);

- отсутствуют количественные расчеты социально-экономических эффектов укрупнения (Гоцко, 2023; Леонов, 2024).

Результаты выполненного эмпирического анализа свидетельствуют о необходимости построения комплексного теоретического подхода к обоснованию количественных оценок экономических и социальных последствий укрупнения МО. Для России это крайне важный вопрос, т. к. принимаемые решения об объединении МО оказывают прямое влияние на население муниципальных образований. Важно уже на начальном этапе подготовки к объединению муници-

палитетов структурировать потенциальные выигрыши и возможные недочеты процесса укрупнения.

Информационной базой исследования выступают официальные данные Федеральной службы государственной статистики; теории и проблемы становления МСУ, высказанные в работах зарубежных и отечественных ученых; нормативно-правовые акты организации реформы МСУ в России, ее субъектах и муниципалитетах. Для описания структуры МСУ и обоснования локальных эффектов укрупнения МО применялись методы выборки, группировки, обобщения и сопоставления; структурно-функциональный анализ и синтез, различные приемы визуализации данных.

Методический подход к организации учета потенциальных социально-экономических последствий укрупнения муниципалитетов должен учитывать ограничения, свойственные теоретической дилемме МСУ:

- обеспечение максимальной приближенности (доступности) местных органов власти к жителям («власть ближе к населению»);

- создание финансовых условий для рациональной организации самого процесса МСУ («максимальная экономия издержек при функционировании МСУ»).

Попытка построения МСУ при условии соответствия двум вышеназванным требованиям показывает серьезное противоречие, затрудняющее их одновременное использование для организации эффективного МСУ. Удовлетворение первого требования ориентирует на создание мелких муниципалитетов, так как мировой опыт показал, что только в небольших МО возможно активное взаимодействие местной власти и населения. Ориентация на второе требование ведет к минимизации затрат на функционировании МСУ, что возможно при создании больших муниципалитетов. Как первое, так и второе требование в чистом виде недостижимо. Фактически решить данную дилемму можно только при построении рациональной си-

³ Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека принял рекомендации по итогам специального заседания «Права граждан на участие в местном самоуправлении: проблемы и перспективы». URL: https://www.president-sovet.ru/presscenter/news/cpch_prinyal_rekomendatsii_po_itogam_spetsialnogo_zasedaniya_pravo_grazhdan_na_uchastie_v_mestnom_sa

стемы МСУ в процессе поиска баланса обоих требований (Маркварт, Швецов, 2017).

На практике дилемма «близость к власти или экономия издержек» может быть разрешена в рамках комплексного подхода, учитывающего последствия укрупнения МО по двум блокам, с применением двух критериев – финансово-экономического и социального.

По блоку оценки экономических последствий изменения территориальной структуры следует ориентироваться на количественную оценку финансово-экономических, главным образом бюджетных, эффектов от укрупнения муниципалитетов. Блок социальных последствий укрупнения МО требует количественной оценки социальных эффектов в части изменения степени рационального доступа населения к организации МСУ на конкретной локальной территории (степень транспортной доступности населения к власти).

Изучение зарубежного⁴ (Vaba, Asami, 2020) и российского⁵ (Маркварт, Соснин, 2018; Пузанов, 2021; Леонов, 2023b) опыта анализа результатов реформы МСУ позволило сформировать ряд показателей для оценки как ретро, так и прогнозной динамики укрупнения МО. Важным посылом при этом становится тот факт, что каждый анализируемый показатель связан с определенной гипотезой о влиянии на него структурной реформы МО.

Экономические последствия изменения территориальной структуры МСУ фиксируются динамикой показателей состояния местного бюджета (структурой налоговых, доходов и расходов бюджета в целом, на

душу населения, на персонал органов МСУ); совокупными расходами на организацию реформы (затраты на референдум, публичные слушания, если таковые были), а также бюджетными трансфертами, связанными с преобразованиями в МО⁶.

Экономические расчеты потенциальных последствий от укрупнения МО следует дополнить социальными оценками последствий для жителей укрупненных муниципалитетов – возможности участия в местном самоуправлении и доступа к муниципальным услугам (Маркварт, Соснин, 2018; Пузанов, 2021; Качусов, 2023). Поскольку одна из принципиальных задач организации местного самоуправления – обеспечение доступа населения к местному самоуправлению, то важнейшим компонентом доступа населения к МСУ является территориальная доступность.

Мы придерживаемся подхода сотрудников Фонда «Институт экономики города», которые трактуют понятие «территориальная доступность» следующим образом: «обеспечение для всех граждан равных возможностей как регулярно получать предоставляемые органами местного самоуправления услуги, так и непосредственно участвовать в осуществлении МСУ» (Пузанов, Попов, 2017; Пузанов, 2021). Под последним понимается возможность посещать муниципальные выборы, собрания и конференции, публичные слушания, иные мероприятия, организуемые органами местного самоуправления и предполагающие вовлечение общественности.

Критерий территориальной доступности включает в себя три составляющих: границы

⁴ Report of the world observatory on subnational government finance and investment – Key findings (2019). OECD/ UCLG. URL: https://www.sng-wofi.org/publications/2019_sng-wofi_report_key_findings.pdf; Multi-Level governance reforms: Overview of OECD country experiences (2017). Eds. by I. Chatry, K. Hulbert. OECD Multi-Level Governance Studies. 15 May.

⁵ Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека принял рекомендации по итогам специального заседания «Права граждан на участие в местном самоуправлении: проблемы и перспективы». URL: https://www.president-совет.ru/presscenter/news/cpch_prinyal_rekomendatsii_po_itogam_spetsialnogo_zasedaniya_pravo_grazhdan_na_uchastie_v_mestnom_sa; Зуйкина А.С. (2018). Местное самоуправление: от стихийной практики укрупнения к разработке подхода по совершенствованию муниципальной территориальной организации (по мат-лам Пермского края): регион. доклад в рамках проекта КГИ «Муниципальная карта России: точки роста» // Комитет гражданских инициатив. URL: <https://drive.google.com/file/d/1jz4prhhjhpfy5laeoshqkszl8pyu0hw/view>

⁶ Отметим, что обольщаться последним не следует, так как через два-три года суммы трансфертов могут быть секвестированы, как это, например, произошло с доходами бюджетов муниципальных округов в Алтайском крае (Капустян и др., 2022).

доступности (от какой до какой точки), доступность по конкретным транспортным путям (железнодорожные, автомобильные, водные) и пределы доступности (конкретные пороговые значения параметров доступности, превышение которых означало бы затрудненную и критическую транспортную доступность) (Пузанов, Попов, 2017).

Расчеты сотрудников Фонда «Институт экономики города» свидетельствуют, что те субъекты РФ, где поселенческий уровень МСУ был представлен слабо или полностью отсутствовал, на общероссийском фоне показали сильно сниженную доступность МСУ для населения по всем параметрам. Наиболее сложная ситуация в отношении критической транспортной доступности отмечалась в регионах, где вообще отсутствовал поселенческий уровень муниципалитетов⁷. Фактически исследования Фонда показывают, что следует осторожно подходить к оценке последствий укрупнения МО для населения ввиду высокой вероятности прямого отчуждения значительной части населения от участия в МСУ как результат укрупнения МО.

Как следствие, на втором этапе принятия решения об укрупнении необходимо учитывать потенциальные проблемы транспортной доступности, которые могут возникнуть у населения региона после укрупнения муниципалитетов и появления нового административного центра МО. Вопрос осложняется тем, что в российских условиях повсеместное соблюдение принципа «равный доступ населения к МСУ» демпфируется крайней неравномерностью системы расселения.

Попытаемся верифицировать тенденции, рассмотренные выше, и количественно оценить результаты укрупнения муниципалитетов на уровне субъектов Федерации конкретного макрорегиона. Подобный подход объясняется особенностями территориальной организации МО в различных субъектах РФ разных федеральных округов. В качестве модельного региона в работе выбран

Дальний Восток (ДВ), поскольку этот регион рассматривается федеральным центром в качестве своеобразной экономической лаборатории России. На примере муниципалитетов ДВ попытаемся понять причины сложившейся здесь территориальной структуры МСУ и оценить потенциальные эффекты и потери от структурной трансформации региональной системы МСУ.

Особенности территориальной организации дальневосточных муниципалитетов в значительной мере определяются спецификой дальневосточных субъектов РФ, которые в целом заметно выделяются среди российских регионов и по площади, и по плотности населения. «Среднее» дальневосточное МО крупнее «среднего» российского муниципалитета по площади в 6,6 раза, а по плотности населения – в 11,2 раза меньше. Плотность населения «среднего» дальневосточного МО составляет менее 1,2 чел./км². Причем чем севернее находится муниципалитет, тем четче данная закономерность. Отдельные дальневосточные муниципальные образования по площади в разы превосходят среднеевропейские страны, имея при этом население на 3–4 порядка меньшее.

Изменение территориальной структуры МСУ на Дальнем Востоке России в целом следовало за общероссийскими тенденциями. Динамика процесса укрупнения дальневосточных муниципалитетов и перехода с двухуровневой (муниципальные районы – городские и сельские поселения) на одноуровневую систему МСУ (городские или муниципальные округа), представлена в *табл. 1*.

Как видно из данных табл. 1, на Дальнем Востоке за анализируемый период достаточно активно реализуется переход к одноуровневой системе местного самоуправления. Отход от двухуровневой системы МСУ в РФ начался в 2017 году, когда компактность, шаговая доступность и преобладание городского населения перестали считаться критериями, которым должен соответствовать городской округ (ГО). Это позволило

⁷ Например, Магаданская область с ее одноуровневой системой МСУ, которая до 2023 года включала 9 городских округов, трансформировавшихся в 2024 году в 8 муниципальных округов и городской округ Магадан, являлась аутсайдером среди субъектов Федерации по доле населения, проживающего в зонах с затрудненной и критической транспортной доступностью МСУ для населения.

Таблица 1. Типы муниципальных образований на ДВ России, 2007–2024 гг. (на начало года)*

Регион	2007 год			2022 год			2024 год		
	МР	ГО	МО	МР	ГО	МО	МР	ГО	МО
Дальний Восток	179	54	-	146	66	18	130	58	42
Приморский край	22	12	-	13	12	9	6	12	16
Хабаровский край	17	2	-	17	2	-	16	2	1
Забайкальский край	31	4	-	29	4	2	23	4	8
Камчатский край	11	3	-	10	3	1	9	3	2
Амурская область	20	9	-	14	9	6	13	9	7
Магаданская область	8	1	-	-	9	-	-	1	8
Сахалинская область	2	17	-	-	18	-	-	18	-
Республика Саха (Якутия)	34	2	-	34	2	-	34	2	-
Республика Бурятия	21	2	-	21	2	-	21	2	-
Чукотский автономный округ	8	1	-	3	4	-	3	4	-
Еврейская автономная область	5	1	-	5	1	-	5	1	-

Условные обозначения: МР – муниципальный район; ГО – городской округ; МО – муниципальный округ.
* Статистика по числу и структуре муниципалитетов в РФ публикуется Росстатом с 2007 года, когда вступил в силу Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».
Составлено по: Формирование МСУ в РФ. URL: rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13263

начать процесс преобразования территорий в городские округа. В результате на ДВ появились два субъекта Федерации, полностью состоящие из ГО (Магаданская область – из 9, Сахалинская область – из 18).

За 2007–2024 гг. число муниципальных районов на ДВ сократилось на 49 ед., главным образом за счет преобразования муниципальных районов в одноуровневые городские и муниципальные округа⁸. Общее сокращение числа муниципальных образований в ДФО шло за счет муниципалитетов второго уровня: число городских поселений за это время уменьшилось на 73, сельских – на 226 ед. (Леонов, 2023b).

Очередной этап реформирования структуры МО на ДВ связан с введением в 2019 году в базовый закон о местном самоуправлении⁹ нового вида муниципального образования (муниципальный округ). Это обо-

сновало очередные изменения территориальной структуры МСУ, утвердив отход от двухуровневой системы. Как видно из табл. 1, процесс укрупнения МО в последние два года в сравнении с 15-летним предыдущим периодом значительно ускорился. Если за рассматриваемый период в целом число МР на ДВ сократилось на 49 ед., а за два последних года – на 16, то число муниципальных округов, составлявшее в 2022 году 18 ед., увеличилось к началу 2024 года в 2,3 раза (до 42 ед.). В мае 2024 года в Хабаровском крае к созданному в 2023 году Охотскому муниципальному округу добавился Бикинский муниципальный округ¹⁰, самый южный и самый маленький по территории регион края.

Хотя в обществе существует понимание необходимости при обосновании укрупнения муниципалитетов формально опираться на количественные выкладки в части

⁸ Только в первой половине 2020 года на Дальнем Востоке в муниципальные округа были преобразованы Алеутский район на Камчатке, 2 района в Амурской области (Белогорский и Ромненский), 5 районов в Приморском крае (Лазовский, Октябрьский, Тернейский, Хорольский и Ханкайский).

⁹ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021 № 492-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

¹⁰ О преобразовании поселений, входящих в состав Бикинского муниципального района Хабаровского края, путем их объединения во вновь образованное муниципальное образование Хабаровского края и наделении его статусом муниципального округа: Закон Хабаровского края от 23 мая 2024 г. № 495.

оценки экономических выигрышей или потерь от слияния МО (Капустян и др., 2022; Барабаш, Леонов, 2023), вопрос о количественной оценке экономических и социальных последствий подобного изменения числа и размеров дальневосточных муниципалитетов активно не дискутировался.

На практике, как мы отмечали выше, для количественной оценки экономических и социальных последствий изменения числа и размеров муниципалитетов требуется соблюдение двух критериев: учет экономической эффективности решения о слиянии, с одной стороны, и оценка соци-

альных результатов при изменении степени рационального доступа населения к организации МСУ на конкретной локальной территории – с другой.

Высказанные теоретические предположения требуют соответствующей верификации.

Основные результаты и дискуссия

В мае 2023 года в структуре муниципальных образований Хабаровского края был образован первый муниципальный округ – Охотский (рис.).

Отметим, что в пояснительной записке к указанному законопроекту не были отраже-

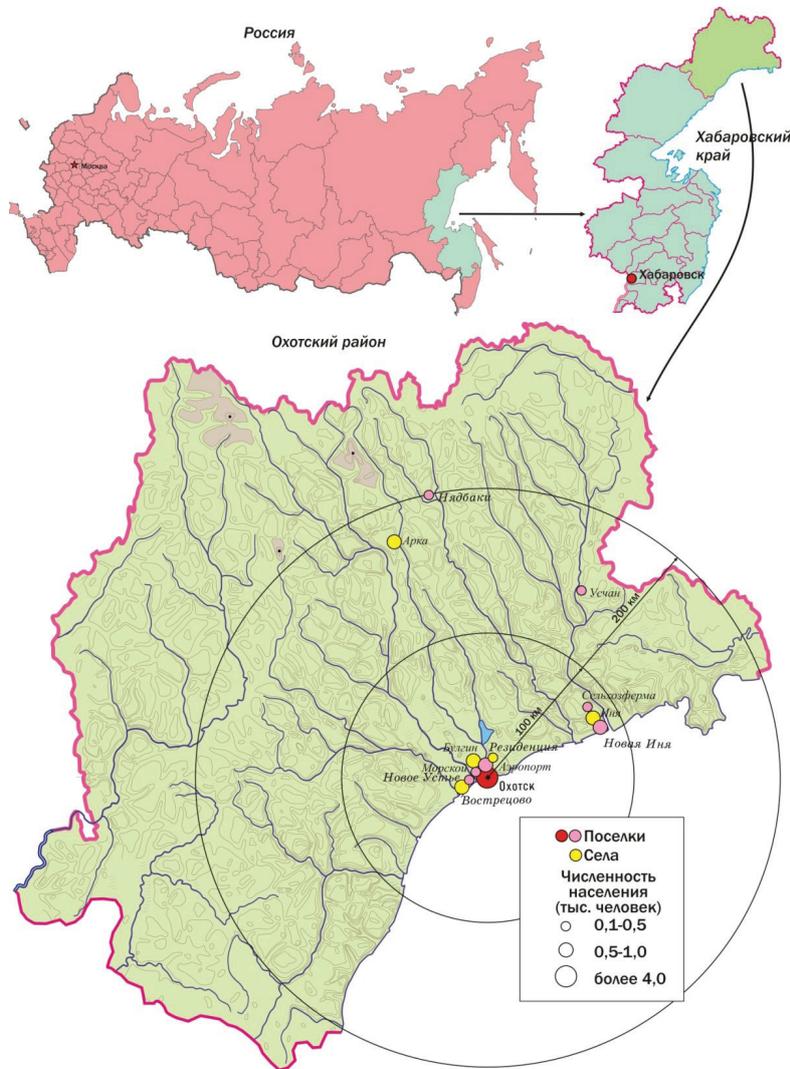

Рис. Территориальная структура Охотского района Хабаровского края

Источник: составлено В.Д. Хижняком по данным авторов.

Таблица 2. Характеристика поселений Охотского муниципального района, 2023 год

Наименование поселения	Расстояние до поселений от центра района				Основной вид деятельности
	0–10 км	более 30 км	более 60 км	более 120 км	
ГП рабочий поселок Охотск					Добыча и переработка водных биоресурсов
СП Аркинское				Арка	Оленеводство, добыча рыбы, охотпромысел
СП Булгинское		Аэропорт			Деятельность аэропортовая
		Булгин			Добыча и переработка водных биоресурсов
СП село Вострецово			Вострецово		Добыча и переработка водных биоресурсов
СП Инское			Иня		Добыча и переработка водных биоресурсов
			Новая Иня		
				Нядбаки	ЛПХ оленеводов
				Усчан	ЛПХ оленеводов
СП поселок Морской		Морской			Добыча и переработка водных биоресурсов
СП поселок Новое Устье		Новое Устье			Добыча и переработка водных биоресурсов
СП Резидентское	Резиденция				Добыча руд драгоценных металлов
Численность населения, чел.	3300	1202	976	606	-
% от населения района	54,2	19,8	16,0	10,0	-
Транспортная доступность административного центра	Комфортна	Допустима	Затруднена	Критическая	-

Условные обозначения: ГП – городское поселение; СП – сельское поселение.
* Согласно классификации, предложенной сотрудниками Фонда «Институт экономики города» (Пузанов, Попов, 2017; Пузанов, 2021).
Составлено по: Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282>; Паспорт Охотского муниципального района – 2023. URL: <https://admokhotsk.khabkrai.ru/Deyatelnost/Investicionnaya-deyatelnost/Investicionnyj-pasport-raiona>

ны причины формирования нового муниципального округа¹¹.

На основании принятого закона все поселения Охотского муниципального района были объединены в муниципальный округ, органы МСУ поселений и района упразднены. До 1 января 2024 года установлен переходный период, в течение которого сформированы органы МСУ нового муниципального образования.

Охотский муниципальный округ стал пилотной территорией Хабаровского края в вопросах перехода на одноуровневую модель организации местного самоуправления, где на практике осуществляется отработка особенностей преобразования муниципального района в муниципальный округ. Поскольку Охотский район на данный момент располагает определенным «опытом» функционирования в ранге муниципального округа,

попытаемся проанализировать ситуацию его трансформации в муниципальный округ и верифицировать положения методики оценки результатов этой трансформации.

Охотский округ расположен на севере Хабаровского края. Это один из крупнейших по площади (159 тыс. км²) и наименее заселенных регионов края. Регион по площади в 1,4 раза превышает Болгарию, а по населению – более чем в тысячу раз ее меньше (6,08 тыс. жителей против 6,5 млн населения Болгарии). Плотность населения в регионе составляет 0,04 чел./км², что в три раза ниже крайне невысокой дальневосточной плотности населения (1,2 чел./км²). Население размещено по территории дисперсно и концентрируется в восьми поселениях. Свыше 54% населения проживает в административном центре, рабочем поселке Охотск (табл. 2).

¹¹ О преобразовании поселений, входящих в состав Охотского муниципального района Хабаровского края, путем их объединения во вновь образованное муниципальное образование Хабаровского края и наделении его статусом муниципального округа: Закон Хабаровского края от 26 мая 2023 г. № 399. URL: <http://www.duma.khv.ru/Monitoring5>

Охотский район относится к районам Крайнего Севера, к несельскохозяйственным территориям с низкой среднегодовой температурой и в основном непригодными для сельского хозяйства землями, что не позволило сформировать на территории района сельскохозяйственный комплекс. Основу экономики формируют добыча полезных ископаемых (золото, серебро, бурый уголь), добыча рыбы и морепродуктов (более 20% краевой добычи). По заготовкам пушнины район занимает первое место в крае¹².

Численность занятых на 1 июля 2023 года составила 4600 чел. (по данным предприятий), или 76% от общей численности населения района. При этом свыше 2000 чел. (около 50% экономически активного населения района) заняты в сфере малого бизнеса¹³.

Как видно из данных табл. 2, свыше четверти населения региона (26%) проживает в труднодоступных местностях, крайне удаленных от административного центра.

Изменение реакции многих из этих факторов следует учитывать в процессе оценки потенциальных выгод или потерь для муниципального образования при его укрупнении (объединении с другими муниципалитетами).

Оценка потенциальных «бюджетных выигрышей» является важным элементом в системе показателей эффектов территориальных преобразований. Она должна учитывать соотношение затрат на решение вопросов МСУ до и после объединения (укрупнения) МО в части роста налоговых и неналоговых доходов в результате увеличения (объединения) муниципалитета; динамики состояния трансфертов из вышестоящих бюджетов; расходов на содержание депутатского корпуса, оптимизацию расходов на управленческий персонал и организацию выборов.

На этом этапе следует проверить спорную, на наш взгляд, гипотезу о положительном влиянии процесса укрупнения муниципалитетов на рост доходов местного бюджета. Представляется, что данная гипотеза не имеет должного теоретического обоснования, поскольку фактически, опираясь на положения Бюджетного кодекса РФ, следует говорить о совпадении показателей доходов и расходов консолидированного бюджета муниципального района и создаваемого на месте района муниципального округа¹⁴.

Для верификации высказанного предположения проанализируем состояние консолидированного бюджета Охотского муниципального района (2023 год, факт) и плановых показателей одноименного муниципальному округу (2024–2026 гг.; табл. 3).

Оптимизация территориальной структуры в бюджетном (ресурсном) ключе дает довольно скромный результат. Структура налоговых доходов муниципального района и плановые показатели доходов муниципального округа на 2024–2026 гг. практически не изменилась. Налоговые доходы составляют в доходах муниципального образования 14,6–17,0%, доля безвозмездных поступлений за период колеблется между 80,0–81,8%.

В налоговых доходах преобладают долевы налоги, особенно налог на доходы физических лиц (НДФЛ), составляющий 72,5–73,9%, а доля местных налогов, к которым традиционно относятся земельный налог и налог на имущество физических лиц, полностью зачисляемые в местный бюджет, на протяжении всего анализируемого периода составляет мало значимые 1,5–1,7% налоговых доходов муниципального образования. Ежегодные темпы прироста налоговых доходов (3,1–6,2%) ниже уровня плановой инфляции.

¹² Доля района в краевых объемах добычи (2022 год) составила 3,1 т золота, или 27% (2-е место в крае); 8,2 т серебра – 81% (1-е место в крае) // Инвестиционный паспорт Охотского муниципального района за 9 месяцев 2023 года. URL: <https://admokhotsk.khabkrai.ru/Deyatelnost/Investicionnaya-deyatelnost/Investicionnyj-pasport-raiona>

¹³ Основные сферы деятельности малого бизнеса в районе: торговля, рыбодобыча, транспорт, сельское хозяйство, производство хлебобулочных изделий, общественное питание.

¹⁴ Ориентируясь на ст. 15 Бюджетного кодекса РФ, которая постулирует, что бюджет муниципального района (районный бюджет) и свод бюджетов городских и сельских поселений, входящих в состав муниципального района (без учета межбюджетных трансфертов), образуют консолидированный бюджет муниципального района, следует признать, что основные показатели бюджета муниципального округа можно отождествлять с аналогичными показателями консолидированного бюджета муниципального района. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702

Таблица 3. Структура доходов консолидированного бюджета Охотского муниципального района и плановых доходов Охотского муниципального округа, млн руб.

Показатель	Муниципальный район (факт)	Муниципальный округ (план)		
	2023 год	2024 год	2025 год	2026 год
Всего налоговые доходы, в т. ч.	360,3	382,6	394,5	416,3
Налог на доходы физических лиц	272,8	277,5	288,8	307,5
Доходы от уплаты акцизов	7,1	8,2	8,4	11,3
Налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения	14,7	20,6	20,6	20,6
Единый сельскохозяйственный налог	47,2	57,6	57,6	57,6
Доходы по патентному налогу	3,1	3,3	3,4	3,5
Налог на имущество физических лиц	0,7	0,97	0,98	1,0
Транспортный налог	8,3	7,7	7,8	7,9
Земельный налог	4,8	5,6	5,8	5,8
Государственная пошлина	1,5	1,0	1,05	1,1
Всего неналоговых доходов, в т. ч.	89,6	63,8	63,3	64,2
Доходы, получаемые в виде арендной платы	33,2	31,2	31,2	32,0
Плата за негативное воздействие на окружающую среду	1,2	1,7	1,3	1,4
Доходы от продажи земельных участков	0,6	0,2	0,2	0,2
Всего безвозмездных поступлений, в т. ч.	2025,8	2051,4	2025,1	1960,5
Дотации бюджетам муниципалитетов на выравнивание бюджетной обеспеченности	30,4	45,6	57,6	-
Иные дотации бюджетам МО на частичную компенсацию расходов местных бюджетов на оплату труда и ЖКУ	452,6	535,2	507,2	549,0
Субсидии бюджетам на организацию бесплатного горячего питания обучающихся, получающих начальное общее образование	6,3	6,6	6,6	6,6
Субвенция бюджетам МО на выполнение передаваемых полномочий субъектов РФ	1076,1	1031,4	1032,5	1033,3
Субвенция бюджетам МО на ежемесячное денежное вознаграждение за классное руководство педагогам школ	15,7	15,7	15,7	15,7
Субвенции на компенсацию части родительской платы за ребенка в муниципальных дошкольных учреждениях	4,3	4,3	4,7	4,7
Всего доходов	2475,7	2497,9	2482,9	2441,0

Составлено по: О бюджете Охотского муниципального округа Хабаровского края на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 гг.: Решение Собрании депутатов Охотского муниципального округа Хабаровского края от 27 декабря 2023 г. № 64; О бюджете Охотского муниципального района Хабаровского края на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 гг.: Решение Собрании депутатов Охотского муниципального района Хабаровского края от 23 декабря 2022 г. № 65.

Мы уже отмечали, что в обосновании законопроекта о преобразовании Охотского муниципального района в муниципальный округ не анализировались причины формирования нового муниципального образования. Обычно такой подход свойственен ситуации, когда процесс трансформации МО поддерживается государственными органами. Для поддержки государственные органы зарубежных стран часто используют целевые дотации (Dollery et al., 2007; Pevchin, 2017a).

В России, как и в случае Охотского муниципального округа, на несколько лет сохраняются объемы трансфертов, направляемых на бюджетное выравнивание (Пузанов, 2021). Как видно из данных табл. 3, величина дотаций на эти цели в бюджете Охотского округа заложена только на два плановых года, но со значительным превышением уровня 2023 года (30,4 млн руб.): 45,6 и 57,6 млн руб. на 2024–2025 гг. соответственно. Если же не учитывать прирост трансфертов на выравнивание

Таблица 4. Число депутатов в Охотском муниципальном районе и округе

Депутатский корпус	Муниципальный район		Муниципальный округ	
	число депутатов	в т. ч. на постоянной (оплачиваемой основе)	число депутатов	в т. ч. на постоянной (оплачиваемой основе)
Собрание депутатов муниципального образования	15	1	15	1
Советы депутатов поселений муниципального района	59	1	-	-
в том числе:				
Городское поселение «Рабочий поселок Охотск»	10	1	-	-
7 сельских поселений муниципального района, по 7 депутатов в каждом поселении	49	-	-	-
Всего	74	2	15	1
Составлено по: Устав Охотского муниципального района Хабаровского края от 16 мая 2005 года № 46 // Собрание депутатов Охотского муниципального района Хабаровского края (недействующий); Об утверждении Устава Охотского муниципального округа Хабаровского края: Решение Собрания депутатов Охотского муниципального округа от 30 ноября 2023 года № 54. URL: https://admokhotsk.khabkrai.ru/o-rajone/ustav-rajona/118				

бюджетной обеспеченности в 2024 и 2025 гг., то общая сумма доходов бюджета Охотского муниципального округа сможет уже с 2024 года ежегодно «прирастать» отрицательным темпом (-0,6%)–(-1,7%).

Не удастся подтвердить популярный тезис о сокращении расходов местного бюджета на содержание депутатского корпуса в результате объединения муниципальных образований и трансформации муниципального района в муниципальный округ.

Сокращение числа муниципальных депутатов в случае Охотского муниципального округа не приведет к значительному сокращению бюджетных расходов, так как из 74 депутатов муниципального района лишь два работали на постоянной, оплачиваемой основе (табл. 4).

Более того, следует ожидать роста расходов местного бюджета, так как в администрации округа планируется создать отдел с финансированием сотрудников из бюджета муниципального округа. Решением Собрания депутатов¹⁵ в структуру администрации Охотского округа введен отдел по работе с территориями, включающий 4 сектора: сектор по управлению Инской территорией (расположен на территории п. Новая

Иня), сектор по управлению Аркинской территорией (расположен на территории с. Арка), сектор по управлению территориями с. Булкин, п. Аэропорт и п. Морской (расположен на территории с. Булкин) и сектор по управлению территориями с. Вострцево и п. Новое Устье (расположен на территории с. Вострцево).

Тем не менее следует отметить два несомненных экономических выигрыша от укрупнения муниципалитетов в процессе трансформации Охотского муниципального района в муниципальный округ. Первый находится на стороне краевых органов власти, для которых трансформация муниципального района в округ снижает остроту проблемы выравнивания бюджетной обеспеченности ввиду сокращения числа МО. Второй выигрыш от укрупнения МО находится на стороне администрации вновь созданного муниципального округа и позволяет ей, опираясь на формально больший по объему муниципальный бюджет, подавать заявки на получение территориальных грантов и участие в региональных программах социально-экономического развития с более высокой вероятностью успеха.

¹⁵ Решение Собрания депутатов Охотского муниципального округа Хабаровского края от 27 декабря 2023 г. № 76. URL: <https://admokhotsk.khabkrai.ru/Rukovodstvo/Administraciya/Struktura-administracii>

Социальные последствия укрупнения для МСУ

Оценка изменения структуры администрации и численности депутатского корпуса имеет не только экономические, но и социальные последствия. Экономические оценки связаны с сокращением дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности утрачиваемых МО и с изменением динамики расходов местного бюджета на содержание администрации и депутатского корпуса, а социальные учитывают рост (снижение) социальной активности местного населения.

Резкое сокращение числа депутатов, фактически не сказывающееся, как показано выше, на сокращении расходов на содержание депутатского корпуса, может, тем не менее, иметь серьезные социальные последствия для процесса организации МСУ на локальном уровне, резко сокращая число лидеров общественного мнения (ЛОМов). Последние ранее работали депутатами без специальной оплаты, но активно отстаивали интересы населения конкретной локальной

местности. Насколько полно и активно смогут отстаивать интересы населения округа, проживающего в восьми поселениях, всего 15 депутатов муниципального округа, остается вопросом.

Важнейшей социальной задачей организации МСУ является обеспечение доступа населения к местному самоуправлению, а территориальная транспортная доступность выступает важнейшим компонентом этого доступа. В условиях Охотского муниципального округа строгое повсеместное соблюдение принципа равного доступа населения к МСУ ограничивается крайне неравномерной структурой системы расселения, а также крайне низким качеством и количеством дорог в регионе (табл. 5).

Укрупнение муниципальных образований, как и трансформация двухуровневых (муниципальные районы) в одноуровневые (округа) муниципальные образования, может резко ухудшить транспортную доступность МСУ для населения, которая в значительной мере зависит от состояния

Таблица 5. Автомобильные дороги общего пользования Охотского МО, км

№ п/п	Наименование дороги	Общая протяженность	В том числе		
			с усовершенствованным покрытием	с гравийным и прочим покрытием	автозимники
Автомобильные дороги общего пользования (в собственности Хабаровского края)					
1	Подъезд к пос. Морской	7,033	0	7,033	0
2	Подъезд к аэропорту рп Охотск	29,06	0	29,06	0
3	Подъезд к с. Иня	102,0	0	0	102,0
4	Подъезд к с. Арка	57,0	0	0	57,0
5	Подъезд к пос. Новое Устье	10,1	0	3,0	7,1
Итого по Охотскому МО		205,193	0	39,093	166,1
Автомобильные дороги общего пользования (в собственности муниципалитета)					
1	Морской порт – хлебозавод (рп Охотск)	4,625	4,225	0,4	0
2	Пос. Новое Устье – с. Востречово	11,235	0	11,235	0
3	Подъезд к с. Булгин	5,560	0	5,560	0
4	Подъезд к Мареканскому угольному разрезу	18,0	0	18,0	0
Итого по Охотскому МО		39,42	4,225	35,195	0
Всего по Охотскому муниципальному образованию		244,613	4,225	74,288	166,1
Составлено по: О перечне автомобильных дорог общего пользования регионального или межмуниципального значения: Постановление Правительства Хабаровского края от 17 мая 2007 г. № 100-пр. URL: https://docs.cntd.ru/document/995118944					

транспортной инфраструктуры в муниципалитете¹⁶.

Согласно данным табл. 5, внутренняя дорожная сеть округа неразвита, дороги в основном грунтовые. Главной круглогодичной автодорогой является трасса «Охотск – Резиденция – Булгин – Морской – Аэропорт».

Значительную роль в транспортном обеспечении района играют зимники. В 36 км от Охотска имеется аэропорт, с которого осуществляются регулярные рейсы на Хабаровск и Николаевск-на-Амуре, а также вертолетное сообщение с удаленными населенными пунктами района. Реки района несудоходны. Навигационные условия Охотского моря у берегов района сложные: нет закрытых бухт, малые сроки навигации (с конца мая до начала декабря). У причалов могут разгружаться суда водоизмещением до 2,5 тыс. т, более крупные суда разгружаются на рейде¹⁷. Из 244,6 км общей протяженности автомобильных дорог региона автозимники составляют свыше 166 км, а дороги с усовершенствованным покрытием – лишь 4 км.

Общая нехватка и крайне низкое качество дорог в Охотском регионе приводят к тому, что доля населенных пунктов, расположенных на территориях с затрудненной и критической доступностью местного самоуправления, в общем числе населенных пунктов региона составляет 50%, а доля населения, проживающего на территориях с затрудненной критической доступностью МСУ, в общей численности населения региона превышает 26% ввиду серьезной территориальной оторванности административного центра округа от половины поселений территории. Этот вывод коррелирует с заключением Фонда «Институт экономики города»: «Существенно выделяются на общем фоне в сторону снижения доступности по всем параметрам те регионы, где поселенческий уровень представлен слабо или полностью отсутствует» (Пузанов, Попов, 2017).

¹⁶ Внешние транспортные связи территории Охотского МО осуществляются круглогодично посредством воздушного транспорта (1677 км до г. Хабаровска), в период летней навигации – морским транспортом (780 км – до г. Николаевска-на-Амуре).

¹⁷ Паспорт Охотского муниципального района – 2023. URL: <https://admokhotsk.khabkrai.ru/deyatelnost/investicionnaya-deyatelnost/investicionnyj-pasport-rajona> (дата обращения 21.05.2024).

Выводы

Анализ итогов трансформации Охотского муниципального района Хабаровского края в муниципальный округ подтвердил гипотезу о том, что решение об изменении статуса муниципалитетов должно приниматься на основе индивидуального анализа социально-экономического положения конкретных МО и оценки экономических и социальных выигрышей (потерь) в результате этого процесса.

Финансово-экономические эффекты трансформации Охотского муниципального района в муниципальный округ показали отсутствие репрезентативных данных о возникновении стабильных экономических преимуществ, повышающих эффективность муниципального управления в результате подобной трансформации. Можно говорить лишь о концентрации финансовых ресурсов на уровне укрупненного МО или субъекта РФ, но не об их увеличении. Произошедшее в процессе трансформации сокращение числа депутатов с 74 до 15 чел., практически не оказало влияния на сокращение расходов по содержанию депутатского корпуса, но прогнозируемо сократит число лидеров общественного мнения, каковыми зачастую выступали депутаты, не получавшие заработной платы, но активно отстаивавшие интересы населения локальных поселений.

Общая нехватка, крайне низкое качество дорог в Охотском МО, накладываясь на серьезную территориальную оторванность административного центра округа от половины поселений территории, приводят к тому, что доля населения, проживающего на территориях с затрудненной и критической транспортной доступностью МСУ, в общей численности населения округа превышает 26%.

Относительно бесспорными можно считать два следствия, которые продемонстрировала трансформация Охотского муниципального района в муниципальный округ.

Во-первых, краевые органы власти через два переходных года снимут с себя ответственность за выравнивание бюджетной обеспеченности бывших муниципалитетов на территории округа ввиду изменения их статуса. Во-вторых, укрупнение МО будет способствовать тому, что администрация вновь созданного муниципального округа с большей вероятностью успеха сможет подавать заявки на получение грантов и участие в региональных программах развития.

Фактически активно осуществляемые в России процедуры укрупнения МО форми-

руют активное поле для проведения дальнейших исследований, организации экспертной и общественной дискуссии о рациональных моделях МСУ на территориях разного типа. Важно при этом не забывать и о развитии института межмуниципального сотрудничества (Ворошилов, 2021; Vaba, Asami, 2020), позволяющего объединять финансовые ресурсы нескольких муниципалитетов для строительства объектов, имеющих межрегиональное значение, без изменения границ и соподчиненности участвующих в процессе МО.

ЛИТЕРАТУРА

- Барабаш Е.С., Леонов С.Н. (2023). Финансовые и структурные перспективы реформы местного самоуправления в России // Известия Байкальского гос. ун-та. Т. 33. № 1. С. 46–56.
- Ворошилов Н.В. (2021). Межмуниципальное сотрудничество в России: состояние, проблемы и перспективы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 6. С. 141–159.
- Гоцко Т.В. (2021). Ключевые проблемы финансового обеспечения вопросов местного значения и возможные пути их решения // Вестник Гос. соц.-гуманит. ун-та. № 3 (43). С. 21–25.
- Гоцко Т.В. (2023). Развитие межмуниципального сотрудничества – приоритет обеспечения устойчивого экономического роста территорий // Экономика, предпринимательство и право. Т. 13. № 5. С. 1353–1370.
- Капустян Л.А., Лякишева В.Г., Юдина В.В. (2022). Об опыте формирования муниципальных округов в России и в Алтайском крае // Алтайский вестник гос. и муниц. службы. № 20. С. 13–19.
- Качусов Д.А. (2023). Динамика системы местного самоуправления в регионах Юго-Западной Сибири: территориально-организационный аспект // Развитие территорий. № 1 (31). С. 49–56.
- Кривоносова Н.Я. (2021). Изменение территориальной организации местного самоуправления и муниципальные бюджеты (на примере Забайкальского края) // Известия Байкальского гос. ун-та. Т. 31. № 4. С. 488–501.
- Леонов С.Н. (2023a). Оценка реакции локальной финансовой системы на трансформацию структуры местного самоуправления // Регионалистика. Т. 10. № 4. С. 69–85. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.4.6916>
- Леонов С.Н. (2023b). Финансовые и структурные аспекты реформы местного самоуправления в России: монография / отв. ред. Н.Н. Михеева; Институт экономических исследований ДВО РАН. 232 с.
- Леонов С.Н. (2023c). Эмпирический анализ российского и зарубежного опыта укрупнения муниципалитетов // Проблемы развития территории. Т. 27. № 6. С. 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.2
- Леонов С.Н. (2024). Методологические проблемы формирования и применения интегральных территориальных индексов // Регионалистика. Т. 11. № 1. С. 60–68. URL: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.1.60>
- Леонов С.Н., Тарасенко М.Р. (2023). Зарубежный опыт укрупнения муниципалитетов: значение для России // Регионалистика. Т. 10. № 3. С. 40–50.
- Маркварт Э., Соснин Д. (2018). Территориальные реформы местного самоуправления: оценка предпосылок и эффектов // Местное право. № 4. С. 19–34.

- Маркварт Э., Францке Й. (2017). Территориальное реформирование местного самоуправления в Германии и России на современном этапе // *Пространственная экономика*. № 3. С. 40–61.
- Маркварт Э., Швецов А. (2017). Территориальная организация местного самоуправления и управление городскими агломерациями. Москва: Дело. С. 115–123.
- Пузанов А.С. (2021). Потенциал для развития муниципалитетов // *Бюджет*. № 10 (226). С. 56–59.
- Пузанов А.С., Попов Р.А. (2017). Оценка территориальной доступности местного самоуправления: экономико-географическое исследование // *Муниципальное имущество: экономика, право, управление*. № 3. С. 24–30.
- Химочка В.С. (2018). Агломерационные процессы в Сибири: с чего начинать // *ЭКО*. № 48 (7). С. 67–77. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35255588_76563088.pdf
- Baba H., Asami Y. (2020). Municipal population size and the benefits of inter-municipal cooperation: Panel data evidence from Japan. *Local Government Studies*, 46 (3), 371–393.
- Dollery B., Byrnes J., Crase L. (2007). Is bigger better? Local government amalgamation and the South Australian Rising to the Challenge Inquiry. *Economic Analysis & Policy*, 37 (1), 1–14. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(07\)50001-9](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(07)50001-9)
- Pevcin P. (2017a). Municipal mergers: Theoretical considerations, practical evidence and potential implications. *Future World by 2050: 8th International Scientific Conference (Croatia, Pula, 1–3 June 2017)*. Available at: https://fet.unipu.hr/_download/repository/Future_World_2050_-_Conference_Proceedings.pdf
- Pevcin P. (2017b). The evidence on the existence of economies of scale in local government units. *The Economies of Balkan and Eastern Europe Countries in the Changed World (EBEEC): Conference Proceedings*. Available at: <https://knepublishing.com/index.php/Kne-Social/article/view/673>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергей Николаевич Леонов – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: leonov@ecrin.ru)

Михаил Русланович Тарасенко – Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33; e-mail: sov.com.mihail@gmail.com)

Leonov S.N., Tarasenko M.R.

ASSESSING LOCAL EFFECTS OF MUNICIPAL CONSOLIDATION IN THE COURSE OF REFORMING THE LOCAL SELF-GOVERNMENT SYSTEM: EXPERIENCE OF THE KHABAROVSK TERRITORY

The paper analyzes the experience of structural transformation of local self-government. The research shows that the reform of local self-governance is aimed at reducing the total number and consolidation of municipal entities in the absence of a universally recognized methodology for assessing the consequences of such consolidation. The aim of the work is to substantiate the methodological approach to the quantitative assessment of the municipalities' consolidation effects. The information base of the study is official data of the State Statistics Service; theories and problems of local self-government development expressed in the works of foreign and Russian

scientists. We use the methods of sampling, grouping, generalization and comparison, structural-functional analysis and synthesis, various methods of data visualization to describe the local government structure and justify the local effects of municipal consolidation. We consider the approaches to the assessment of economic and social consequences of municipal consolidation in Russia and abroad. The article proves that the merger of municipalities cannot be guided only by economic parameters, as the social goals of local government – provision of municipal services and increasing social activity within the boundaries of municipalities – should also be taken into account. We have revealed that the consolidation of municipalities is often initiated by state authorities taking into account only qualitative parameters, without an appropriate quantitative assessment of socio-economic effects of this process in the Russian Federation, as well as abroad. We propose and verify a methodological approach to measuring the local socio-economic effects of municipal consolidation on the example of the Okhotsk municipal district of the Khabarovsk Territory, which takes into account both qualitative (social) and quantitative (economic) parameters of local government dynamics; this measure helps to more consciously justify the potential results of the process of municipal mergers. The scientific novelty of the work consists in the substantiation of theoretical and practice-oriented proposals to improve the quantitative assessment of the process of municipal consolidation in the course of the local self-government reform in Russia.

Municipal consolidation, municipal development, evaluation of the municipal consolidation effects.

REFERENCES

- Baba H., Asami Y. (2020). Municipal population size and the benefits of inter-municipal cooperation: Panel data evidence from Japan. *Local Government Studies*, 46(3), 371–393.
- Barabash E.S., Leonov S.N. (2023). Financial and structural prospects of local government reform in Russia. *Izvestiya Baikal'skogo gos. un-ta=Bulletin of Baikal State University*, 33(1), 46–56 (in Russian).
- Chimoczka V.S. (2018). Agglomeration processes in Siberia: Where to start. *EKO=ECO Journal*, 48(7), 67–77. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35255588_76563088.pdf (in Russian).
- Dollery B., Byrnes J., Crase L. (2007). Is bigger better? Local government amalgamation and the South Australian Rising to the Challenge Inquiry. *Economic Analysis & Policy*, 37(1), 1–14. Available at: [https://doi.org/10.1016/S0313-5926\(07\)50001-9](https://doi.org/10.1016/S0313-5926(07)50001-9)
- Gotsko T.V. (2021). Key problems of financial provision of local issues and possible ways of their solution. *Vestnik Gos. sots.-gumanit. un-ta*, 3(43), 21–25 (in Russian).
- Gotsko T.V. (2023). Development of inter-municipal cooperation as a priority for sustainable economic growth of territories. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*, 13(5), 1353–1370 (in Russian).
- Kachusov D.A. (2023). Dynamics of the local self-government system in the regions of southwest Siberia: Territorial and organizational aspect. *Razvitie territorii=Territory Development*, 1(31), 49–56 (in Russian).
- Kapustyan L.A., Lyakisheva V.G., Yudina V.V. (2022). About the experience of forming municipal districts in Russia and in Altai Krai. *Altaiskii vestnik gos. i munits. sluzhby*, 20, 13–19 (in Russian).
- Krivososova N.Ya. (2021). Changes in the local territorial government organization and their effect on municipal budget (by the example of trans-Baikal region). *Izvestiya Baikal'skogo gos. un-ta=Bulletin of Baikal State University*, 31(4), 488–501 (in Russian).
- Leonov S.N. (2023a). Assessment of the reaction of the local financial system during the transformation of the structure of the local self-government system. *Regionalistika=Regionalistica*, 10(4), 69–85. Available at: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2023.4.6916> (in Russian).
- Leonov S.N. (2023b). *Finansovye i strukturnye aspekty reformy mestnogo samoupravleniya v Rossii: monografiya* [Financial and Structural Aspects of Local Self-Governance Reform in Russia: a Monograph]. Institut ekonomicheskikh issledovaniy DVO RAN.

- Leonov S.N. (2023c). Empirical analysis of Russian and foreign experience of consolidation of municipalities. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(6), 10–23. DOI: 10.15838/ptd.2023.6.128.2 (in Russian).
- Leonov S.N. (2024). Methodological problems of formation and application of integral territorial indices. *Regionalistika=Regionalistica*, 11(1), 60–68. Available at: <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2024.1.60> (in Russian).
- Leonov S.N., Tarasenko M.R. (2023). Foreign experience of consolidation of municipalities: Significance for Russia. *Regionalistika=Regionalistica*, 10(3), 40–50 (in Russian).
- Markvart E., Franzke J. (2017). Modern territorial reforms of local self-government in Germany and Russia. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 3, 40–61 (in Russian).
- Markvart E., Shvetsov A. (2017). *Territorial'naya organizatsiya mestnogo samoupravleniya i upravlenie gorodskimi aglomeratsiyami* [Territorial Organization of Local Self-Government and Management of Urban Agglomerations]. Moscow: Delo (in Russian).
- Markvart E., Sosnin D. (2018). Territorial reforms of local self-government: An assessment of the prerequisites and effects. *Mestnoe pravo*, 4, 19–34 (in Russian).
- Pevcin P. (2017a). Municipal mergers: Theoretical considerations, practical evidence and potential implications. Future World by 2050: 8th International Scientific Conference (Croatia, Pula, 1–3 June 2017). Available at: https://fet.unipu.hr/_download/repository/Future_World_2050_-_Conference_Proceedings.pdf
- Pevcin P. (2017b). The evidence on the existence of economies of scale in local government units. *The Economies of Balkan and Eastern Europe Countries in the Changed World (EBEEC): Conference Proceedings*. Available at: <https://knepublishing.com/index.php/Kne-Social/article/view/673>
- Puzanov A.S. (2021). Potential for development of municipalities. *Byudzheth*, 10(226), 56–59 (in Russian).
- Puzanov A.S., Popov R.A. (2017). Assessment of territorial accessibility of local self-government: Economic and geographic research. *Munitsipal'noe imushchestvo: ekonomika, pravo, upravlenie*, 3, 24–30 (in Russian).
- Voroshilov N.V. (2021). Inter-municipal cooperation in Russia: Status, Problems and prospects of development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(6), 141–159 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergei N. Leonov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Leading Researcher, Economic Research Institute Far Eastern Branch Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: leonov@ecrin.ru)

Mikhail R. Tarasenko – Far Eastern Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (33, Muravyova-Amurskogo Street, Khabarovsk, 680000, Russian Federation; e-mail: sov.com.mihail@gmail.com)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.5

УДК 332.14:338.2(470.2) | ББК 65.050.22(2Рос-12)

© Бабич Л.В.

УСТОЙЧИВОСТЬ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА К ВНЕШНИМ ШОКАМ 2020–2022 ГГ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА БАБИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: lvbabich@vscc.ac.ru

ORCID: 0000-0003-1661-4245; ResearcherID: A-4415-2016

В условиях турбулентности российская экономика в целом и ее региональные экономические системы должны обладать устойчивостью к внешним вызовам. Поскольку экономики регионов по-разному реагируют на кризисные явления, важна как оценка устойчивости экономики отдельно взятого региона, так и проведение межрегиональных сравнений экономической устойчивости в пределах макрорегионов. В статье осуществляется оценка устойчивости экономики регионов Северо-Западного федерального округа к внешним шокам 2020–2022 гг. в два этапа. На первом этапе показана реакция экономических систем субъектов Северо-Западного федерального округа на внешние вызовы на основе динамики темпов прироста ВРП, на втором – изменения отраслевой структуры. Выявлено, что структурные сдвиги характерны как для устойчивых, так и для неустойчивых регионов. Уровень различия структур варьируется и между регионами, и относительно шоков. Регионов, устойчивых к обоим шокам (2020–2022 гг.), не выявлено, при этом пять субъектов округа оказались неустойчивыми к вызовам обоих кризисов. Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных для осмысления региональной политики, принятия антикризисных решений и разработки мер по повышению устойчивого экономического роста субъектов СЗФО.

СЗФО, экономика региона, устойчивость, оценка устойчивости, отраслевая структура, пандемийный шок, санкционный шок.

Для цитирования: Бабич Л.В. (2024). Устойчивость экономики регионов Северо-Западного федерального округа к внешним шокам 2020–2022 гг. // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 65–82. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.5

For citation: Babich L.V. (2024). Economic resilience of the Northwestern Federal District regions to external shocks in 2020–2022. *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 65–82. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.5

Введение

Российская социально-экономическая система наряду с другими мировыми экономиками переживает эпоху неопределенности и кризисных шоков различной этимологии. Наглядными примерами потрясений для национальных экономик в последние десятилетия выступили мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. и экономический кризис, обусловленный пандемией COVID-19. К общемировым вызовам для России следует добавить валютный кризис 2015 года, вызванный беспрецедентным экономическим и политическим давлением со стороны Запада с 2014 года и введением антироссийских санкций, которые усилились после февраля 2022 года, что создает условия для постоянной турбулентности экономики страны.

В связи с этим вполне закономерно, что и российская экономика в целом и ее региональные экономические системы должны обладать определенной способностью справляться с дестабилизирующими воздействиями, т. е. обладать устойчивостью к внешним вызовам.

В настоящее время в научной литературе среди теоретиков и практиков сложилось два подхода к пониманию сущности устойчивости экономических систем. Первый связан с концепцией устойчивого развития (sustainable development), которая акцентирует внимание на решении социальных и экономических проблем с учетом законов сохранения и изменения окружающей среды (биосферы). Второй подход основывается на концепции, имеющей в англоязычном варианте название «regional resilience», которая стала особенно популярной в региональных исследованиях после мирового кризиса 2008–2009 гг. В работах российских ученых этот термин переводится как «региональная устойчивость к внешним шокам» (Михеева, 2023, с. 152), «экономическая резильентность» (Акбердина, 2021, с. 10), «региональная шокоустойчивость» (Жихаревич и др., 2020, с. 5). В данной работе устойчивость рассматривается в рамках второго подхода и понимается как «сопротивляемость к воз-

действию внутренних и внешних шоков, так и способность восстанавливаться после этих шоков и выходить на качественно новую траекторию развития» (Малкина, 2021, с. 398).

Отметим, что проблематика шокоустойчивости экономик стран и регионов довольно широко обсуждается как российскими (Акбердина В.В., Кузнецова О.В., Михеева Н.Н., Малкина М.Ю., Климанов В.В. и др.), так и зарубежными (К. Фостер, Э. Хилл, Р. Мартин и др.) учеными (Климанов и др., 2018; Замятина и др., 2020; Акбердина, 2021; Foster, 2007; Hill et al., 2008; Martin, 2012; Martin et al., 2016). Анализ научной литературы позволяет сделать вывод о том, что к настоящему времени в данной тематической области уже сформировалась определенная научная база, в том числе довольно много работ посвящено устойчивости региональных социально-экономических систем к внешним воздействиям (Теванян, 2017; Кремлев, 2020; Михеева, 2021, Смородинская, Катуков, 2021; Чернова, 2022; Жиронкин и др., 2023; Davies, 2011; Martin, 2012; Bristow, Healy, 2014; Giannakis, Bruggeman, 2017).

Изучение теоретико-методологических основ концепции региональной шокоустойчивости, изложенных в вышеуказанных работах, позволяет судить о ее высокой прикладной значимости. При этом важной актуальной задачей, имеющей научное и практическое значение, выступает оценка устойчивости, результаты которой могут послужить информационным базисом для разработки управленческих решений по прогнозированию кризисных явлений и преодолению последствий внешних шоков.

Поскольку экономики регионов по-разному реагируют на кризисные явления, что во многом обусловлено их отраслевой структурой, пространственным расположением, а также типами шоков, целесообразно как оценить устойчивость экономической системы отдельно взятого региона, так и провести межрегиональные сравнения экономической устойчивости в пределах макро-регионов. Эти результаты расширяют возможности для осмысления государственной политики и могут быть полезны в случае

необходимости поиска аналогичных территорий, заимствования лучших практик, принятия верных антикризисных решений.

Целью настоящей работы является оценка устойчивости экономики регионов Северо-Западного федерального округа (СЗФО) к внешним шокам 2020–2022 гг.

Задачи исследования:

1) определить реакцию экономических систем субъектов СЗФО на шоки, вызванные пандемией и санкциями, на основе динамики ВРП за 2019–2022 гг.;

2) выявить меру структурных различий региональных хозяйственных систем в кризисы 2020 и 2022 гг., а также в целом за исследуемый период с 2016 по 2022 год;

3) обобщить результаты исследования и показать изменения структуры производства и категории устойчивости экономики регионов СЗФО относительно шоков 2020 и 2022 гг.

Научной новизной исследования является сопоставление оценок устойчивости экономик регионов СЗФО как реакции на шок на основе динамики ВРП и изменения их отраслевой структуры.

Вклад автора заключается в расширении теоретико-методологических основ оценки устойчивости социально-экономических систем к кризисным явлениям в рамках формируемой концепции региональной устойчивости.

Теоретический обзор

В современных условиях перманентного воздействия внешних шоков на экономики стран и регионов в научном сообществе все больше внимания уделяется анализу и оценке устойчивости территорий. При этом в ряде статей обосновано, что методологическая проблема измерения шокоустойчивости еще недостаточно разработана и единого мнения по определению показателей критериев ее оценки не выработано (Саубанов, 2012; Кузнецова, 2021; Кузнецова, Бабкин, 2021; Феофилова, Радыгин, 2021; Малкина, 2021; Иванов, 2022; Чернова, 2023). Ученые РАНХиГС (Земцов и др., 2023) систематизировали подходы к концептуализации

и анализу региональной резильентности и выделили исследования, в которых представлены индексы резильентности; провели эконометрическое моделирование факторов резильентности, а также выделили подходы к оценке резильентности, используемые институциональными управленческими структурами.

М.Ю. Малкина обозначила две группы подходов. К первой она относит исследования в рамках концепции резильентности, а ко второй – разработку индексов стресса (Малкина, 2024).

О.А. Чернова, цитируя Р. Мартина, указывает на наличие четырех измерений региональной резильентности: уровень чувствительности к шоку; скорость возобновления экономической активности; характер структурных изменений; выход на прежний или на новый путь роста (Чернова, 2023).

В работе Н.Н. Михеевой детально проанализированы подходы к определению устойчивости социально-экономических систем к внешним шокам, а также количественные оценки устойчивости. Выделены две группы подходов. Первая основана на равновесном анализе, когда устойчивость понимается либо как способность системы вернуться в исходное положение после экзогенного шока, либо как состояние, не нарушаемое им. Вторая рассматривает «устойчивость в терминах адаптивности системы и формулируется как способность региона адаптироваться и изменяться в ответ на шок» (Михеева, 2023). В первом случае речь идет об устойчивости в краткосрочной перспективе, во втором – о средне- и долгосрочной. Разделяя мнение зарубежных ученых (Hill et al., 2012), Н.Н. Михеева при оценке устойчивости регионов к внешнему шоку выделила четыре группы:

– регионы, не восприимчивые к внешнему шоку, в которых не произошло падение оцениваемых показателей;

– восстановившиеся регионы, в которых имело место падение показателей, однако дошоковый уровень восстановился в течение рассматриваемого периода;

– восстанавливающиеся регионы, в которых зарегистрирован рост показателей,

однако дошоковый уровень до конца рассматриваемого периода не был восстановлен;

– неустойчивые регионы, в которых дошоковые уровни показателей не восстановлены и падение продолжалось.

– Первые две группы относятся к категории устойчивых, вторые – к категории неустойчивых (Михеева, 2023).

В рамках названных подходов в настоящее время опубликовано довольно много работ, анализирующих устойчивость российских регионов к кризисным явлениям XXI века. В большинстве исследований используется широкий набор социально-экономических показателей развития региона с применением сложного математического аппарата, однако есть работы, выполненные с помощью методик «экспресс-оценки устойчивости экономики территорий» (Иванов, 2022, с. 172), которые могут служить дополнением к затратным по времени методам в условиях необходимости получения «быстрой» информации. Нужно отметить, что во многом невозможность оперативно оценить устойчивость региональных экономических систем к кризисным явлениям обусловлена отсутствием необходимых данных статистики.

Так, в работе (Михеева, 2021) представлена оценка устойчивости регионов России к экономическим кризисам 2009 и 2015 гг. Выявлено, что большинство регионов оказались устойчивыми к обоим кризисам, а региональная компонента, в отличие от национальной и компоненты отраслевой структуры, обусловила прирост ВРП.

В исследовании А.А. Песоцкого и И.О. Мешкова проанализировано воздействие пандемического шока 2020 года на российские регионы. В результате все регионы были разделены на три кластера: пострадавшие в большей степени, промежуточная группа, пострадавшие в меньшей степени. Авторами показано, что наиболее серьезный экономический урон понесли два крупнейших города России, имеющих статус субъектов РФ, – Москва и Санкт-Петербург. Наиболее низкий урон был нанесен экономике Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, что вызвано сохраняющимся

достаточно высоким уровнем цен на нефть и газ (Песоцкий, Мешков, 2022).

В работе П.А. Иванова для измерения устойчивости экономики регионов Приволжского федерального округа в период пандемического кризиса 2020 года использована методика экспресс-оценки устойчивости экономики городов, разработанная компанией MACON; рассчитан рейтинг устойчивости, показавший, что менее устойчивыми являются более экономически развитые регионы (Иванов, 2022). Как альтернатива рейтингу устойчивости автором рассчитан индекс Рябцева, который показал степень отклонения отраслевой структуры в регионах округа от докризисного состояния и свидетельствовал об общей устойчивости экономических систем этих регионов.

В статье М.Ю. Малкиной рассчитан авторский индекс промышленного стресса в разрезе субъектов РФ, федеральных округов и в целом для Российской Федерации в допандемическом, пандемическом и новом санкционном периоде. Выявлено, что наиболее уязвимыми к шокам 2020 и 2022 гг. были субъекты Северо-Кавказского федерального округа, а наибольшую устойчивость проявили регионы Сибирского федерального округа. Отраслевая структура и уровень доходов населения выступили значимыми факторами устойчивости в период пандемического шока, в период санкционного шока к ним добавился фактор пространственного размещения региона. (Малкина, 2024)

В.В. Акбердина, оценивая системную устойчивость промышленности России в целом и регионов Большого Урала в условиях антироссийских санкций, введенных в 2014–2015 гг. и в 2022 году, акцентирует внимание на изучении факторов, обуславливающих промышленную динамику. «Первая санкционная волна 2014–2015 гг. не привела к серьезному кризису в промышленности регионов Большого Урала, а создала условия для снижения импортозависимости, локализации производств внутри регионов, оптимизации структуры и вектора внешнеторговой деятельности промышленных предприятий. Доказано, что в 2022 году факторы

резильентности, которые были результативными в первую санкционную волну, оказались недостаточными для преодоления кризиса» (Akberdina, 2022, p. 26).

В настоящей работе рассматривается устойчивость экономик регионов Северо-Западного федерального округа к кризисам 2020 и 2022 гг. в рамках равновесного подхода (как реакция региона на шок: экономика региона устойчива, если по сравнению с дошоковым периодом показатели сохраняются или улучшаются) на основе динамики ВРП и изменения отраслевой структуры.

Методология

Информационную базу исследования составили данные Федеральной службы государственной статистики за период с 2016 по 2022 год по валовому региональному продукту в сопоставимых ценах 2016 года и отраслевой структуре валовой добавленной стоимости субъектов СЗФО.

Для анализа устойчивости экономики регионов СЗФО к кризису 2020 года были использованы данные 2019 года¹ как дошоковые показатели, 2020 года как показатели реакции на пандемический шок, 2021 года как показатели восстановительного периода и преодоления кризисных явлений. Для санкционного шока 2022 года данные статистики за 2021 год были использованы как дошоковые значения, данные 2022 года как реакция на шок. Определить последствия шока на основе используемой статистики на данный момент не представляется возможным ввиду отсутствия доступной информации.

Оценка устойчивости регионов к шокам 2020 и 2022 гг. проводилась в два этапа. На первом показана реакция экономических систем субъектов СЗФО на внешние вызовы на основе динамики темпов прироста ВРП, на втором – изменения отраслевой структуры экономики регионов СЗФО в кризисные периоды с помощью методического инструментария, а именно индекса В.М. Рябцева. Возможность его использования в указан-

ных целях подтверждена в работах (Елхина, 2015; Иванов, 2022) и др.

Индекс Рябцева² демонстрирует отношение фактической меры расхождения значений компонент двух структур с их максимально возможным значением. Данный индекс можно использовать для анализа как различий между двумя структурами, например регионами, так и для изменения одной и той же структуры во времени (Серова, Скуфьина, 2023). В нашем исследовании индекс Рябцева применяется для определения меры существенности структурных сдвигов экономик регионов СЗФО и рассчитывается по формуле:

$$I_{RGRP} = \sqrt{\frac{\sum_{i=1} (d_{i1} - d_{i0})^2}{\sum_{i=1} (d_{i1} + d_{i0})^2}}$$

где:

d_{i1} – удельный вес (доля) отрасли экономики региона за последний год;

d_{i0} – удельный вес (доля) отрасли экономики региона за первый год рассматриваемого периода);

i – число отраслей экономики региона в соответствии с ОКВЭД-2 (версия ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2)).

Для интерпретации значений индекса используется шкала оценки меры существенности различий структур (табл. 1).

Таблица 1. Шкала оценки меры существенности различий структур

Интервал значений индекса	Характеристика меры структурных различий
0,000 – 0,030	Тождественность структур
0,031 – 0,070	Весьма низкий уровень различия структур
0,071 – 0,150	Низкий уровень различия структур
0,151 – 0,3	Существенный уровень различия структур
0,301 – 0,5	Значительный уровень различия структур
0,501 – 0,7	Весьма значительный уровень различия структур
0,701 – 0,9	Противоположный тип структур
0,901 и выше	Полная противоположность структур

Источник: Региональная статистика (2001): учебник для вузов / под ред. В.М. Рябцева, Г.И. Чудилина. Москва: МИД. 380 с.

¹ Справочно рассматривается период 2016–2019 гг. в целом как дошоковый для пандемического кризиса. Экономика России развивалась в посткризисных условиях в связи с введением санкций в 2014 году.

² Региональная статистика (2001): учебник для вузов / под ред. В.М. Рябцева, Г.И. Чудилина. Москва: МИД. С. 46–47.

Результаты

В настоящее время Северо-Западный федеральный округ все чаще позиционируется как крупная перспективная природно-ресурсная база, форпост освоения российских арктических территорий (Ускова и др., 2023), при этом как вклад субъектов в социально-экономическое развитие округа, так и уровень развития самих регионов разнится.

Территориальная структура производства ВРП по регионам СЗФО также неравномерна и практически не изменилась за период с 2016 по 2022 год. В 2022 году (рис.) более половины ВРП округа было создано в г. Санкт-Петербурге (53%) и Ленинградской области (12%), на остальные субъекты приходится лишь 35%. Стоит отметить, что в 2021 году по сравнению с 2016 годом доля объема ВРП г. Санкт-Петербурга увеличилась на 5%, в то время как в других регионах осталась на том же уровне или снизилась.

Анализ экономического развития регионов Северо-Западного федерального округа за период с 2016 по 2022 год показал, что в целом за исследуемый период темпы прироста

Рис. Территориальная структура ВРП по регионам СЗФО в 2016, 2022 гг., % к итогу

Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики.

ВРП регионов колеблются и свидетельствуют о неравномерности экономического развития и реакции на пандемический (2020 год) и санкционный (2022 год) шоки (табл. 2).

С целью понимания общей социально-экономической ситуации в допандемийный период в регионах СЗФО обозначим динамику их развития с 2016 по 2019 год. Анализируя табл. 2, можно сделать вывод, что практически во всех регионах округа ежегодно наблюдалась положительная

Таблица 2. Темпы прироста ВРП субъектов СЗФО за период 2016–2022 гг. в сопоставимых ценах 2016 года, %

Субъект	Темп прироста								
	2017 год к 2016 году	2018 год к 2017 году	2019 год к 2018 году	2020 год к 2019 году	2021 год к 2020 году	2022 год к 2021 году	2019 год к 2016 году	2021 год к 2019 году	2022 год к 2019 году
Справочно: РФ	1,9	2,7	1,6	-1,9	7,4	0,4	6,3	5,4	5,7
СЗФО	0,9	2,4	1,6	-1,9	13,0	-1,7	5,0	10,9	9,0
Республика Карелия	0,6	1,4	0,5	0,2	2,5	-5,2	2,5	2,7	-2,7
Республика Коми	-3,7	-1,4	-0,1	-5,4	2,2	-1,2	-5,1	-3,2	-4,4
Архангельская область	3,6	2,9	0,7	-2,1	4,2	-3,4	7,3	2,1	-1,4
Ненецкий автономный округ	-1,6	-8,0	-0,4	-15,1	8,5	12,6	-9,9	-8,0	3,6
Вологодская область	0,7	2,3	-0,9	-1,6	3,0	-4,8	2,0	1,4	-3,5
Калининградская область	2,1	3,3	1,9	0,3	8,8	-4,7	7,5	9,1	4,0
Ленинградская область	1,6	4,5	2,9	-0,2	6,9	0,0	9,3	6,7	6,7
Мурманская область	1,4	0,6	4,1	5,6	6,5	-6,2	6,2	12,4	5,4
Новгородская область	1,9	-1,8	2,1	0,2	4,2	-1,2	2,2	4,4	3,2
Псковская область	0,7	1,9	2,9	-2,3	1,6	-1,1	5,7	-0,8	-1,9
г. Санкт-Петербург	1,1	3,5	1,8	-2,5	21,1	-1,3	6,4	18,1	16,6

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2020): стат. сб. Москва: Росстат. 1242 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf; Национальные счета. ВРП ОКВЭД 2 (с 2016 года) / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

экономическая динамика. Исключение составляют Республика Коми и Ненецкий автономный округ, где падение темпов прироста ВРП происходило на протяжении трех лет и в итоге в 2019 году по сравнению с 2016 годом составило -5,1 и -9,9% соответственно. Не такие значительные спады, как в вышеназванных регионах, произошли в Новгородской (-1,8% в 2018 году по сравнению с предыдущим 2017 годом) и Вологодской (-0,9% в 2019 году по сравнению с 2018 годом) областях. Следовательно, в целом экономики всех субъектов СЗФО, кроме двух обозначенных добывающих регионов, экономика которых зависит от мировой конъюнктуры, сумели адаптироваться и оказались устойчивыми (падение темпов прироста ВРП не наблюдалось ни в 2016 году, ни в последующие периоды) к валютному кризису 2015 года.

Оценка реакции регионов к шокам 2020 и 2022 гг. на основе динамики ВРП.

Анализ динамики ВРП субъектов Федерации в рамках СЗФО позволил сделать вывод о том, что семь регионов округа попадают в разряд неустойчивых относительно «ковидного» шока 2020 года, продемонстрировав спад экономик от минимальных – 0,2% до максимальных – 14,4% значений (см. табл. 2). Наиболее пострадала от кризиса экономика Ненецкого автономного округа (-15,5%). Устойчивыми к шоку 2020 года оказались экономики Республики Карелии, Калининградской, Мурманской и Новгородской областей, в них зафиксирован положительный темп прироста ВРП в 2020 году по отношению к 2019 году.

Но уже в 2021 году наблюдается положительный прирост ВРП во всех исследуемых субъектах СЗФО, наибольший – в городе федерального значения Санкт-Петербурге (21,1%). В силу значимой поддержки и масштабных антикризисных мероприятий, проводимых государством и региональными властями, социально-экономическая ситуация стабилизировалась, регионы справились с последствиями кризиса 2020 года.

Однако это относится не ко всем субъектам округа. Если посмотреть динамику темпа прироста ВРП в 2021 году по отношению к дошоковым значениям 2019 года, то ни Республика Карелия, ни Ненецкий автономный округ не вышли на докризисный уровень. В этих регионах, а также в Псковской области темп прироста ВРП имеет отрицательные значения. Следовательно, в этих субъектах последствия ковидного шока, а в двух добывающих регионах в совокупности с последствиями валютного кризиса 2015 года не были преодолены и в 2021 году.

В 2022 году были введены беспрецедентные антироссийские санкции в связи с началом специальной военной операции, которые сильно ударили по компаниям топливно-энергетического комплекса, финансового и высокотехнологичных секторов экономики, произошел разрыв внешнеэкономических связей (Широв, 2023).

Оценивая реакцию экономик регионов СЗФО на этот санкционный шок, следует сказать, что в целом по округу спад ВРП в 2022 году по отношению к 2021 году был чуть ниже, чем в 2020 году по отношению к 2019 году (-1,7% против -1,9% соответственно). Однако большее количество регионов, а именно девять, отнесены к категории неустойчивых, в них произошло падение ВРП, наименьшее – в Псковской (-1,1%), наибольшее – в Мурманской (-6,2%) областях. Устойчивой оказалась экономика Ненецкого автономного округа, где темп прироста ВРП в 2022 году по отношению к 2021 году составил 12,6% и, что немало важно для региона, наметилась траектория роста. С учетом того что в НАО наблюдались высокие темпы прироста ВРП в 2021 и 2022 гг., темп прироста экономики НАО в 2022 году по отношению к 2019 году увеличился и составил 3,6%. Не допустила падения и оказалась устойчивой в 2022 году экономика Ленинградской области.

Распределение регионов по критерию устойчивости к шокам 2020 и 2022 гг. на основе ВРП представлено в *табл. 3*.

Таблица 3. Распределение регионов по критерию устойчивости

Кризис 2015 года (для справки, методика сопоставима)*	Кризис 2020 года**	Кризис 2022 года**
Устойчивые	Устойчивые	Устойчивые
Республика Карелия Архангельская область Вологодская область Калининградская область Ленинградская область Мурманская область Новгородская область Псковская область г. Санкт-Петербург	Республика Карелия Калининградская область Мурманская область Новгородская область	Ненецкий АО Ленинградская область
Неустойчивые	Неустойчивые	Неустойчивые
Республика Коми Ненецкий АО	Республика Коми Архангельская область Ненецкий АО Вологодская область Ленинградская область Псковская область г. Санкт-Петербург	Республика Карелия Республика Коми Архангельская область Вологодская область Калининградская область Мурманская область Новгородская область Псковская область г. Санкт-Петербург
* (Михеева, 2021). ** Составлено автором.		

Оценка устойчивости отраслевой структуры экономики регионов СЗФО к шокам 2020 и 2022 гг.

Изменение отраслевой структуры может стать результатом адаптации экономических систем регионов к внешним шокам. Отклонение от докризисного состояния и перераспределение структуры экономики в пользу отраслей, имеющих более высокую устойчивость, может определять устойчивость экономик региона в целом.

С целью понимания происходящих трансформационных процессов в экономических системах России и ее регионов в кризисных ситуациях последнего десятилетия произведен расчет индекса Рябцева по валовой добавленной стоимости за период с 2016 по 2022 год в целом по Российской Федерации, СЗФО и в разрезе его субъектов. Данные табл. 4 свидетельствуют, что в экономике СЗФО в целом структурные сдвиги носили

существенный характер ($I_{RGRP} = 0,240$), что обусловлено значительной долей в структуре ВДС добывающего сектора и сектора коммерческих услуг³, которые оказались наиболее уязвимыми к кризисным вызовам. В то же время в России, согласно шкале Рябцева, выявлен низкий уровень различия структур ($I_{RGRP} = 0,117$). Таким образом, за весь анализируемый период экономика СЗФО претерпела более существенные трансформации, нежели экономика России в целом.

Функционируя в условиях необходимости преодоления последствий валютного кризиса 2015 года и адаптации к ограничениям, вызванным пандемическим и санкционным шоками 2020 и 2022 гг., экономики субъектов СЗФО по-разному трансформировали отраслевую структуру (табл. 5). Так, в Республике Коми ($I_{RGRP} = 0,167$), Вологодской ($I_{RGRP} = 0,181$) и Калининградской ($I_{RGRP} = 0,208$) областях зафиксирован существенный уровень струк-

³ К коммерческим услугам отнесены услуги, финансируемые преимущественно бизнесом: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания, деятельность в области информации и связи, деятельность финансовая и страховая, деятельность по операциям с недвижимым имуществом, деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги, деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, предоставление прочих видов услуг (Михеева, 2023).

Таблица 4. Отраслевая структура ВДС в РФ, СЗФО и оценка структурных сдвигов в 2016, 2022 гг. в текущих основных ценах, % к итогу

Вид экономической деятельности	РФ		СЗФО	
	2016 год	2022 год	2016 год	2022 год
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	5	4,2	3	2,1
Добыча полезных ископаемых	10	14,5	6,8	6
Обрабатывающие производства	17	16,3	19,6	17
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	3,5	2,3	3,3	2
Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	0,6	0,5	0,8	0,5
Строительство	6,7	5,5	6,7	3,4
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	17	15	14,8	29,5
Транспортировка и хранение	8	6,9	10,7	7,3
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	1,1	0,9	1,1	0,8
Деятельность в области информации и связи	3	3,2	3,3	2,7
Деятельность финансовая и страховая	0,5	0,5	0,4	0,3
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	6,3	11	7,4	10,6
Деятельность профессиональная, научная и техническая	4,7	4,5	4,7	4,1
Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	2,6	2,3	3	2,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	4,9	4,9	4,6	4,6
Образование	3	3,1	3,2	2,9
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	3,9	2,9	4,9	2,7
Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений	0,8	1	1,2	1
Предоставление прочих видов услуг	0,5	0,5	0,5	0,4
Деятельность домашних хозяйств как работодателей	0	0	0	0
Индекс Рябцева (I_{RGRP})	0,117		0,240	
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2020): стат. сб. Москва: Росстат. 1242 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf ; Национальные счета. ВВП ОКБЭД 2 (с 2016 года) / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts				

турных сдвигов, а в Мурманской области ($I_{RGRP} = 0,414$) и г. Санкт-Петербурге ($I_{RGRP} = 0,329$) – значительный, что было связано с возрастанием доли добавленной стоимости одних отраслей и падения других.

Повышение удельного веса добывающей промышленности (+12,8 п. п.) и деятельности по операциям с недвижимостью (+3,1 п. п.) при снижении доли строительства (-6,3 п. п.), обрабатывающих производств (-2,3 п. п.) и других отраслей (менее 2 п. п.) обусловило структурные трансформации в Республике Коми. В Вологодской области значимо увеличилась доля обрабатывающих производств (+15,1 п. п.) и незначительно – деятельности по операциям с недвижимостью (+2,8 п. п.) на фоне снижения торговли и ремонта авто-

транспортных средств (-5,2 п. п.), транспортировки и хранения (-4,8 п. п.), строительства (-2,7 п. п.). Изменение отраслевой структуры Калининградской области в основном вызвано снижением удельного веса обрабатывающих производств (-8,8 п. п.) и повышением доли деятельности по операциям с недвижимостью (+9,4 п. п.).

Значительные трансформации добавленной стоимости промышленной деятельности в Мурманской области вызваны увеличением доли обрабатывающей промышленности (+24,1 п. п.), в г. Санкт-Петербурге – торговли и ремонта автотранспортных средств (+24,2 п. п.) наряду со снижением удельного веса остальных отраслей в обоих субъектах СЗФО.

Таблица 5. Отраслевая структура ВДС в субъектах СЗФО и оценка структурных сдвигов в 2016, 2022 гг. в текущих основных ценах, % к итогу

ВЭД	Субъект СЗФО																					
	Республика Карелия		Республика Коми		Ненецкий автономный округ		Архангельская область		Вологодская область		Калининградская область		Ленинградская область		Мурманская область		Новгородская область		Псковская область		г. Санкт-Петербург	
	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**	1*	2**
A	5,9	6,6	1,8	1,7	0,9	0,3	6,4	5,8	5,1	4	6,3	6,3	4,6	4,7	11,4	7,1	6,6	6,2	10,9	11,6	0,2	0,1
B	13,2	16,4	34,9	47,7	74,8	84,7	3,2	4,1	0	0	3,1	2,2	0,6	1	15,6	9,4	1,1	0,3	0,4	0,5	0,3	0,2
C	17,4	13,3	11,8	9,5	0,2	0,1	22,7	23,3	36,5	51,6	22,8	14	30,6	30,3	9,2	33,3	35,9	40,3	16,8	16,7	16,9	10,8
D	4,8	2	2,7	1,9	0,9	0,8	3,2	3,2	3,2	1,6	3,1	4	5,5	6,1	5,4	2,1	3,6	3,2	3,6	2,7	2,6	1,2
E	0,9	0,6	0,5	0,5	0	0,1	0,5	0,8	0,9	0,6	0,9	0,5	0,7	0,8	1,1	0,5	0,8	0,6	1,7	0,8	0,9	0,5
F	3,5	5,1	10	3,7	8	4,4	4,5	3,4	6,6	3,9	7	6	10,4	8,8	6,7	6,9	13,2	4,5	7	4,3	5,1	1,9
G	8,4	6,9	5	3,8	0,7	0,4	11,1	8,6	12,4	7,2	12,4	11,9	11,8	10,2	10,3	5	8,8	11,1	15,3	13,1	20,5	44,7
H	12,3	9,7	7,7	5,8	8	2,3	13,7	11,1	13,3	8,5	9,2	8,5	13,6	13,1	10	6,9	6,3	7,3	10,4	8,5	10,4	6,3
I	1	1,3	0,7	0,7	0,1	0,1	1,6	1,2	0,6	0,7	0,9	1,3	0,7	0,7	1,8	1,5	1,1	0,8	1,7	1,7	1,2	0,8
J	2,5	1,9	1,4	0,9	0,8	0,2	1,7	1,7	2	1,7	1,9	3,1	0,6	0,8	1,3	0,8	1,5	1,1	2,5	2,1	5,3	3,7
K	0,3	0,3	0,2	0,1	0	0	0,3	0,3	0,3	0,2	0,4	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,2	0,2	0,4	0,3	0,5	0,4
L	5,4	10,7	2,3	5,4	0,5	0,8	7	9,9	3	5,8	10,8	20,2	8,1	8,5	3,9	6,8	3,9	8,8	4,2	11,9	9,6	12,1
M	1,9	2,1	2,2	1,4	0,7	0,6	1,6	2	2,4	1,9	2,9	3,5	2	3,5	3,1	2,2	2,3	1,5	1,4	1,6	7,5	5,3
N	1,3	1,6	4,4	3,1	1	0,7	1,9	1,4	1,4	1,1	3,3	2,6	1,3	1,6	1,6	1,2	0,7	0,8	1,6	1,5	4,2	2,3
O	9,5	10,1	6	6,3	1,4	3	8,5	11	5,3	4,5	6,4	7,3	3,2	4	7,9	9,6	5,4	5,7	10,3	11,7	3,2	3,1
P	3,8	4,7	3,1	3,3	0,8	0,7	4,2	5,1	2,1	2,7	3,1	3	2	2,5	3,2	2,9	3,1	2,8	3,8	4,2	3,7	2,9
Q	6,8	5	4,3	3,3	0,8	0,6	6,6	5,3	3,6	2,8	4,2	3,5	3,2	2,4	6,1	3	4,4	3,4	6,2	4,9	5,5	2,3
R	0,8	1,2	0,6	0,6	0,3	0,2	0,9	1,2	0,7	0,9	0,7	1,4	0,7	0,8	0,7	0,6	0,8	1,1	1	1,3	1,7	1
S	0,3	0,5	0,4	0,3	0,1	0	0,4	0,6	0,6	0,3	0,6	0,5	0,2	0,3	0,6	0,3	0,3	0,3	0,8	0,6	0,7	0,4
T	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>I_rGRP</i>	0,147		0,167		0,076		0,088		0,181		0,208		0,041		0,414		0,132		0,143		0,329	

* 2016 год.
** 2022 год.

Условные обозначения: А – Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство; В – Добыча полезных ископаемых; С – Обрабатывающие производства; D – Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха; E – Водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; F – Строительство; G – Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов; H – Транспортировка и хранение; I – Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; J – Деятельность в области информации и связи; K – Деятельность финансовая и страховая; L – Деятельность по операциям с недвижимым имуществом; M – Деятельность профессиональная, научная и техническая; N – Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; O – Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение; P – Образование; Q – Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг; R – Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений; S – Предоставление прочих видов услуг; T – Деятельность домашних хозяйств как работодателей; *I_rGRP* – индекс Рябцева.

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели (2020): стат. сб. Москва: Росстат. 1242 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/LkooETqG/Region_Pokaz_2020.pdf; Национальные счета. ВРП ОКВЭД 2 (с 2016 года) / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

В остальных регионах выявлен низкий уровень различия отраслевых структур экономики. Таким образом, почти в половине субъектов округа экономические системы претерпели значимые трансформации, что сказалось на показателях СЗФО в целом.

Для определения наличия и масштабов структурных сдвигов в регионах исследуемого округа в связи с пандемией COVID-19 и санкциями на основе расчета индекса Рябцева проанализировано изменение отраслевых структур в 2020 году по отноше-

Таблица 6. Динамика меры структурных различий в валовой добавленной стоимости РФ, СЗФО и его субъектов, 2016–2022 гг.

Субъект	Индекс Рябцева (I_R GRP)				
	2019/2016 гг.	2020/2019 гг.	2021/2020 гг.	2022/2021 гг.	2022/2016 гг.
<i>Справочно: РФ из суммы субъектов</i>	0,100	0,057	0,072	0,027	0,117
<i>СЗФО</i>	0,110	0,041	0,229*	0,059	0,240*
Республика Карелия	0,123	0,060	0,216*	0,231*	0,147
Республика Коми	0,133	0,138	0,179*	0,016	0,167*
Архангельская область	0,081	0,034	0,042	0,073	0,088
Ненецкий автономный округ	0,040	0,024	0,058	0,010	0,076
Вологодская область	0,068	0,059	0,224*	0,033	0,181*
Калининградская область	0,093	0,051	0,059	0,078	0,208*
Ленинградская область	0,048	0,034	0,056	0,140	0,041
Мурманская область	0,190*	0,226*	0,060	0,080	0,414*
Новгородская область	0,122	0,047	0,056	0,021	0,132
Псковская область	0,113	0,042	0,041	0,040	0,143
г. Санкт-Петербург	0,163*	0,026	0,350*	0,062	0,329*
* Выявлен существенный и значительный уровень различия структур. Источник: составлено автором.					

нию к 2019 году⁴ и в 2022 году по отношению к 2021 году. Сравнение 2021 и 2020 гг. позволило сделать некоторые выводы об адаптации экономик к пандемическому шоку. Провести подобный анализ относительно санкционного шока не представляется возможным ввиду отсутствия данных статистики по ВРП за 2023 год.

В табл. 6 отражено, что изменением отраслевой структуры на ограничения от пандемии в СЗФО отреагировала только Мурманская область, где зафиксирован

существенный уровень различия структур (I_R GRP = 0, 226) за счет продолжающегося повышения доли обрабатывающих производств (+14,7 п. п.). Это в конечном итоге определило значительный уровень структурных сдвигов за весь анализируемый период (2016–2022 гг.), поскольку ни в 2021, ни в 2022 гг. значимых изменений не произошло. Остальные регионы СЗФО продемонстрировали устойчивость отраслевой структуры к кризисным явлениям 2020 года, в них наблюдался весьма низкий и низкий

⁴ При анализе реакции регионов СЗФО на шок 2020 года учитывался Перечень отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции, утв. Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2020 г. № 434 (с изм. от 10.04.2020 № 479, от 18.04.2020 № 540, от 12.05.2020 № 657, от 26.05.2020 № 745, от 26.06.2020 № 927). Согласно данному перечню наиболее пострадали отрасли, относящиеся к разделам:

С – Обрабатывающие производства (только по ОКВЭД 18.11 «Печатание газет»);

G – Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов;

I – Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания;

J – Деятельность в области информации и связи;

P – Образование (только по ОКВЭД 85.41 «Образование дополнительное детей и взрослых», ОКВЭД 88.91 «Предоставление услуг по дневному уходу за детьми»);

Q – Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг (только по ОКВЭД 86.23 «Стоматологическая практика»);

R – Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений;

S – Предоставление прочих видов услуг (только по ОКВЭД 95 «Ремонт компьютеров, предметов личного потребления и хозяйственно-бытового назначения, ОКВЭД 96.01 «Стирка и химическая чистка текстильных и меховых изделий, ОКВЭД 96.02 «Предоставление услуг парикмахерскими и салонами красоты»).

уровень различия структур. Однако, несмотря на весьма низкий уровень структурных сдвигов в экономике г. Санкт-Петербурга, следует отметить довольно значительное снижение доли деятельности гостиниц и предприятий общественного питания (0,6% в 2020 году против 1,3% в 2019 году) и деятельности в сфере культуры, спорта, организации досуга и развлечений (1% в 2020 году против 1,5% в 2019 году), что в целом соответствовало общероссийским тенденциям и сказалось на отрицательных темпах прироста ВРП. В экономиках других регионов округа отрасли, наиболее пострадавшие от пандемийных ограничений в целом по России, не продемонстрировали значимого падения.

При этом, как результат адаптации к шоку 2020 года и продолжающимся на протяжении последних лет глобальным экономическим изменениям, в 2021 году уже в четырех субъектах округа наблюдался существенный и значительный уровень различия структур. Это республики Карелия ($I_{RGRP} = 0,216$) и Коми ($I_{RGRP} = 0,179$), Вологодская область ($I_{RGRP} = 0,224$) и г. Санкт-Петербург ($I_{RGRP} = 0,350$).

В двух добывающих регионах (Республика Карелия и Республика Коми) сектор добычи полезных ископаемых демонстрировал устойчивый рост (+14 и +15,2 п. п. соответственно) при незначительном изменении удельного веса других отраслей. Вологодская область в 2021 году усилила позицию обрабатывающих производств на 20,4 п. п., доля которых в ВРП региона составила 54,6%. Значительный уровень различия отраслевой структуры г. Санкт-Петербурга обусловлен увеличением доли основной отрасли – торговли и ремонта автотранспортных средств (+24,8 п. п.), что так же, как и в Мурманской области, отразилось в целом на показателях 2022 года по сравнению с 2016 годом.

Анализ влияния секционного урона на экономики регионов СЗФО показал следующие результаты. Негативные последствия

санкций сказались на сырьевых регионах. Так, существенные изменения структуры добавленной стоимости выявлены в Карелии ($I_{RGRP} = 0,231$), что обусловлено снижением добычи полезных ископаемых практически на половину (-14,3 п. п.) и небольшим понижением удельного веса обрабатывающей промышленности (-1,9 п. п.).

Низкий уровень структурных трансформаций выявлен в Архангельской ($I_{RGRP} = 0,073$), Калининградской ($I_{RGRP} = 0,078$), Ленинградской ($I_{RGRP} = 0,140$) и Мурманской ($I_{RGRP} = 0,080$) областях. Он характеризовался некоторым спадом в реальном секторе экономики. Также пострадал финансовый сектор в Калининградской области, поскольку все крупные банки попали под санкционные ограничения.

Среди компаний, наиболее пострадавших от действия введенных США и ЕС санкций, находились металлурги, в т. ч. «Северсталь», ведущий российский лесопромышленный холдинг «Сегежа Групп», а также один из ведущих мировых производителей фосфорсодержащих удобрений «ФосАгро»⁵, для которых Вологодская область является регионом присутствия. Несмотря на продемонстрированную устойчивость отраслевой структуры и весьма низкий уровень различия ($I_{RGRP} = 0,033$), доля валовой добавленной стоимости обрабатывающих производств, строительства, сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбководства снизилась.

В табл. 7 обобщены результаты исследования и представлены изменения структуры производства и категории устойчивости экономики регионов СЗФО относительно шоков 2020 и 2022 гг. Показано, что структурные сдвиги в рамках обоих исследуемых периодов характерны как для устойчивых, так и для неустойчивых регионов. Уровень различия структур варьируется и между регионами, и относительно шоков. Регионов, устойчивых к обоим шокам, не выявлено, при этом пять субъектов округа оказались неустойчивыми к вызовам обоих кризисов.

⁵ Санкции – 2022. Первые итоги: российский сырьевой сектор. URL: <https://telegra.ph/Sankcii--2022-Pervye-itogi-rossijskij-syroyvoj-sektor-07-06> (дата обращения 03.06.2024).

Таблица 7. Группировка регионов СЗФО по критерию устойчивости на основе динамики ВРП и структурных сдвигов относительно шоков 2020 и 2022 гг.

Уровень различия структур	Кризис 2020 года		Кризис 2022 года	
	Устойчивые	Неустойчивые	Устойчивые	Неустойчивые
Тождественность структур		Ненецкий автономный округ г. Санкт-Петербург	Ненецкий автономный округ	Новгородская область
Весьма низкий уровень различия структур	Республика Карелия Калининградская область Новгородская область	Архангельская область Вологодская область Ленинградская область Псковская область		Вологодская область Псковская область г. Санкт-Петербург
Низкий уровень различия структур		Республика Коми	Ленинградская область	Калининградская область Мурманская область Архангельская область
Существенный уровень различия структур	Мурманская область			Республика Карелия Республика Коми

Источник: составлено автором.

Заключение

В работе проведено исследование устойчивости экономики регионов СЗФО с точки зрения их реакции на шоки, вызванные пандемией COVID-19 и западными санкциями. К устойчивым были отнесены регионы, в которых в 2020 и 2022 гг. темпы прироста ВРП имели положительное значение по сравнению с предыдущим годом. Соответственно, неустойчивыми признаны регионы с отрицательными темпами прироста ВРП. Проанализирована устойчивость отраслевой структуры исследуемых регионов как реакции на шок. При этом задача определить влияние структурных сдвигов на темпы прироста ВРП не ставилась, т. к. результаты могут проявиться через определенный временной промежуток.

Общей реакцией на шок 2020 года для большинства субъектов СЗФО, за исключением Республики Карелии, Калининградской, Новгородской и Мурманской областей, стало падение темпов прироста ВРП. Эти регионы были отнесены к категории устойчивых. За исключением Мурманской области они продемонстрировали и устойчивость отраслевых структур, уровень их различия определен как весьма низкий. В Мурманской области существенный уровень различия структур 2019 и 2020 гг. характеризовался значительным увеличением доли добавленной стоимости обрабатывающих производств и

оказал положительное влияние на устойчивость экономики региона в целом.

Неустойчивые к пандемическому шоку 2020 года регионы не отличались значимыми структурными трансформациями, устойчивость их отраслевой структуры обусловлена разными темпами развития отдельных секторов – падением доли одних отраслей и увеличением доли других. При этом в одних субъектах уязвимыми оказались отрасли, наиболее пострадавшие от ковидных ограничений (например, деятельность гостиниц, предприятий общественного питания, туризма в г. Санкт-Петербурге), в других – ключевые для региона (например, добыча в Ненецком АО и Республике Коми).

Санкционные ограничения отразились на экономиках почти всех субъектов СЗФО, поскольку эти регионы имели тесные кооперационные связи со странами Европейского союза. Исключение составили Ненецкий автономный округ, где продолжился восстановительный рост 2021 года и Ленинградская область, показатели в которой остались на уровне предыдущего года. Структура промышленности в этих субъектах практически сохранила традиционную специализацию и продемонстрировала устойчивость.

В группе неустойчивых регионов относительно санкционного шока добывающие регионы (республики Карелия и Коми) продемонстрировали существенные

трансформации отраслевой структуры, в Калининградской и Мурманской областях также зафиксированы сдвиги; структуры экономики остальных регионов округа оказались весьма устойчивыми.

Поскольку задача определить факторы и выявить причины траекторий развития территорий в данной работе не ставилась, результаты исследования требуют дополнительного углубленного изучения. В частности, целесообразно определить влияние фактора структурных трансформаций на устойчивость региональных экономических систем, что будет продолжено в следующих работах автора. Тем не менее на данном этапе исследования были выявлены некоторые закономерности относительно динамики развития регионов СЗФО, позволившие сделать некоторые предложения по повышению устойчивости субъектов. В частности, анализ отраслевой структуры субъектов округа показал, что на протяжении исследуемого периода их экономики практически

сохранили традиционную специализацию, при этом в добывающих регионах – монопрофильность. Анализ структуры ВДС свидетельствует, что вклад отраслей формирования человеческого капитала – значимого фактора устойчивого роста, так называемая «экономика знаний» (Аганбегян, 2021), в развитие регионов не увеличился, их доля в период с 2016 по 2022 год существенно не менялась.

В этих условиях важно реализовывать мероприятия и проекты, направленные на диверсификацию экономик, создание новых предприятий с высокопроизводительными рабочими местами, привлечение инвестиций в сферу экономики знаний и др.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных данных для осмысления региональной политики, принятия антикризисных решений и разработки мер по повышению устойчивого экономического роста субъектов СЗФО.

ЛИТЕРАТУРА

- Аганбегян А.Г. (2021). О приоритетном развитии сферы экономики знаний // Экономическое возрождение России. № 1 (67). С. 15–22.
- Акбердина В.В. (2021). Резильентность экономики: факторы устойчивости к шокам // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: мат-лы VII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 19–20 апреля 2021 г.): в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Т. 1. С. 8–15. URL: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/103451>
- Елхина И.А. (2015). Оценка структурных сдвигов и различий региональных хозяйственных систем Юга России // Journal of Economic Regulation. Т. 6. № 4. С. 103–110. DOI: 10.17835/2078-5429.2015.6.4.103-110
- Жиронкин С.А., Таран Е.А., Алешина О.Г. (2023). Устойчивость экономики к шокам на макро- и мезоуровнях: типология и условия // Вестник Томского гос. ун-та. Экономика. № 61. С. 225–249. DOI: 10.17223/19988648/61/15
- Жихаревич Б.С., Климанов В.В., Марача В.Г. (2020). Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. № 3. С. 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1
- Замятина Н.Ю., Медведков А.А., Поляченко А.Е., Шамало И.А. (2020). Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. № 65 (3). С. 481–505. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.305>
- Земцов С.П., Иванова М.В., Михайлов А.А. [и др.] (2023). Шокоустойчивость экономики: теория и эмпирика / РАНХиГС при Президенте России. Москва: РАНХиГС. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.scipedia.com/wd/images/8/86/Draft_Grebennikova_240123407-9146-document.pdf
- Иванов П.А. (2022). К вопросу об экспресс-оценке устойчивости экономики территорий к внешним шокам // Journal of Economy and Business. № 6-1 (88). С. 172–175. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-6-1-172-175

- Климанов В.В., Михайлова А.А., Казакова С.М. (2018). Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187
- Кремлев Н.Д. (2020). Развитие адаптационного потенциала региона в условиях санкций // Сибирский экономический журнал. № 9 (17). С. 8–13.
- Кузнецова О.В. (2021). Экономика российских регионов в пандемию: работают ли факторы шокоустойчивости? // Региональные исследования. № 3 (73). С. 76–87. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-7
- Кузнецова О.В., Бабкин Р.А. (2020). Отраслевая структура экономики российских регионов как фактор их развития в 2020 году // Федерализм. Т. 26. № 3 (103). С. 5–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-3-5-28>
- Малкина М.Ю. (2021). Устойчивость региональных экономик и ее факторы // Научные труды Вольного экономического общества России. Т. 230. № 4. С. 397–403. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-397-403
- Малкина М.Ю. (2024). Стресс реального сектора российских регионов в условиях пандемии и санкций // Экономика региона. № 20 (1). С. 16–32. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-2>
- Михеева Н.Н. (2021). Устойчивость российских регионов к экономическим шокам // Проблемы прогнозирования. № 1. С. 106–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118
- Михеева Н.Н. (2023). Устойчивость экономики российских регионов к внешним шокам: оценка на основе оперативной информации // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. № 1. С. 151–174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174
- Песоцкий А.А., Мешков И.О. (2022). Расчет влияния экономического шока, вызванного пандемией COVID-19, на российские регионы // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 1 (68). С. 12–23. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-1-12-23
- Саубанов Р.Х. (2012). Методика оценки экономической устойчивости региона // Проблемы современной экономики. № 8. С. 56–60.
- Серова Н.А., Скуфьина Т.П. (2023). Анализ структурного развития промышленного производства в регионах российской Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 1. С. 108–119. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2023.79.007
- Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. (2021). Резильентность экономических систем в эпоху глобализации и внезапных шоков // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 5. С. 93–115. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_93_115
- Теванян А.М. (2017). Адаптация экономических систем к стрессовым нагрузкам посредством управления интеллектуальным капиталом // Креативная экономика. Т. 11. № 11. С. 1133–1144. DOI: 10.18334/ce.11.11.38473
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. [и др.] (2023). Тенденции развития экономики регионов Северо-Запада России / под науч. ред. В.А. Ильина; Вологодский научный центр Российской академии наук. № 3. Вологда: ВолНИЦ РАН. 127 с.
- Феофилова Т.Ю., Радыгин Е.В. (2021). Измерение экономической устойчивости // Управленческий учет. № 11. С. 720–729.
- Чернова О.А. (2022). Концептуальные рамки исследования региональной резилиентности в условиях COVID-19: эволюционный анализ // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докладов в 2-х т. Т. 1 (18–20 ноября 2021 г.). Екатеринбург: УрФУ. С. 163–167.
- Чернова О.А. (2023). Резилиентность регионов России в условиях восстановительного роста: скачок вперед или отскок назад? // Journal of Applied Economic Research. Т. 22. № 2. С. 381–403. DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.2.016>
- Широв А.А. (2023). Развитие российской экономики в среднесрочной перспективе: риски и возможности // Проблемы прогнозирования. № 2 (197). С. 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17

- Akberdina V.V. (2022). System resilience of industry to the sanctions pressure in industrial regions: Assessment and outlook. *Journal of New Economy*, 23 (4), 26–45. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-2
- Bristow G., Healy A. (2014). Citation: Regional resilience: an agency perspective. *Regional studies*, 48 (5), 923–935.
- Davies S. (2011). Citation: Regional resilience in the 2008–2010 downturn: comparative evidence from European countries. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 4 (3), 369–382.
- Foster K.A. (2006). A case study approach to understanding regional resilience. In: *Working Paper 2007-08. Institute of Urban and Regional Development*, University of California. Berkeley. Available at: <https://www.econstor.eu/obitstream/10419/59413/1/592535347.pdf>
- Giannakis E., Bruggeman A. (2017). Citation: Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece. *Papers in Regional Science*, 96 (3), 451–476.
- Hill E.W., Wial H., Wolman H. (2008). Exploring regional economic resilience. In: *Working Paper 2008-04. Institute of Urban and Regional Development*. Berkeley.
- Hill E.W., Clair T.St., Wial H. [et al.] (2012). *Working Paper 2011-03. Economic Shocks and Regional Economic Resilience*. Urban and Regional Policy and Its Effects: Building Resilient Regions, 193–274.
- Martin R. (2012). Citation: Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*, 1, 1–32.
- Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P. (2016). Citation: How regions react to recess resilience and the role of economic structure. *Regional Studies*, 50 (4), 561–585.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Любовь Васильевна Бабич – кандидат экономических наук, первый заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lvbabich@vscc.ac.ru)

Babich L.V.

ECONOMIC RESILIENCE OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT REGIONS TO EXTERNAL SHOCKS IN 2020–2022

The Russian economy as a whole and its regional economic systems should be resilient to external challenges in the conditions of turbulence. It is important both to assess the economic sustainability of an individual region and to conduct interregional comparisons of economic sustainability within macroregions since regional economies react differently to crisis phenomena. The article assesses the economic sustainability of the Northwestern Federal District regions to external shocks in 2020–2022 in two stages. The first stage shows the reaction of the economic systems of the Northwestern Federal District subjects to external challenges based on the dynamics of GRP growth rates; the second stage presents changes in the sectoral structure. The paper reveals that structural shifts are characteristic of both stable and unstable regions. The level of structural differences varies both between regions and in relation to shocks. Regions that are resistant to both shocks (2020–2022) were not identified, while five subjects of the district proved to be unstable to the challenges of both crises. The practical significance of the work lies in the possibility of using the obtained data to comprehend regional policy, make anti-crisis decisions and develop measures to improve sustainable economic growth of the Northwestern Federal District subjects.

Northwestern Federal District, regional economy, sustainability, sustainability assessment, sectoral structure, pandemic shock, sanctions shock.

REFERENCES

- Aganbegyan A.G. (2021). On priority development of knowledge economy. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, 1(67), 15–22 (in Russian).
- Akberdina V.V. (2021). Economic resilience: Shocks resistance factors. In: *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostei, institutov i territorii: mat-ly VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Ekaterinburg, 19–20 aprelya 2021 g.): v 2-kh t. T. 1* [Strategies of Development of Social Communities, Institutions and Territories: Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference (Yekaterinburg, April 19–20, 2021): In 2 Volumes. Volume 1]. Yekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Available at: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/103451> (in Russian).
- Akberdina V.V. (2022). System resilience of industry to the sanctions pressure in industrial regions: Assessment and outlook. *Journal of New Economy*, 23(4), 26–45. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-4-2
- Bristow G., Healy A. (2014). Citation: Regional resilience: An agency perspective. *Regional studies*, 48(5), 923–935.
- Chernova O.A. (2022). Conceptual framework for the study of regional resistance in the conditions of COVID-19: Evolutionary analysis. In: *Rossiiskie regiony v fokuse peremen: sb. dokladov v 2-kh t. T. 1 (18–20 noyabrya 2021 g.)* [Russian Regions in the Focus of Change: Collection of Reports in 2 Volumes 1 (November 18–20, 2021)]. Yekaterinburg: UrFU (in Russian).
- Chernova O.A. (2023). The resilience of Russia's regions in the conditions of recovery growth: Bouncing forward or bouncing back? *Journal of Applied Economic Research*, 22(2), 381–403. DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.2.016> (in Russian).
- Davies S. (2011). Citation: Regional resilience in the 2008–2010 downturn: Comparative evidence from European countries. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 4(3), 369–382.
- Elkhina I.A. (2015). Assessment of structural shifts and differences of regional economic systems in southern Russia. *Journal of Economic Regulation*, 6(4), 103–110. DOI: 10.17835/2078-5429.2015.6.4.103-110 (in Russian).
- Feofilova T.Yu., Radygin E.V. (2021). Measuring economic sustainability. *Upravlencheskii uchet*, 11, 720–729 (in Russian).
- Foster K.A. (2006). A case study approach to understanding regional resilience. In: *Working Paper 2007-08. Institute of Urban and Regional Development*, University of California. Berkeley. Available at: <https://www.econstor.eu/obitstream/10419/59413/1/592535347.pdf>
- Giannakis E., Bruggeman A. (2017). Citation: Economic crisis and regional resilience: Evidence from Greece. *Papers in Regional Science*, 96(3), 451–476.
- Hill E.W., Clair T.St., Wial H. et al. (2012). Urban and regional policy and its effects: Building resilient regions. In: *Working Paper 2011-03. Economic Shocks and Regional Economic Resilience*.
- Hill E.W., Wial H., Wolman H. (2008). Exploring regional economic resilience. In: *Working Paper 2008-04. Institute of Urban and Regional Development*. Berkeley.
- Ivanov P.A. (2022). To the question of the method of the express assessment of the stability of the economy of the territories to external shocks. *Journal of Economy and Business*, 6-1(88), 172–175. DOI: 10.24412/2411-0450-2022-6-1-172-175 (in Russian).
- Klimanov V.V., Mikhailova A.A., Kazakova S.M. (2018). Regional resilience: Theoretical basics of the question. *Ekonomicheskaya politika*, 13(6), 164–187. DOI: 10.18288/1994-5124-2018-6-164-187 (in Russian).
- Kremlev N.D. (2020). Development of adaptation potential of the region in the context of sanctions. *Sibirskii ekonomicheskii zhurnal*, 9(17), 8–13 (in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2021). Russian regional economies in a pandemic: Are shock-resistance factors working? *Regional'nye issledovaniya*, 3(73), 76–87. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-3-7 (in Russian).
- Kuznetsova O.V., Babkin R.A. (2020). The sectoral structure of the economy of Russian regions as a factor of their development in 2020. *Federalizm=Federalism*, 26, 3(103), 5–28. DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-3-5-28> (in Russian).
- Malkina M.Yu. (2021). Resilience of regional economies and its factors. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*, 230(4), 397–403. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-230-4-397-403 (in Russian).

- Malkina M.Yu. (2024). Stress in the real economy of Russian regions under the pandemic and sanctions. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 20(1), 16–32. DOI: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-1-2> (in Russian).
- Martin R. (2012). Citation: Regional economic resilience, hysteresis and recessionary shocks. *Journal of Economic Geography*, 1, 1–32.
- Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P. (2016). Citation: How regions react to recess resilience and the role of economic structure. *Regional Studies*, 50(4), 561–585.
- Mikheeva N.N. (2021). Resilience of Russian regions to economic shocks. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 1, 106–118. DOI: 10.47711/0868-6351-184-106-118 (in Russian).
- Mikheeva N.N. (2023). Resilience of the economy of the Russian regions to external shocks: Evaluation on the basis of operational data. *Nauchnye trudy. Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN=Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 1, 151–174. DOI: 10.47711/2076-3182-2023-1-151-174 (in Russian).
- Pesotskiy A.A., Meshkov I.O. (2022). Calculating the impact of the economic shock caused by the COVID-19 pandemic on Russian regions. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya*, 1(68), 12–23. DOI: 10.52897/2411-4588-2022-1-12-23 (in Russian).
- Saubanov R.Kh. (2012) Methodology for assessing the economic sustainability of the region. *Problemy sovremennoi ekonomiki*, 8, 56–60 (in Russian).
- Serova N.A., Skuf'ina T.P. (2023). Analyzing the structural development of industrial production in the regions of the Russian Arctic. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poriyadka=The North and the Market: Forming the Economic Order*, 1, 108–119. DOI: 10.37614/2220-802X.1.2023.79.007 (in Russian).
- Shirov A.A. (2023). Development of the Russian economy in the medium term: Risks and opportunities. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 2(197), 6–17. DOI: 10.47711/0868-6351-197-6-17 (in Russian).
- Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. (2021). Resilience of economic systems in the age of globalization and sudden shocks. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 5, 93–115. DOI: 10.52180/2073-6487_2021_5_93_115 (in Russian).
- Tevanyan A.M. (2017). Adaptation of economic systems to stress through the medium of intellectual capital management. *Kreativnaya ekonomika=Journal of Creative Economy*, 11(11), 1133–1144. DOI: 10.18334/ce.11.11.38473 (in Russian).
- Uskova T.V., Lukin E.V., Leonidova E.G. et al. (2023). *Tendentsii razvitiya ekonomiki regionov Severo-Zapada Rossii* [Economic Development Trends in the Regions of North-West Russia]. Vologda: VolRC RAS.
- Zamyatina N.Yu., Medvedkov A.A., Polyachenko A.E., Shamalo I.A. (2020). Resilience of Arctic cities: An analysis of the approaches. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle=Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 65(3), 481–505. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.305> (in Russian).
- Zemtsov S.P., Ivanova M.V., Mikhailov A.A. et al. (2023). *Shokoustoichivost' ekonomiki: teoriya i empirika* [Shock-Resilient Economics: Theory and Empirics]. Moscow: RANKhiGS. Available at: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgiclfefndmkaj/https://www.scipedia.com/wd/images/8/86/Draft_Grebennikova_240123407-9146-document.pdf
- Zhikharevich B.S., Klimanov V.V., Maracha V.G. (2020). Resilience of the territory: Concept, measurement, governance. *Regional'nye issledovaniya*, 3, 4–15. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-3-1 (in Russian).
- Zhironkin S.A., Taran E.A., Aleshina O.G. (2023). The economy's resilience to shocks at the macro- and meso-levels: Typology and conditions. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ekonomika=Tomsk State University Journal of Economics*, 61, 225–249. DOI: 10.17223/19988648/61/15 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyubov' V. Babich – Candidate of Sciences (Economics), first deputy director, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lvbabich@vscc.ac.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.6

УДК 338.49 | ББК 65.049(2)

© Крюков И.А.

ОЦЕНКА ВКЛАДА КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ СЗФО

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ КРЮКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: ivan.kryukov.1974@mail.ru

Креативные индустрии рассматриваются в качестве одного из наиболее динамично развивающихся секторов мировой экономики. Однако их влияние на социально-экономическое развитие российских регионов остается недостаточно изученным. Представленное исследование нацелено на определение вклада креативных индустрий в экономическое развитие субъектов Северо-Западного федерального округа России. В работе использован базирующийся на учете существующих подходов метод оценки величины креативного продукта, производимого в региональных экономических системах, на основании которого определена доля креативных индустрий в структуре ВРП исследуемых субъектов. Кроме того, нами выделен перечень факторов, оказывающих влияние на развитие региональных креативных индустрий. Среди них территориальное расположение региона, его природно-климатические условия, наличие туристического и историко-культурного потенциала, а также заинтересованность органов власти. На основании полученных результатов осуществлена группировка исследуемых субъектов по уровню развития креативных индустрий. К регионам-лидерам отнесены Санкт-Петербург, Калининградская и Вологодская области, регионами со средним уровнем развития креативных индустрий являются Мурманская, Псковская и Архангельская области, в перечне регионов-аутсайдеров выделяются Ленинградская и Новгородская области, а также республики Карелия и Коми. В отношении каждой из выделенных групп разработаны предложения для органов власти, направленные на развитие креативных индустрий. Полученные выводы могут быть полезны научным сотрудникам и аспирантам, изучающим рассмотренную в тексте проблематику, органам власти

Для цитирования: Крюков И.А. (2024). Оценка вклада креативных индустрий в социально-экономическое развитие регионов СЗФО // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 83–101. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.6

For citation: Kryukov I.A. (2024). Assessing the contribution of creative industries to the socio-economic development of the Northwestern Federal District regions. *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 83–101. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.6

различного уровня, а также послужат основой для будущих исследований. Элементами научной новизны обладает развитие методического подхода к оценке вклада креативных индустрий в экономику региона на основе определения величины креативного продукта и выявления факторов, оказывающих влияние на это значение. Среди перспектив исследования рассматриваются вопросы определения структуры креативного продукта в различных регионах СЗФО и разработка в рамках политики органов власти более детальных предложений, направленных на развитие креативных индустрий.

Креативные индустрии, социально-экономическое развитие, Северо-Западный федеральный округ, регион.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01841 (<https://rscf.ru/project/23-28-01841>).

Введение

Обострение геополитической ситуации ставит перед Россией ряд амбициозных целей, наиболее стремительное достижение которых возможно при устойчивом социально-экономическом развитии страны и ее регионов. Как и на национальном уровне, на региональное экономическое развитие оказывает влияние значительное количество факторов (Ускова и др., 2013). В качестве одного из них эксперты-практики и ученые рассматривают креативные индустрии.

Так, согласно данным Фонда «Росконгресс»¹, общая капитализация данного сектора на глобальном уровне превышает 2 трлн долларов США, а его средний рост составляет около 8% ежегодно. В том числе и по этой причине он входит в число приоритетных задач развития для 25 стран мира². Кроме того, в креативных индустриях генерируется значительное количество рабочих мест. На глобальном уровне доля занятых в креативном секторе составляет около 6%³. В разрезе экономически развитых государств наблюдаются еще более высокие значения,

например в Японии доля занятых творческой деятельностью составляет от 10 до 14%, в Великобритании – 10%, в Австралии – 8%. В России этот показатель достигает 4,7%⁴.

В 2021 году в России была принята «Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки». В документе выделяются тенденции и проблемы развития креативных индустрий, а также определяется роль государства в их развитии. Наибольшее значение в рамках представленного исследования имеют положения, обуславливающие необходимость активного содействия развитию креативных индустрий в регионах на основе принципа локализации, то есть сохранения регионального размещения креативных индустрий⁵.

Несмотря на рост сектора креативных индустрий на глобальном уровне, а также привлечение внимания органов власти к исследуемой проблеме, слабоизученными остаются вопросы определения вклада креативных индустрий в региональное развитие и вопросы характеристики особенностей

¹ Международный бизнес и глобальные ценности: риски и возможности на новом этапе развития творческих индустрий // Росконгресс. URL: <https://roscongress.org/sessions/spief-2021-mezhdunarodnyybiznes-i-globalnyetsennosti-riski-i-vozmozhnosti-na-novom-etape-razvitiyatvorcheski/discussion> (дата обращения 11.05.2024).

² В АСИ презентовали первый в России Атлас креативных индустрий // АСИ. URL: <https://asi.ru/news/180985/> (дата обращения 10.04.2024).

³ ReShaping Policies for Creativity. UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/reports/reshaping-creativity/2022/en> (accessed 16.05.2024).

⁴ Развитие креативной экономики // Высшая школа экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2023/03/31/2022289906/Trendletter_5_2023_Creative%20economy.pdf (дата обращения 17.05.2024).

⁵ Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года // Правительство РФ. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVIxB CjIAtAya8FAVDUfP.pdf> (дата обращения 18.04.2024).

развития рассматриваемых видов экономической деятельности на различных территориях.

Целью представленного исследования является определение вклада креативных индустрий в экономическое развитие регионов. Исследование проведено на материалах Северо-Западного федерального округа, включающего субъекты РФ, различающиеся структурой экономических систем, отраслей специализации, природно-географическим положением и рядом других характеристик, что отражает общероссийские тенденции экономического развития территорий.

Для достижения поставленной цели необходимо:

- 1) определить величину креативного продукта, производящегося в регионах СЗФО, и его долю в ВРП;
- 2) выделить ключевые факторы, оказывающие влияние на развитие креативных индустрий в регионах СЗФО;
- 3) предложить меры, направленные на поддержку развития креативных индустрий в исследуемых регионах.

Теоретические аспекты исследования

Вопросы, связанные с определением потенциала развития креативных индустрий, впервые были подняты в 90-х гг. XX века. В 1994 году Министерством коммуникации и искусств Австралии опубликован доклад «Creative Nation: Commonwealth cultural policy»⁶, в котором содержатся концептуальные основы культурной политики и ключевое место отведено креативным индустриям.

В 1998 году Министерство культуры, медиа и спорта Великобритании опубликовало доклад «Creative Industries Mapping Documents»⁷, где креативные индустрии рассматриваются в качестве центрального элемента постиндустриальной экономики. В докладе обоснована связь развития креативных индустрий и экономического роста, а также назван перечень креативных индустрий. Указанные документы повлияли на

рост внимания к креативным индустриям в ряде зарубежных стран.

Проблемы развития креативных индустрий широко распространены в научной литературе. В исследованиях внимание сосредоточено на систематизации подходов к определению понятия и состава креативных индустрий (Крюков, 2023), рассматриваются вопросы сопоставления понятий «креативные индустрии», «культурные индустрии» и «креативные практики», характеризуется роль креативных индустрий в социокультурной сфере (Морозов, 2016; Вейнмейстер, Иванова, 2017; Устинова, 2023). Помимо этого, креативные индустрии исследуются в качестве фактора экономического роста (Морданов, 2021), анализируется влияние пандемии COVID-19 на них (Глушкова, Васина, 2021), изучается опыт функционирования креативных кластеров (Василенко и др., 2024).

Следует отметить труды, в которых рассматриваются вопросы развития креативных индустрий в различных территориальных образованиях как на национальном (Жупарова, Нусюпаев, 2020; Namyślak, Spallek, 2021; Aziz et al., 2023), так и на местном уровне, в частности на территориях с низкой плотностью населения (сельских территориях) (Arauzo-Carod et al., 2023; Silva et al., 2023). Кроме того, изучаются вопросы развития креативных индустрий в крупных городах, которые характеризуются высокой концентрацией креативных видов деятельности (Зверева, Тихоцкая, 2023), и в отдельных регионах (Mcintyre et al., 2023).

Однако в существующих исследованиях не сформирован единый подход к пониманию рассматриваемого понятия, что обуславливает разнонаправленность имеющихся трактовок и характеристик сектора креативных индустрий. Среди этих характеристик выделяются формирование добавленной стоимости за счет креативной деятельности и прав на интеллектуальную собственность, накопление знаний и повышение престижа территорий (Myerscough, 1988),

⁶ Creative Nation: Commonwealth cultural policy, October 1994. APO. URL: <https://apo.org.au/node/29704> (accessed 17.04.2024).

⁷ Creative Industries Mapping Documents 1998. Government UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/creative-industries-mapping-documents-1998> (accessed 17.04.2024).

рост экономической активности территориальных образований⁸, повышение уровня занятости (Piergiovanni et al., 2012) и производительности труда (Coll-Martínez, Arauzo-Carod, 2017).

В исследовании (Sanchez-Serra, 2014) автор предлагает придерживаться трактовки, согласно которой под креативными индустриями понимается совокупность видов экономической деятельности, связанных с культурной, творческой и высокотехнологичной деятельностью и часто характеризующихся высокими темпами роста и наличием положительных внешних эффектов. Указанная трактовка, по нашему мнению, обладает достаточной степенью полноты и комплексности описания характеристик исследуемого сектора экономики.

Кроме того, не определен состав креативных индустрий. В частности, в России отсутствует их нормативно закреплённый перечень. В существующих исследованиях (Coll-Martínez, Arauzo-Carod, 2017; Lyons, 2023) также нет единого подхода к определению видов экономической деятельности, которые учитываются в рамках креативных индустрий, однако выделяется несколько критериев, позволяющих провести такую классификацию. Среди них наличие интеллектуальной собственности в виде нематериальных активов и величина доли творческих работников в общей структуре занятых⁹.

Последний из обозначенных критериев принимается во внимание, когда определяются виды экономической деятельности, рассматриваемые в рамках креативных индустрий. Подчеркнем, что их перечень может быть представлен с большей или меньшей степенью агрегирования. В рамках работы будет использован наиболее полный и универсальный подход, имеющий апробацию в исследовании ВШЭ¹⁰, согласно которому к креативным относятся те виды деятельности, в которых более 30% заня-

тых являются представителями творческих профессий (Higgs et al., 2008). На основании ОКВЭД выделяется 35 видов экономической деятельности, относящихся к креативным индустриям, среди них деятельность в индустрии моды, издательская деятельность, промыслы и ремесла, архитектура, кино и анимация, телерадиовещание, ИТ и видеоигры, реклама и пиар-индустрия, дизайн, художественное творчество, деятельность музеев, библиотек и архивов.

Таким образом, учитывая вклад креативных индустрий в экономическое развитие на глобальном уровне и недостаточную изученность проблематики на уровне отдельных территориальных образований, особую значимость приобретают вопросы определения роли креативных индустрий в экономическом развитии регионов России.

Методы

Поиск подходов и методов для оценки вклада креативных индустрий в социально-экономическое развитие территорий является актуальной проблемой для российских и зарубежных исследователей.

Первые научные труды, посвященные указанной проблематике, связаны с R. Florida, который в середине 2000-х гг. предпринял попытку количественно оценить вклад креативных индустрий в экономическое развитие (Florida, 2002; Florida, 2005). Зарубежными авторами такие оценки проводятся на основе модели «затраты – выпуск», анализируются проблемы трансформации креативных индустрий за счет онлайн-сферы (Lyons, 2023) и исследуются вопросы финансирования креативных индустрий (Loots et al., 2022).

В трудах российских авторов выделяются проблемы оценки влияния креативных индустрий на региональное развитие. Так, в 2021 году был подготовлен доклад, посвященный статистическому измерению

⁸ Gutierrez-Posada D., Kitsos T., Nathan M., Nuccio M. (2021). Do creative industries generate multiplier effects? Evidence from UK cities. URL: <https://ukdataservice.ac.uk/app/uploads/bduckitsos2021-09-21.pdf> (accessed 27.05.2024).

⁹ Креативные индустрии в России: тенденции и перспективы развития // ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2021/07/11/1434062388/CI_1.pdf (дата обращения 05.06.2024).

¹⁰ Рейтинг креативных регионов России // ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2023/11/14/2106798958/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue_3_Creative_Regions_11-2023.pdf (дата обращения 01.05.2024).

креативной экономики Москвы. Приведены данные, характеризующие занятость в креативных профессиях, определена характеристика торговли товарами, произведенными в результате креативной деятельности, а также выделены инфографические профили ряда креативных индустрий Москвы (Власова и др., 2021).

И.В. Климова и Л.Н. Семеркова рассматривают взаимосвязь креативных индустрий и инновационного развития региона. Ими проведен анализ ряда показателей и составлен рейтинг регионов по уровню развития креативных индустрий (Климова, Семеркова, 2022).

Схожие темы изучаются исследовательскими центрами. Специалисты ВШЭ разработали «Рейтинг креативных индустрий регионов России». Выявлены и оценены формирующиеся модели развития креативных индустрий в российских регионах, наиболее значимые особенности развития и факторы успеха регионов-лидеров, а также определены «дефицитные региональные специализации» в креативной сфере. Кроме того, разработана модель, включающая 48 индикаторов, формирующих следующие разделы: социально-экономические условия, культурная среда, экономика креативных индустрий, поддержка креативных индустрий. В результате исследования все российские регионы разделены на четыре группы в зависимости от эффективности использования имеющегося потенциала и мер поддержки, а также креативных специализаций¹¹.

Помимо этого, в 2021 году специалисты Агентства стратегических инициатив (АСИ) выпустили «Атлас креативных индустрий Российской Федерации». В работе оценена величина вклада креативных видов экономической деятельности в социально-экономическое развитие российских территорий, рассмотрены различные подходы к определению понятия и состава креативных индустрий, изучен международный и отечественный опыт их поддержки, проведен

обзор рынков отраслей, относящихся к креативным индустриям. Авторы также выделяют перечень креативных индустрий на основании ОКВЭД, а величина вклада креативных индустрий определяется как национальный продукт, взвешенный на долю занятых в отрасли от общей численности занятых, умноженный на отношение среднего уровня заработной платы в отраслях и в национальной экономике. В результате исследования получены данные о вкладе креативных индустрий в социально-экономическое развитие на федеральном, региональном и муниципальном уровнях¹².

Обобщая рассмотренные выше положения, мы можем сказать, что помимо отсутствия единого подхода к определению основных характеристик и состава сектора креативных индустрий существует методическая неопределенность в части обоснования системы индикаторов, характеризующих развитие креативных индустрий, кроме того, возникает вопрос полноты представленных расчетов. Так, в исследовании АСИ выделяется недостаточно полный перечень видов экономической деятельности, отнесенных к креативным индустриям, например, не рассматривается ряд направлений деятельности в области моды и дизайна, а в исследовании ВШЭ не представлена необходимая полнота расчетов. Кроме того, в рассмотренных исследованиях отсутствует классификация факторов, обуславливающих уровень развития креативных индустрий в регионах.

Нами предпринята попытка развития методического инструментария на основе существующих методик и устранения выявленных неопределенностей. Исходя из описанных выше ограничений, наиболее целесообразным представляется подход к определению величины креативного продукта, использованный в исследовании АСИ, а при определении перечня креативных индустрий учтен подход исследователей ВШЭ (табл. 1).

¹¹ Рейтинг креативных регионов России // ВШЭ. URL: https://www.hse.ru/data/2023/11/14/2106798958/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue_3_Creative_Regions_11-2023.pdf (дата обращения 01.05.2024).

¹² Атлас креативных индустрий Российской Федерации // Агентство стратегических инициатив. 100 городов. URL: <https://100gorodov.ru/creativeindustries> (дата обращения 19.05.2024).

Таблица 1. Алгоритм оценки вклада креативного продукта в региональное развитие

Наименование этапа	Содержание этапа
Определение величины креативного продукта	<p>Расчет величины креативного продукта, производимого в исследуемых регионах, и выявление доли креативных индустрий в региональной экономике (отношение креативного продукта к ВРП). Для расчета использована следующая формула:</p> $КП = \frac{ВРП}{СЧР} \times СЧРк \times \frac{СЗПк}{СЗП},$ <p>где: КП – величина креативного продукта; ВРП – валовой региональный продукт; СЧР – среднесписочная численность работников в регионе; СЧРк – среднесписочная численность работников предприятий; относящихся к креативным индустриям; СЗПк – среднемесячная заработная плата работников предприятий, относящихся к креативным индустриям; СЗП – среднемесячная заработная плата в регионе</p>
Определение факторов, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие регионов	<p>Выявление факторов, оказывающих влияние на развитие креативных индустрий в регионах (в том числе производительность труда в расчете на одного работника, доля занятых в креативных индустриях в общей структуре занятости региона, уровень оплаты труда в абсолютном и относительном выражении и т. д.)</p>
Группировка регионов по уровню развития в них креативных индустрий	<p>Для проведения группировки регионов рассмотренные показатели разделены на две группы: – характеризующие величину креативного продукта, производимого в исследуемых регионах, и его долю в ВРП; – характеризующие рынок труда и занятость в креативных индустриях исследуемых регионов (производительность труда, уровень оплаты труда в абсолютном значении и в отношении к среднерегionalному уровню, доля занятых в креативных индустриях в общей численности занятости). Далее регионы проанжированы по величине значения каждого рассмотренного показателя в 2022 году и по темпам прироста этих показателей на протяжении исследуемого периода. В зависимости от положения субъекта относительно других ему присвоена оценка, где значение «1» характеризует наиболее высокое значение показателя, а значение «0,1» – наиболее низкое Для каждой из групп показателей на основании среднего арифметического исследуемых значений произведена оценка развития креативных индустрий. Итоговая оценка, характеризующая развитие креативных индустрий в регионах СЗФО, дана на основе среднего арифметического совокупных показателей, отражающих развитие креативных индустрий в 2022 году и темпы прироста показателей в исследуемом периоде. На основе полученных значений произведена группировка регионов по следующей шкале: 0,26–0,45 – регионы-аутсайдеры; 0,46–0,65 – регионы со средним уровнем развития креативных индустрий; 0,66–0,85 – регионы – лидеры по уровню развития креативных индустрий (градация обусловлена верхней и нижней границами полученных значений)</p>
Источник: составлено автором на основе анализа литературы.	

Описанный методический подход включает в себя совокупность методов, приемов и инструментов, позволяющих провести комплексный анализ развития креативных индустрий в исследуемых регионах. Так, с одной стороны, выявляется вклад креативных индустрий в региональное развитие (в ходе исследования нами определена величина производимого в регионах креативного продукта и его доля в ВРП), с другой стороны – основные тенденции развития указанного сектора (названы факторы, оказывающие влияние на развитие креативных индустрий, проведена группировка субъектов и предложены дифференцированные меры поддержки развития креативных индустрий в исследуемых территориальных образованиях). Таким образом, использова-

ние этого подхода позволит оценить вклад креативных индустрий в региональное развитие и охарактеризовать уровень их развития на региональном уровне.

Результаты и дискуссия

На основании описанного выше подхода нами был проведен первый этап мониторинга на примере регионов Северо-Западного федерального округа, для которых характерна высокая степень дифференциации особенностей и условий социально-экономического развития, за 2017–2022 гг. Период исследования обусловлен изменением в 2017 году Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД), с использованием которого были выделены креативные индустрии.

Согласно методическому инструментарию, на первом этапе определена величина креативного продукта в регионах СЗФО (табл. 2).

В период с 2017 по 2022 год величина креативного продукта на уровне федерального округа увеличилась более чем на 95%. В разрезе регионов наибольший прирост наблюдается в Санкт-Петербурге, Вологодской и Мурманской областях, где значение показателя увеличилось более чем вдвое. В то время как наименьший прирост на уровне 10–15% зафиксирован в Новгородской и Архангельской областях, а также Республике Коми.

В 2022 году наиболее высокое значение также характерно для Санкт-Петербурга, в

котором производится около 85% от общей величины креативного продукта СЗФО. Кроме того, среди лидеров Ленинградская и Вологодская области, где стоимость производимого креативного продукта составляет от 73 до 78 млрд руб. Среди регионов-аутсайдеров Новгородская и Псковская области, а также Республика Коми. Для указанных субъектов характерно значение показателя на уровне 21–28 млрд руб.

В относительном выражении вклад креативных индустрий в региональное развитие может быть определен как отношение креативного продукта к величине валового регионального продукта (табл. 3).

Таблица 2. Креативный продукт в регионах СЗФО в ценах 2022 года, млрд руб.

Территория	Год						2022 год к 2017 году, %
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
СЗФО	1110,0	1342,5	1289,2	1601,2	2031,1	2171,6	95,6
г. Санкт-Петербург	758,6	728,9	933,3	1160,0	1652,4	1842,2	142,9
Ленинградская область	69,8	64,0	75,2	80,9	89,1	77,5	11,0
Вологодская область	31,0	39,0	46,8	52,6	86,5	73,5	136,9
Мурманская область	30,4	31,3	44,6	49,9	63,2	64,0	110,9
Архангельская область	45,0	50,9	53,3	48,9	59,7	63,7	41,4
Калининградская область	39,7	38,9	50,1	60,2	53,6	61,1	54,2
Республика Коми	44,4	46,1	49,4	39,5	47,9	49,2	10,8
Новгородская область	24,3	23,0	25,7	24,3	25,8	28,0	15,0
Республика Карелия	19,6	21,6	21,8	24,8	28,4	25,4	29,8
Псковская область	15,6	15,5	16,2	17,2	17,0	21,3	36,5

Ранжирование регионов по убыванию значения показателя в 2022 году.
Рассчитано по: данные Росстата.

Таблица 3. Вклад креативных индустрий в ВРП регионов СЗФО, %

Территория	Год						2022 год к 2017 году, п. п.
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
СЗФО	9,2	10,4	9,6	12,3	10,9	11,5	2,3
г. Санкт-Петербург	13,0	11,6	14,1	17,9	15,7	16,5	3,6
Калининградская область	6,5	6,0	7,6	9,0	7,0	8,3	1,8
Псковская область	6,9	6,5	6,5	7,0	6,7	8,3	1,4
Новгородская область	7,0	6,8	7,4	7,2	6,7	7,4	0,4
Вологодская область	4,2	4,8	5,8	6,9	7,5	7,2	3,0
Республика Карелия	5,3	5,5	5,4	6,3	5,7	6,5	1,2
Мурманская область	4,6	4,6	5,7	5,2	5,1	5,6	0,9
Архангельская область	4,3	4,5	4,7	5,2	4,9	5,4	1,0
Республика Коми	5,3	5,0	5,4	5,3	4,9	5,0	-0,3
Ленинградская область	5,1	4,3	4,8	5,4	5,4	4,7	-0,4

Ранжирование регионов по убыванию значения показателя в 2022 году.
Рассчитано по: данные Росстата.

В период с 2017 по 2022 год доля креативного продукта в ВРП увеличилась во всех регионах СЗФО, за исключением Ленинградской области и Республики Коми. На уровне федерального округа рост составил около 2,3%, в Санкт-Петербурге и Вологодской области – 3–3,5%. Кроме того, рост на уровне до 2% наблюдался в Республике Карелии, Архангельской, Калининградской, Мурманской и Псковской областях.

В 2022 году лидером по вкладу креативных индустрий в ВРП среди субъектов СЗФО являлся Санкт-Петербург, в котором значение показателя составило 16,5%. Это единственный субъект, доля креативного продукта в ВРП которого превышает значение федерального округа в целом. В Псковской и Калининградской областях вклад креативных индустрий в ВРП составил около 8%. Среди отстающих регионов – Ленинградская область со значением показателя 4,7%, ряд северных субъектов (Архангельская и Мурманская области, а также Республика Коми), для которых в 2022 году характерно значение показателя на уровне 5–5,6%.

В рамках второго этапа исследования нами выделены причины, обуславливающие такое положение регионов по уровню развития креативных индустрий. Административный центр СЗФО г. Санкт-Петербург является лидером по всем рассмотренным показателям как в абсолютном, так и в относительном выражении. Этому способствует ряд факторов, среди которых общеэкономическое развитие (высокая численность населения, развитая инфраструктура и др.), высокий историко-культурный потенциал города, высокий интерес со стороны органов власти. Последнее обусловлено разработкой и реализацией концепции «Санкт-Петербург – город креативных индустрий», в которой предлагается план развития креативных индустрий и подчеркивается необходимость разработки комплексных мер поддержки всех заинтересованных сторон в этой отрасли¹⁵.

Еще одним значимым фактором успешного развития креативных индустрий в

Санкт-Петербурге выступает близость к Ленинградской области. С одной стороны, это обуславливает высокий отток творческого населения, с другой стороны, достаточно распространена практика, при которой предприятия зарегистрированы в Санкт-Петербурге при фактической локализации деятельности в Ленинградской области, что способствует повышению привлекательности этих компаний. Таким образом, положительные эффекты для Санкт-Петербурга являются отрицательными для Ленинградской области.

Северные регионы, за исключением Мурманской области, демонстрируют сравнительно низкие значения по большинству рассмотренных показателей. Это в значительной степени связано с природно-географическим положением субъектов (высокой транспортной удаленностью и суровыми климатическими условиями). Кроме того, эти регионы специализируются на добыче полезных ископаемых, машиностроении и обрабатывающих производствах, то есть видах экономической деятельности, не оказывающих существенного влияния на развитие креативных индустрий (Земцов, 2022).

Среди проблем развития креативных индустрий в северных регионах исследователи выделяют сложности в развитии малого предпринимательства (дополнительные издержки ведения деятельности, удаленность от крупных городов снижают возможности для закупки сырья и реализации продукции). Помимо этого, существенной причиной отставания указанных регионов является отсутствие стратегического планирования в сфере развития креативных индустрий. Так, Стратегия развития Арктической зоны РФ не содержит положений, связанных с развитием креативных индустрий (Земцов, 2022). При этом, по мнению Н.Ю. Замятиной и Р.В. Гончарова, в зарубежных арктических зонах именно креативные индустрии являются основой экономического развития (Замятина, Гончарова, 2020).

Кроме того, нам необходимо определить причины достаточно высокого положения

¹⁵ Концепция «Санкт-Петербург – город креативных индустрий». URL: https://3sdevelopment.com/wp-content/uploads/2017/03/Kontseptsiya-SPB-kreativnye-industrii-_publ.pdf (дата обращения 12.05.2024).

самого западного региона СЗФО. Во-первых, Калининградская область, так же как и Санкт-Петербург, характеризуется наличием высокого историко-культурного потенциала, во-вторых, высокой заинтересованностью в развитии креативных индустрий со стороны органов власти. Так, в области осуществляет деятельность фонд креативных индустрий «Креспектива», направленный на развитие креативных проектов. Кроме того, проводится ежегодный «Фестиваль креативных индустрий», посвященный наиболее значимым и актуальным вопросам развития креативных индустрий в регионе¹⁴. Помимо этого, в регионе сформирован локальный перечень лидеров креативных индустрий, который консолидирует творческие индустрии региона и способствует выявлению сильных сфер, формированию общественного представления об этой отрасли¹⁵.

Схожая ситуация характерна для Мурманской области, которая, несмотря на сложные природно-географические условия, демонстрирует лидирующие позиции по ряду рассмотренных показателей. Это обусловлено заинтересованностью органов власти и эффективной реализацией программы «О государственной поддержке творческих (креативных) индустрий в Мурманской области», где выделяются ключевые направления развития креативных индустрий в регионе¹⁶.

Наряду с рассмотренными факторами, процесс развития креативных индустрий обусловлен ситуацией на рынке труда и в сфере занятости (табл. 4, 5).

В исследуемом периоде на уровне федерального округа значение показателя, характеризующего производительность труда, увеличилось на 35%. Лидерами по приросту значений являются Мурманская (106%) и Вологодская (58%) области. Среди отстающих субъектов – Ленинградская область в связи с незначительным снижением пока-

зателя на 1,7%. Мурманская область также имеет одно из наиболее высоких значений рассматриваемого показателя в 2022 году – 3,33 млн руб. на человека, кроме того, лидером является Санкт-Петербург, где производительность труда в расчете на одного сотрудника составляет 3,18 млн руб. Отстающими регионами стали Республика Карелия и Псковская область, для которых характерна производительность труда на уровне 1,4–1,6 млн руб. на человека.

Среди причин, обуславливающих рост производительности труда, как на уровне федерального округа, так в большинстве исследуемых регионов находится общее развитие современных технологий, которое облегчает выполнение задач, а также процессы взаимодействия с заказчиком и накопление профессионального опыта по мере развития креативных индустрий.

Производительность труда сказывается и на уровне его оплаты. В 2022 году наиболее высокий уровень оплаты труда среди исследуемых регионов был характерен для Мурманской области и Санкт-Петербурга, составляя около 65 тыс. руб., среди отстающих субъектов – Вологодская и Псковская области, где значение показателя не превышает 40 тыс. руб.

На уровне федерального округа в 2022 году средний размер оплаты труда в креативных индустриях составил 57 тыс. руб. При этом на протяжении рассматриваемого периода значение показателя не претерпело существенных изменений. В ряде субъектов наблюдается снижение уровня оплаты труда на 5–8%, среди них Ленинградская область, Санкт-Петербург и Республика Коми. Кроме того, выделяются субъекты, для которых характерно существенное увеличение показателя: Мурманская область, где оплата труда увеличилась на 37%, а также Вологодская и Псковская области, где исследуемый показатель возрос примерно на 29%.

¹⁴ Фестиваль «Креспектива». URL: <https://krespektiva.ru/fest2024#festival> (дата обращения 12.05.2024).

¹⁵ У Калининградской области появился локальный список лидеров креативных индустрий // ТАСС. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/13066103> (дата обращения 11.05.2024).

¹⁶ О государственной поддержке креативных (творческих) индустрий в Мурманской области // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5100202405240012?ysclid=lwz4hzxuaf804806229> (дата обращения 03.06.2024).

Таблица 4. Производительность труда работников креативных индустрий в регионах СЗФО в ценах 2022 года, млн руб. на чел.

Регион	Год						2022 год к 2017 году, %
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
СЗФО	2,4	2,7	2,4	2,9	3,5	3,2	35,2
г. Санкт-Петербург	2,6	2,4	2,7	3,2	4,2	3,8	45,1
Мурманская область	1,6	1,7	2,5	2,7	3,3	3,3	106,0
Ленинградская область	2,5	2,3	2,5	2,7	3,1	2,5	-1,7
Архангельская область	1,8	2,1	2,1	1,9	2,4	2,4	33,9
Республика Коми	2,0	2,1	2,2	1,9	2,3	2,4	20,3
Калининградская область	1,7	1,7	2,0	2,4	2,3	2,4	43,5
Вологодская область	1,4	1,5	1,7	1,8	2,9	2,2	58,2
Новгородская область	1,6	1,6	1,8	1,8	2,0	2,1	30,8
Республика Карелия	1,5	1,5	1,5	1,7	1,9	1,6	11,0
Псковская область	1,0	1,1	1,1	1,2	1,2	1,4	41,1

Ранжирование регионов по убыванию значения показателя в 2022 году.
Рассчитано по: данные Росстата.

Таблица 5. Среднемесячная заработная плата в креативных индустриях в ценах 2022 года, тыс. руб.

Регион	Год						2022 год к 2017 году, %
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
СЗФО	57,7	65,9	57,4	66,7	63,9	57,4	-0,5
Мурманская область	47,6	50,3	66,3	56,3	59,1	65,2	37,1
г. Санкт-Петербург	68,5	61,7	68,6	78,5	75,8	64,9	-5,1
Архангельская область	40,4	43,5	46,3	47,2	48,3	49,3	22,1
Ленинградская область	50,8	44,5	50,3	52,7	59,2	46,7	-8,2
Республика Коми	48,3	45,9	49,8	47,9	45,5	46,0	-4,8
Калининградская область	36,4	35,1	42,0	43,7	41,5	42,7	17,4
Новгородская область	37,0	38,7	41,0	37,5	40,0	42,1	14,1
Республика Карелия	36,8	36,7	37,9	41,6	38,5	41,2	12,0
Вологодская область	30,0	32,5	36,7	40,0	44,1	38,7	29,0
Псковская область	28,7	32,0	32,2	31,7	31,8	37,0	29,2

Ранжирование регионов по убыванию значения показателя в 2022 году.
Источник: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике с 2017 года // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57824> (дата обращения 12.04.2024).

Помимо этого, оплата труда в креативных индустриях может быть рассмотрена по отношению к средней заработной плате по региону (табл. 6).

Общей чертой для всех рассмотренных территориальных образований является оплата труда в креативных индустриях на уровне ниже среднерегионального значения. При этом на протяжении исследуемого периода на уровне федерального округа и в ряде регионов наблюдается снижение рассматриваемого отношения. Так, в пери-

од с 2017 по 2022 год наибольший прирост характерен для Мурманской, Псковской и Калининградской областей, в то время как наибольшее снижение – для Ленинградской области, Санкт-Петербурга и Республики Коми. В 2022 году лидерами являлись Псковская, Калининградская и Новгородская области со значением показателя на уровне 90–95%. Среди аутсайдеров – Республика Коми, Вологодская и Архангельская области, где величина указанного показателя не превышает 74%.

Таблица 6. Отношение номинально начисленной среднемесячной заработной платы работников креативных индустрий к среднемесячной заработной плате работников организаций с января по декабрь в регионах СЗФО, %

Территория	Год						2017 год к 2022 году, п. п.
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
СЗФО	94,4	101,6	85,6	105,4	90,7	80,6	-13,8
Псковская область	90,0	90,7	86,4	89,4	81,7	95,5	5,6
Калининградская область	85,0	81,9	96,1	109,9	89,0	90,2	5,2
Новгородская область	92,5	94,3	101,4	100,6	89,9	89,8	-2,8
Ленинградская область	95,9	79,5	86,4	94,1	100,7	79,5	-16,4
г. Санкт-Петербург	92,1	78,3	85,4	103,5	89,1	76,9	-15,2
Мурманская область	67,6	66,6	82,5	73,6	69,8	74,9	7,3
Республика Карелия	77,3	71,7	69,5	80,1	69,6	74,2	-3,1
Архангельская область	68,6	69,0	69,9	75,8	71,6	73,2	4,7
Вологодская область	69,4	69,6	73,8	84,3	86,6	72,6	3,3
Республика Коми	77,7	69,8	73,6	74,8	68,1	67,7	-10,0

Ранжирование регионов по убыванию значения показателя в 2022 году.
 Источник: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работающих в экономике с 2017 года // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57824> (дата обращения 12.04.2024).

Здесь необходимо отметить, что сравнительно высокий уровень оплаты труда в креативных индустриях характерен для субъектов, в которых общий уровень доходов населения превышает среднероссийский уровень – это Санкт-Петербург, Мурманская и Архангельская области. Обратная ситуация складывается в Псковской и Вологодской областях, то есть в регионах с низкими доходами населения. Кроме того, как уже было указано выше, уровень оплаты труда в креативных индустриях в большинстве субъектов ниже среднего, что обусловливается слабым уровнем конкуренции предприятий креативных индустрий и низким уровнем развития креативной инфраструктуры. Однако в связи с этим выделяется ряд положительных тенденций. Эксперты НАФИ отмечают, что жители федерального округа высказывают наиболее высокую, по сравнению с другими макрорегионами, заинтересованность в трудоустройстве в сфере креативных индустрий¹⁷.

Общий уровень развития креативных индустрий, а также величина оплаты труда, оказывают значительное влияние на трудо-

устройство в исследуемом секторе экономической системы (табл. 7).

Несмотря на достаточно низкий уровень оплаты труда, в исследуемом периоде во всех рассмотренных территориальных образованиях наблюдается незначительное увеличение доли среднесписочной численности занятых в креативных индустриях. При этом наибольший прирост зафиксирован в Санкт-Петербурге (7,4%) и Вологодской области (3,85%). Для остальных регионов характерно увеличение показателя на уровне 0,5–1,5%.

Регионом-лидером по показателю отношения занятых в креативных индустриях к общему числу занятых в регионе в 2022 году стал г. Санкт-Петербург, где значение показателя превышает 21%, кроме того, значения выше 9% наблюдаются в Вологодской и Калининградской областях. Среди регионов-аутсайдеров Республика Коми, Архангельская и Мурманская области, в которых значение показателя колеблется на уровне около 7,5%, а также Ленинградская область, где величина показателя не превышает 6%.

¹⁷ Интерес молодежи к работе в креативных индустриях: геймдев вне конкуренции // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/interes-molodezhi-k-rabote-v-kreativnykh-industriyakh-geymdev-vne-konkurentsii> (дата обращения 01.06.2024).

Таблица 7. Отношение среднесписочной численности занятых в креативных индустриях к среднесписочной численности работников организаций в регионах СЗФО, %

Территория	Год						2022 год к 2017 году, п. п.
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
СЗФО	9,8	10,2	11,2	11,7	12,0	14,2	4,5
г. Санкт-Петербург	14,1	14,8	16,6	17,3	17,6	21,5	7,4
Вологодская область	6,0	6,9	7,9	8,2	8,7	9,9	3,9
Калининградская область	7,6	7,3	7,9	8,2	7,9	9,2	1,5
Республика Карелия	6,8	7,7	7,7	7,9	8,2	8,7	1,9
Псковская область	7,6	7,2	7,5	7,9	8,2	8,6	1,0
Новгородская область	7,5	7,2	7,3	7,1	7,4	8,2	0,7
Республика Коми	6,9	7,2	7,3	7,1	7,2	7,5	0,6
Мурманская область	6,8	6,9	6,9	7,0	7,3	7,4	0,6
Архангельская область	6,3	6,5	6,7	6,8	6,9	7,3	1,0
Ленинградская область	5,3	5,4	5,6	5,7	5,4	5,9	0,6

Ранжирование регионов по убыванию значения показателя в 2022 году.
Источник: Среднесписочная численность работников по полному кругу организаций с 2017 года // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58699> (дата обращения 12.04.2024).

Повышение вовлеченности в креативные индустрии объясняется высокой заинтересованностью исследуемыми видами деятельности со стороны молодежи¹⁸, а также общим развитием креативных индустрий, обуславливающим необходимость привлечения новых кадров.

Таким образом, может быть выделен перечень факторов, оказывающих позитивное или отрицательное влияние на развитие креативных индустрий в регионе: территориальное расположение региона, его природно-климатические условия, наличие туристического и историко-культурного потенциала, а также заинтересованность органов власти.

В рамках третьего этапа исследования проведена группировка субъектов СЗФО (табл. 8).

К регионам-лидерам мы можем отнести Санкт-Петербург, Калининградскую и Вологодскую области. Однако даже эти территории подвержены действию отрицательных факторов. Так, для Санкт-Петербурга характерна средняя динамика прироста основных показателей, отражающих развитие рынка труда, а для Вологодской области – средняя величина вклада креативных индустрий в ВРП.

Среди регионов, характеризующихся средним уровнем развития креативных ин-

Таблица 8. Ранжирование регионов СЗФО по уровню развития креативных индустрий

Территория	Значение индикатора
Регионы-лидеры	
г. Санкт-Петербург	0,85
Вологодская область	0,75
Калининградская область	0,72
Регионы со средним уровнем развития	
Мурманская область	0,63
Псковская область	0,58
Архангельская область	0,54
Регионы-аутсайдеры	
Новгородская область	0,44
Республика Карелия	0,42
Ленинградская область	0,33
Республика Коми	0,26

Источник: составлено автором.

дустрий, однако имеющих потенциал для развития, выделяется Мурманская область. Регион отличается низким вкладом креативных индустрий в ВРП, но имеет высокие темпы прироста величины креативного продукта, развития показателей рынка труда и производительности труда. Более низким, но также существенным потенциалом обладает Архангельская область за счет прироста показателей, связанных с рынком труда. Помимо этого, к регионам со средним уров-

¹⁸ Интерес молодежи к работе в креативных индустриях: геймдев вне конкуренции // НАФИ. URL: <https://nafi.ru/analytics/interes-molodezhi-k-rabote-v-kreativnykh-industriyakh-geymdev-vne-konkurentsii> (дата обращения 01.06.2024).

нем развития креативных индустрий нами отнесена Псковская область, что обусловливается наиболее высокой долей креативных индустрий в ВРП среди всех рассмотренных субъектов, а также сравнительно высокими значениями показателей рынка труда.

Остальные субъекты отнесены в группу регионов-аутсайдеров. Так, например, Ленинградская область, с одной стороны, имеет достаточно высокую величину креативного продукта, которая во многом обусловлена высоким уровнем производительности труда, с другой, доля этого продукта в структуре ВРП наименьшая среди рассмотренных регионов. Кроме того, эти регионы демонстрируют средний или ниже среднего уровень темпов прироста основных показателей. Республики Карелия и Коми, а также Новгородская область характеризуются наличием наиболее низких значений большинства показателей как в 2022 году, так и по темпам прироста.

Далее необходимо сопоставить достигнутые в ходе нашего исследования результаты с положениями других работ. Для оценки вклада креативных индустрий в ВРП нами была использована методика, примененная ранее специалистами Агентства стратегических инициатив. Однако в рамках представленного исследования период был увеличен (в работе АСИ рассмотрен только 2020 год; табл. 9).

Таблица 9. Вклад креативных индустрий в социально-экономическое развитие регионов СЗФО

Регион	Вклад креативных индустрий в ВРП региона, %
г. Санкт-Петербург	12,6
Калининградская область	4,2
Вологодская область	3,3
Республика Карелия	2,2
Ленинградская область	1,9
Республика Коми	1,8
Мурманская область	1,8
Новгородская область	1,6
Псковская область	1,5
Архангельская область	1,3

Источник: Атлас креативных индустрий Российской Федерации // Агентство стратегических инициатив. 100 городов. URL: <https://100gorodov.ru/creativeindustries> (дата обращения 19.05.2024).

Согласно результатам АСИ, в 2020 году наибольшую долю креативные индустрии в структуре ВРП занимали в Санкт-Петербурге, Калининградской и Вологодской областях, наименьшую – в Новгородской, Псковской и Архангельской областях.

В целом мы получили достаточно сопоставимые между собой результаты, в первую очередь в части выделения регионов-лидеров. Кроме того, в рамках нашего исследования доля креативных индустрий в экономической системе региона оценивается значительно выше (от 4 до 6% для каждого субъекта). Эти различия в первую очередь обуславливаются использованием иного подхода к выделению креативных индустрий, который в значительной степени расширяет перечень видов креативной экономической деятельности.

Кроме того, был рассмотрен «Рейтинг креативных регионов России», разработанный специалистами ВШЭ. В ходе работы авторами осуществлено ранжирование субъектов РФ на четыре группы:

- в группу «лидеры» (высокий потенциал для развития креативных индустрий, но показатели их развития ниже среднероссийского уровня) попали Санкт-Петербург, Калининградская, Архангельская, Новгородская и Вологодская области;

- в группе «эволюционные» (высокий потенциал для развития креативных индустрий, но показатели их развития ниже среднероссийского уровня) только один субъект СЗФО – Республика Карелия;

- в группе «эффективные» (умеренный потенциал развития креативных индустрий, но показатели их развития выше среднероссийского уровня) нет регионов СЗФО;

- в группе «догоняющих» регионов Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Псковская, Мурманская и Ленинградская области¹⁹.

Результаты рассматриваемого исследования частично подтверждают полученные

¹⁹ Рейтинг креативных регионов России // Высшая школа экономики. URL: https://www.hse.ru/data/2023/11/14/2106798958/Human_Capital_NCMU_Digest_Special_Issue_3_Creative_Regions_11-2023.pdf (дата обращения 10.04.2024).

Таблица 10. Меры поддержки креативных индустрий, выделенные на основе результатов апробации методического подхода

Тип региона	Меры поддержки
Регионы-лидеры (Санкт-Петербург, Калининградская и Вологодская области)	Наиболее важными являются поддерживающие меры, среди которых нами выделяется создание центров поддержки, направленных на осуществление консультативной работы с представителями исследуемого сектора, предоставление финансовых льгот и грантов, нацеленных на развитие наиболее успешных практик
Регионы со средним уровнем развития креативных индустрий (Мурманская, Архангельская и Псковская области)	Необходимо проведение мероприятий, направленных на реализацию имеющегося потенциала развития креативных индустрий. Актуальной мерой является поддержка креативного предпринимательства, которая включает меры, направленные на содействие продвижению товаров на рынки, в т. ч. путем увеличения спроса со стороны «традиционных» секторов экономики. Кроме того, «толчком» для развития сектора креативных индустрий послужит создание региональных креативных кластеров – объединение представителей творческих видов деятельности
Регионы с низким уровнем развития креативных индустрий (Ленинградская и Новгородская области, республики Карелия и Коми)	Указанные выше меры, связанные с поддержкой и стимулированием потенциала креативных индустрий являются актуальными и для регионов-аутсайдеров. Кроме того, существует необходимость использования дополнительных инструментов: – изучение наиболее успешных отечественных и зарубежных практик развития креативных индустрий; – стимулирование рынка труда за счет подготовки кадров в системе высшего, среднего и дополнительного образования по дефицитным направлениям, связанным с креативными индустриями; – поддержка и развитие народной культуры и традиционных художественных промыслов для увеличения туристического и историко-культурного потенциала региона и др.
Источник: составлено автором.	

нами выводы, в первую очередь в отношении регионов – лидеров развития креативных индустрий. При этом есть исключения, среди которых, в частности, Мурманская и Псковская области, что также может быть объяснено различием методик оценки.

Поскольку деятельность органов власти является одним из ключевых факторов, оказывающих влияние на креативные индустрии регионов, нами сформулирован ряд предложений, направленных на развитие исследуемого сектора экономических отношений.

В первую очередь речь идет о разработке и принятии стратегии развития креативных индустрий на уровне федерального округа. Особое место в стратегии должно быть отведено межрегиональному сотрудничеству. Схожий документ реализуется в Сибирском федеральном округе²⁰. Кроме того, важно разрабатывать и принимать стратегические документы развития креативных индустрий на уровне отдельных субъектов. Среди всех исследуемых регионов схожие документы реализуются только в Санкт-Петербурге и Мурманской области.

Имеющиеся различия в развитии креативных индустрий обуславливают необходимость дифференцированных предложений в части мер поддержки со стороны органов власти для разных групп регионов (табл. 10).

Заключение

Таким образом, использование методического подхода, нацеленного на комплексное изучение развития креативных индустрий в региональных территориальных системах, позволило получить следующие результаты.

1. На основе предложенного методического подхода оценен вклад креативных индустрий в социально-экономическое развитие регионов Северо-Западного федерального округа России. В период с 2017 по 2022 год на уровне СЗФО увеличивалось значение следующих показателей: величина креативного продукта, его вклад в ВРП, производительность труда, отношение среднесписочной численности занятых в креативных индустриях к среднесписочной численности работников организаций, отношение номинально начисленной среднемесячной зара-

²⁰ Стратегия развития креативных индустрий СФО // ЦСР. http://digital.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/18238_strategy_razvitiy_kreativnih_industriy_sfo.pdf (дата обращения 22.04.2024).

ботной платы работников креативных индустрий к среднемесячной заработной плате работников организаций.

2. Установлено, что позитивное или отрицательное влияние на развитие креативных индустрий в регионе оказывает значительное количество факторов, определяющая роль среди которых принадлежит заинтересованности со стороны органов власти. Отдельно следует отметить, что для регионов – лидеров по уровню развития креативных индустрий характерна диверсифицированная структура региональной экономической системы, при которой не выделяется доминирующих видов экономической деятельности, занимающих значительную долю в структуре ВРП.

3. Выделены группы регионов по уровню развития креативных индустрий, для каждой группы субъектов предложены меры поддержки со стороны органов власти. К регионам-лидерам отнесены Санкт-Петербург, Калининградская и Вологодская области, для которых наиболее актуальны поддерживающие меры развития со стороны органов власти. Среди регионов со средним уровнем развития выделяются Мурманская, Псковская и Архангельская области. Для указанных регионов наибольшее значение имеют меры поддержки креативного предпринимательства. В то время как для регионов-аутсайдеров, к которым относятся остальные субъекты СЗФО, предложены меры, связанные с изучением наиболее успешных практик развития креативных индустрий, развитием рынка тру-

да и народных художественных промыслов. Кроме того, общая мера поддержки для всех рассмотренных субъектов – принятие и реализация стратегических документов развития креативных индустрий.

Научная новизна работы состоит в развитии методического подхода к оценке вклада креативных индустрий в экономику региона на основе определения величины креативного продукта и выявления факторов, оказывающих влияние на это значение. Кроме того, в ходе исследования осуществлена группировка исследуемых субъектов по уровню развития креативных индустрий.

Представленные результаты имеют значимость для научных сотрудников и аспирантов, исследующих рассмотренные в ходе работы вопросы, а также для представителей органов региональной власти в целях определения проблем и перспектив развития креативных индустрий в регионе, кроме того, они послужат основой для будущих исследований.

В качестве перспектив исследования нами выделяются позиции, связанные с углубленным изучением структуры креативного продукта с целью выделения видов деятельности, которые вносят наиболее существенный вклад в развитие креативных индустрий. Кроме того, значимым направлением будущих исследований является разработка более детальных положений, а также методов и инструментов в рамках политики органов местной и региональной власти, направленных на развитие креативных индустрий.

ЛИТЕРАТУРА

- Василенко Л.А., Богданова Л.В., Каримова И.Ю. (2024). Креативная экономика и креативные кластеры в развитии территории: анализ российских практик // Проблемы развития территории. Т. 28. № 1. С. 61–77. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.5
- Вейнмейстер А.В., Иванова Ю.В. (2017). «Культурные индустрии» и «креативные индустрии»: границы понятий // Международный журнал исследований культуры. № 1 (26). С. 38–48.
- Власова В.В., Гершман М.А., Гохберг Л.М. [и др.] (2021). Креативная экономика Москвы в цифрах. Москва: НИУ ВШЭ. 108 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2358-2
- Глушкова Ю.О., Васина А.В. (2021). Влияние COVID-19 на креативные индустрии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. Т. 21. № 1. С. 48–54. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-1-48-54

- Жупарова А.С., Нусюпаев А.А. (2020). Сравнительный анализ развития креативных индустрий в Китае и Великобритании // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. № 3 (35). С. 46–53. DOI: 10.21685/2227-8486-2020-3-4
- Замятина Н.Ю., Гончаров Р.В. (2020). Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. № 4. С. 69–82.
- Зверева А.А., Тихоцкая И.С. (2023). Креативные индустрии в крупнейших городах Японии // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. Т. 78. № 4. С. 75–86. DOI: 10.55959/10.55959/msu0579-9414.5.78.4.7
- Земцов С.П. (2022). Креативные индустрии в арктических регионах России // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. № 4 (12). С. 4–15. DOI: 10.51823/74670_2022_3_4
- Климова И.В., Семеркова Л.Н. (2022). Влияние креативных индустрий на инновационное развитие территории // Организатор производства. Т. 30. № 4. С. 83–96. DOI: 10.36622/VSTU.2022.30.4.008
- Крюков И.А. (2023). Развитие креативных индустрий в регионах Северо-Западного федерального округа // Креативная экономика. Т. 17. № 12. С. 4709–4728. DOI: 10.18334/ce.17.12.119800
- Морданов М.А. (2021). Креативные индустрии как драйвер экономического роста // Креативная экономика. Т. 15. № 10. С. 3725–3740. DOI: 10.18334/ce.15.10.113714
- Морозов С.А. (2016). Культурные индустрии vs креативные индустрии // Культурная жизнь Юга России. № 4 (63). С. 145–148.
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В., Смирнова Т.Г. (2013). Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН. 170 с.
- Устинова К.А. (2023). Вклад интеллектуального и творческого потенциала в распространенность креативных практик населения // Вопросы территориального развития. Т. 11. № 1. С. 1–15. DOI: 10.15838/tdi.2023.1.63.1
- Arauzo-Carod J., Coll Martínez E., Turcu C. (2023). Location attributes explaining the entry of firms in creative industries: evidence from France. *The Annals of Regional Science*, 72, 1–32. DOI: 10.1007/s00168-022-01196-w
- Aziz F., Roziqin A., Jafar L. [et al.] (2023). Research trends of creative industries in Indonesia: A bibliometric analysis. *Journal of the Knowledge Economy*, 1–18. DOI: 10.1007/s13132-023-01299-5
- Coll-Martínez E., Arauzo-Carod J.M. (2017). Creative milieu and firm location: An empirical appraisal. *Environment and Planning A*, 49 (7), 1613–1641. DOI: 10.1177/0308518X17702646
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class, and How it's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books. DOI: 10.2307/3552294
- Florida R. (2005). *Cities and the Creative Class*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203997673
- Higgs P., Cunningham S., Bakhshi H. (2008). *Beyond the Creative Industries: Mapping the Creative Economy in the United Kingdom*. Brisbane: Queensland University of Technology.
- Loots E., Betzler D., Bille T., Borowiecki K., Lee B. (2022). New forms of finance and funding in the cultural and creative industries. Introduction to the special issue. *Journal of Cultural Economics*, 46, 1–26. DOI: 10.1007/s10824-022-09450-x
- Lyons M. (2023). The economic impact of COVID-19 on the creative industries: A sub-regional input–output approach. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 16 (1), 1–12. DOI: 10.1007/s12076-023-00329-9
- Mcintyre P., Kerrigan S., Fulton J., King E., Williams C. (2023). Creative industries: Global and local perspectives. *Creativity and Creative Industries in Regional Australia*, 12, 59–93. DOI: 10.1007/978-3-031-45972-6_3
- Myerscough J. (1988). *The Economic Importance of the Arts in Glasgow*. London: Policy Studies Institute.
- Namyślak B., Spallek W. (2021). Spatial concentration of creative industries and location of creative clusters in Poland. *GeoJournal*, 87, 1–13. DOI: 10.1007/s10708-021-10533-z
- Piergiovanni R., Carree M., Santarelli E. (2012). Creative industries, new business formation, and regional economic growth. *Small Business Economics*, 39 (3), 539–560.

Sanchez-Serra D. (2014). Talent and creative economy in French local labour systems. *Environment and Planning C Government and Policy*, 32 (3), 405–425. DOI: 10.1068/c11152r

Silva S., Marques C., Galvão A. (2023). Where is the rural creative class? A systematic literature review about creative industries in low-density areas. *Journal of the Knowledge Economy*, 5, 1–31. DOI: 10.1007/s13132-023-01341-6

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Иван Алексеевич Крюков – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ivan.kryukov.1974@mail.ru)

Kryukov I.A.

ASSESSING THE CONTRIBUTION OF CREATIVE INDUSTRIES TO THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT REGIONS

Creative industries are considered to be one of the most dynamically developing sectors of the world economy. However, their impact on the socio-economic development of Russian regions remains insufficiently studied. Our research is aimed at determining the contribution of creative industries in the economic development of the subjects of the Northwestern Federal District of Russia. The study uses the method of estimating the value of creative product made in regional economic systems, based on the existing approaches, on the basis of which the share of creative industries in the GRP structure of the subjects under study was determined. In addition, we have identified a list of factors that influence the development of regional creative industries. Among them are the territorial location of the region, its natural and climatic conditions, the presence of tourist and historical and cultural potential, as well as the interest of the authorities. The research subjects were grouped according to the level of creative industries development based on the results obtained. The leading regions are Saint Petersburg, the Kaliningrad and Vologda regions, the regions with an average level of creative industries development are the Murmansk, Pskov and Arkhangelsk regions, the list of regions-outsiders includes the Leningrad and Novgorod regions, as well as the Republics of Karelia and Komi. We have developed proposals for the authorities aimed at the development of creative industries in relation to each of the identified groups. The findings can be useful for researchers and graduate students analyzing the issues discussed in the text, authorities at various levels, as well as serve as a basis for future research. The elements of the scientific novelty have the development of a methodological approach to assessing the contribution of creative industries to the region's economy on the basis of determining the value of the creative product and identifying factors that influence this value. Among the prospects of the research are the issues of determining the creative product structure in different regions of the Northwestern Federal District and the development of more detailed proposals aimed at the development of creative industries within the framework of the authorities' policy.

Creative industries, socio-economic development, Northwestern Federal District, region.

REFERENCES

- Arauzo-Carod J., Coll Martínez E., Turcu C. (2023). Location attributes explaining the entry of firms in creative industries: Evidence from France. *The Annals of Regional Science*, 72, 1–32. DOI: 10.1007/s00168-022-01196-w
- Aziz F., Roziqin A., Jafar L. et al. (2023). Research trends of creative industries in Indonesia: A bibliometric analysis. *Journal of the Knowledge Economy*, 1–18. DOI: 10.1007/s13132-023-01299-5
- Coll-Martínez E., Arauzo-Carod J.M. (2017). Creative milieu and firm location: An empirical appraisal. *Environment and Planning A*, 49(7), 1613–1641. DOI: 10.1177/0308518X17702646
- Florida R. (2002). *The Rise of the Creative Class, and How it's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life*. New York: Basic Books. DOI: 10.2307/3552294
- Florida R. (2005). *Cities and the Creative Class*. London: Routledge. DOI: 10.4324/9780203997673
- Glushkova Yu.O., Vasina A.V. (2021). Influence of COVID-19 on creative industries. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo=Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Economics. Management. Law*, 21(1), 48–54. DOI: 10.18500/1994-2540-2021-21-1-48-54 (in Russian).
- Higgs P., Cunningham S., Bakhshi H. (2008). *Beyond the Creative Industries: Mapping the Creative Economy in the United Kingdom*. Brisbane: Queensland University of Technology.
- Klimova I.V., Semerkova L.N. (2022). Impact of creative industries on territory innovation development. *Organizator proizvodstva=Production Organizer*, 30(4), 83–96. DOI: 10.36622/VSTU.2022.30.4.008 (in Russian).
- Kryukov I.A. (2023). Development of creative industries in the regions of the North-Western Federal District. *Kreativnaya ekonomika*, 17(12), 4709–4728. DOI: 10.18334/ce.17.12.119800 (in Russian).
- Loots E., Betzler D., Bille T., Borowiecki K., Lee B. (2022). New forms of finance and funding in the cultural and creative industries. Introduction to the special issue. *Journal of Cultural Economics*, 46, 1–26. DOI: 10.1007/s10824-022-09450-x
- Lyons M. (2023). The economic impact of COVID-19 on the creative industries: A sub-regional input–output approach. *Letters in Spatial and Resource Sciences*, 16(1), 1–12. DOI: 10.1007/s12076-023-00329-9
- Mcintyre P., Kerrigan S., Fulton J., King E., Williams C. (2023). Creative industries: Global and local perspectives. *Creativity and Creative Industries in Regional Australia*, 12, 59–93. DOI: 10.1007/978-3-031-45972-6_3
- Mordanov M.A. (2021). Creative industries as a driver of economic growth. *Kreativnaya ekonomika*, 15(10), 3725–3740. DOI: 10.18334/ce.15.10.113714 (in Russian).
- Morozov S.A. (2016). Cultural industry vs creative industry. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 4(63), 145–148 (in Russian).
- Myerscough J. (1988). *The Economic Importance of the Arts in Glasgow*. London: Policy Studies Institute.
- Namyślak B., Spallek W. (2021). Spatial concentration of creative industries and location of creative clusters in Poland. *GeoJournal*, 87, 1–13. DOI: 10.1007/s10708-021-10533-z
- Piergiovanni R., Carree M., Santarelli E. (2012). Creative industries, new business formation, and regional economic growth. *Small Business Economics*, 39(3), 539–560.
- Vasilenko L.A., Bogdanova L.V., Karimova I.Yu. (2024). Creative economy and creative clusters in territorial development: Analysis of Russian practices. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 28(1), 61–77. DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.5 (in Russian).
- Sanchez-Serra D. (2014). Talent and creative economy in French local labour systems. *Environment and Planning C Government and Policy*, 32(3), 405–425. DOI: 10.1068/c11152r
- Silva S., Marques C., Galvão A. (2023). Where is the rural creative class? A systematic literature review about creative industries in low-density areas. *Journal of the Knowledge Economy*, 5, 1–31. DOI: 10.1007/s13132-023-01341-6

- Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. (2013). *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii* [Problems of Economic Growth of the Territory]. Vologda: ISERT RAN.
- Ustinova K.A. (2023). Contribution of intellectual and creative potential to the prevalence of creative practices of the population. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 11(1), 1–15. DOI: 10.15838/tdi.2023.1.63.1 (in Russian).
- Veinmeister A.V., Ivanova Iu.V. (2017). “Cultural industries” and “Creative industries”: The concepts’ boundary. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury=International Journal of Cultural Research*, 1(26), 38–48 (in Russian).
- Vlasova V.V., Gershman M.A., Gokhberg L.M. et al. (2021). *Kreativnaya ekonomika Moskvy v tsifrakh* [Moscow’s Creative Economy in Figures]. Moscow: NIU VShE. DOI: 10.17323/978-5-7598-2358-2
- Zamyatina N.Yu., Goncharov R.V. (2020). Arctic urbanization: A phenomenon and a comparative analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya=Lomonosov Geography Journal*, 4, 69–82 (in Russian).
- Zemtsov S.P. (2022). Creative industries in the Arctic regions of Russia. *Arktika 2035: aktual'nye voprosy, problemy, resheniya=Arctic 2035: Current Issues, Problems, Solutions*, 4(12), 4–15. DOI: 10.51823/74670_2022_3_4 (in Russian).
- Zhuparova A.S., Nusyupaev A.A. (2020). Comparative analysis of creative industries development in China and United Kingdom. *Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve*, 3(35), 46–53. DOI: 10.21685/2227-8486-2020-3-4 (in Russian).
- Zvereva A.A., Tikhotskaya I.S. (2023). Креативные индустрии в крупнейших городах Японии *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya=Lomonosov Geography Journal*, 78(4), 75–86. DOI: 10.55959/10.55959/msu0579-9414.5.78.4.7 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivan A. Kryukov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ivan.kryukov.1974@mail.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.7

УДК 332.122 | ББК 65.04

© Манаева И.В., Мельников В.В.

БЕДНОСТЬ, ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ: ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ

ИННА ВЛАДИМИРОВНА МАНАЕВА

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация

e-mail: in.manaeva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4517-7032; ResearcherID: E-5025-2017

ВАДИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ МЕЛЬНИКОВ

Научно-исследовательский институт социальных систем при МГУ имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация

e-mail: melnikov@niiss.ru

ORCID: 0009-0009-2562-944X; ResearcherID: KRP-8186-2024

На сегодняшний день актуальной проблемной областью исследования региональной экономики являются вопросы социально-экономического неравенства, экономического роста, демографии и бедности. Увеличение численности бедного населения обостряет социальные противоречия, риски политической нестабильности в обществе. Цель исследования – количественная оценка взаимосвязи параметров бедности с демографией и экономическим ростом в регионах РФ. В работе используется два методических подхода: 1) концепция кривой Кузнеца, согласно которой зависимость неравенства и экономического роста носит нелинейный характер в виде параболы с ветвями, направленными вниз; 2) построение системы моделей оценки влияния ряда факторов на уровень бедности в регионах РФ. В регионах РФ наблюдается обратная зависимость миграционного прироста от уровня бедности, так как молодое трудоспособное население стремится в благоприятные для жизни города и регионы. Зависимости естественного прироста населения от уровня бедности не обнаружено. Подтверждение классической гипотезы Кузнеца не наблюдается. Получена U-образная кривая, которая свидетельствует о сокра-

Для цитирования: Манаева И.В., Мельников В.В. (2024). Бедность, демографическое развитие и экономический рост в российских регионах: оценка взаимосвязи // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 102–119. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.7

For citation: Manaeva I.V., Mel'nikov V.V. (2024). Poverty, demographic development and economic growth in Russian regions: Assessing interrelationships. *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 102–119. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.7

щени бедности до определенного уровня, после прохождения точки экстремум экономический рост сопровождается увеличением бедности. Значимое влияние на уровень бедности в регионе оказывают экономические факторы и фактор инноваций. Рост ВРП на душу населения на 1% будет способствовать снижению бедности на 0,25%, увеличение уровня инновационной активности организаций на 1% – снижению бедности на 0,2%, увеличение объема экспорта на душу населения на 1% – снижению бедности на 1,35%, увеличение объема импорта на душу населения на 1% – снижению бедности на 0,7%. Увеличение доли лиц нетрудоспособного возраста на 1% способствует росту бедного населения на 0,32%. Практическая ценность работы заключается в лучшем понимании принципов и тенденций бедности в российских регионах, что может быть использовано при разработке соответствующих социально-экономических программ, ориентированных на повышение качества жизни населения.

Регион, бедность, экономический рост, кривая Кузнецца, демография, миграционный прирост, естественный прирост.

Введение

На современном этапе глобализационного развития актуальной проблематикой исследования выступают вопросы социально-экономического неравенства, экономическое роста, демографии и бедности. Увеличение численности бедного населения обостряет социальные противоречия, риски политической нестабильности в обществе. В стратегической перспективе важным является нахождение баланса между экономическими стимулами развития и социальными аспектами устойчивости. Решение данной задачи осложнено высокой дифференциацией российских территорий: а) регионы РФ расположены в различных природно-географических условиях, определяющих их приоритеты и угрозы развития; б) субъекты РФ находятся на разных фазах демографического перехода: в Северо-Кавказском федеральном округе (самый бедный субъект, низкий уровень урбанизации) наблюдается высокий естественный прирост (6–7%); самая высокая естественная убыль в Центральном федеральном округе; в) максимальный уровень медианного среднедушевого дохода (Чукотский автономный округ – 82049,7 руб.) в 2022 году превышал минимальный (Республика Ингушетия – 17329 руб.) в 4,7 раза; г) максимальный уровень ВРП на душу населения в 2021 году (НАО – 9149,6 тыс. руб.) превышал минимальный (Республика Ингушетия – 148,6 тыс. руб.) в 61,5 раза; д) на долю малых городов в РФ приходится 37,3%, средних – 46%, больших – 8,3%, крупных – 7%, городов-миллионников – 1,4%.

В исследовании будет проведена количественная оценка взаимосвязи параметров бедности с демографией и экономическим ростом в регионах РФ. Работа построена следующим образом. В первом разделе рассмотрим теоретические основы заявленной проблематики в трудах отечественных и зарубежных ученых; во втором – методологию исследования и спецификацию моделей; в третьем – общее представление о развитии регионов РФ и анализ полученных результатов. В заключении представлены основные выводы и рекомендации.

Теоретической и методологической основой исследования послужили научные публикации отечественных и зарубежных ученых в области теории, методологии, оценки и анализа бедности, демографии и экономического роста, а также сфере региональной экономики.

Литературный обзор

Теоретико-методологический базис бедности и экономического роста в последнее десятилетие значительно изменился. С 1950-х до начала 1970-х гг. основное внимание уделялось вкладу взаимосвязанной U-кривой Кузнецца (Kuznets, 1955); фазе подъема Ростоу (Rostow, 1960); концепции «порочного круга бедности» (Prebisch, Singer, 1950; Nurkse, 1960) и некоторым другим теориям, отрицающим распределение богатства.

В 70-е гг. XX века было замечено, что, несмотря на высокие темпы экономического

роста, безработица и бедность также увеличивались. Господствовавшая тогда неоклассическая доктрина не нашла решений, которые могли бы дать правильное объяснение негативным явлениям. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. стало очевидным, что нельзя рассматривать экономический рост отдельно от бедности. Новые теоретические разработки 1980–1990-х гг. связывают эти два явления и подчеркивают единый подход к экономическому росту и бедности (Kakwani, 1993; Person, 1994; Ferreira, 2010). Выводы относительно связи бедности и экономического роста различаются в зависимости от периода, страны и авторов. Низкие темпы сокращения бедности в Бразилии в 1980–2000 гг. были вызваны не только слабым экономическим ростом, но и низкой эластичностью снижения уровня бедности по темпам роста, что соответствует высокому уровню неравенства в стране (Ferreira, 2010). Анализ стран Африки продемонстрировал, что высокое неравенство и низкие темпы экономического роста стали основным препятствием на пути к сокращению бедности (Thorbecke, 2013). Устойчивый экономический рост является главным фактором снижения уровня бедности и обеспечения инклюзивности в Индии (Anand et al., 2014). Экономический рост позволяет уменьшить уровень бедности, но этого недостаточно. Степень, в которой он сокращает бедность, зависит от способа измерения бедности, от способности бедных к освоению средств, темпов и структуры роста (Škare, Družeta, 2016). С использованием векторной модели коррекции ошибок на примере Мексики по данным 1960–2016 гг. доказано, что увеличение экономического роста на 1% привело к снижению бедности на 2,4% (Garza-Rodriguez, 2018). Ю. Чжу с соавторами с применением эконометрических методов провели оценку влияния неравенства и бедности на экономический рост во Вьетнаме с 1990 по 2016 год. Ученые получили подтверждение наличия долгосрочной связи между влиянием неравенства и бедности на экономический рост в отношении численности бедного населения (Zhu et al., 2022). А.В. Готовский провел оценку вклада им-

портозамещения в экономический рост в России путем расчета полной доли импорта в элементах конечного использования ВВП на основе модельного инструментария межотраслевого баланса. Ученым предложена макроэкономическая декомпозиция прироста ВВП по направлениям его конечного использования с выделением вклада импортозамещения. По результатам расчетов за 1996–2019 гг. сделан вывод о значимости данного фактора для динамики экономического роста России, особенно в периоды высокой волатильности экономической конъюнктуры (Готовский, 2021).

Проблемы экономического роста и бедности активно поднимаются в работах российских ученых. А.Ю. Шевяков, рассматривая неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста, заключает, что основная проблема неравенства и бедности населения лежит не в плоскости недостатка ресурсов, а в механизмах их распределения и перераспределения (Шевяков, 2011). А.И. Татаркин и С.Н. Котлярова одним из факторов экономического роста называют региональные институты развития. Учеными представлен методический подход к оценке уровня развития региональных институтов, учитывающий системность и активность деятельности территорий в создании и развитии региональных институтов. Результаты оценки уровня развития региональных институтов позволили выявить регионы, максимально активно использующие различные институты и инструменты развития на своих территориях (Татаркин, Котлярова, 2013).

В монографии И.М. Тенякова представлена оценка источников, факторов и качества экономического роста в РФ. Ученый проводит различие между качественным экономическим ростом и качеством роста. Последнее является одной из характеристик роста экономики, проявляется в различных сферах жизни общества и может быть описано при помощи многомерной системы индикаторов. Существует ряд подходов к его определению и оценке: структурный, ресурсный, экологический, социальный, пси-

хологический (Теняков, 2015). По мнению И.М. Тенякова, социальные аспекты качества роста в России выглядят противоречивыми. Наряду с сокращением уровня бедности и повышением реальных располагаемых доходов населения в период роста 1999–2008 гг. происходило углубление социального неравенства и ухудшение ряда неодоходных показателей благосостояния, прежде всего характеризующих жилищные условия населения и коммунальное хозяйство. Наметившиеся позитивные демографические тенденции являются неустойчивыми в силу действия долгосрочных законов естественного движения населения (Теняков, 2015).

С.Н. Растворцева применяет инструментарий производственных функций для выделения двух групп регионов: 1) территории, для которых вклад в повышение производительности труда через обеспечение основными фондами способствует экономическому росту; 2) территории, где необходимо обратить внимание на другие факторы экономического развития (Чукотский автономный округ, Хабаровский и Камчатский края, Брянская, Кировская, Ульяновская, Мурманская, Смоленская и Амурская области) (Растворцева, 2018).

Н.Н. Михеева и В.Г. Басарева заключают, что уровень бедности наиболее высок в Северо-Кавказском, Сибирском, и Дальневосточном округах, по численности бедного населения лидируют Приволжский и Центральный федеральный округа, в которых проживает более 40% бедного населения. Наиболее высок уровень бедности в регионах с минимальными доходами, однако вклад данной группы в общероссийские показатели незначителен (Михеева, Басарева, 2021). Н.А. Рослякова и В.В. Окрепилов проводят оценку зависимости бедности и экономического роста в российских агломерациях. Выявлена зависимость, когда после прохождения точки экстремума рост экономик сопровождается ростом уровня бедности. Переходный уровень бедности составил 6,6% для г. Санкт-Петербурга, 12,9% для Новосибирска и 13,8% для Владивостока (Рослякова, Окрепилов, 2023).

Дифференциация населения по уровню богатства в российских регионах превосходит дифференциацию по уровню его бедности. Соотношение средних величин покупательной способности доходов наиболее обеспеченного населения в крайних кластерах составляет 385%; вариация центров всех шести кластеров, оцененная с использованием соответствующего коэффициента, – 43,5%. Значения указанных показателей в отношении наименее обеспеченного населения оцениваются в 2 раза ниже (Белоусова, 2020).

Данные и методы

Для изучения влияния экономического роста на бедность в российских регионах в работе используются два метода.

Первый метод – концепция кривой Кузнецца, согласно которой зависимость неравенства и экономического роста носит нелинейный характер в виде параболы с ветвями, направленными вниз (в иностранной литературе обозначается как перевернутая *U*-образная кривая) (Kuznets, 1955). Классическая кривая Кузнецца имеет следующий вид:

$$P_{it} = a + b_1 GRP_{it} + b_2 GRP_{it}^2 + \varepsilon, \quad (1)$$

где:

P_{it} – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в регионе i в период времени t ;

GRP_{it} – параметр, отражающий рост экономики региона i (ВВП на душу населения) в период времени t ;

a , b_1 , b_2 – искомые коэффициенты уравнения, определяющие конкретные параметры роста;

ε – ошибка уравнения.

Ожидается, что квадратичный член уравнения будет иметь отрицательный коэффициент, отражая обратную зависимость с уровнем неравенства, образуя кривую в форме перевернутой буквы *U* (параболу с ветвями, направленными вниз). Оценка будет производиться с помощью метода наименьших квадратов. Качество полученной регрессии и ее объясняющая способность оцениваются по

критерию Фишера (*F-stat*) и нормированному коэффициенту детерминации (R^2).

Формирование выборки для апробации данного метода исследования (оценка кривой Кузнецца) проведено путем анализа двух показателей: темп роста ВРП на душу населения, темп снижения численности населения с доходами ниже границы бедности. Результаты расчетов по причине большого объема не вошли в текст статьи. В качестве модельных объектов исследования было сформировано две группы регионов. В первую группу вошли регионы-лидеры:

- максимальный темп роста ВРП на душу населения (г. Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ, Сахалинская, Магаданская, Московская области);

- максимальный темп снижения численности населения с доходами ниже границы бедности (Чукотский автономный округ, Ленинградская, Московская области, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан) в 2021 году по отношению к 2020 году (табл. 1).

Вторую группу составляют регионы-аутсайдеры:

- минимальный темп роста ВРП на душу населения (Республика Башкортостан, Кабардино-Балкарская Республика, Красноярский, Пермский края, Самарская область);

- минимальный темп снижения численности населения с доходами ниже границы бедности (Ханты-Мансийский автономный округ, Красноярский край, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Саха (Якутия)) в 2021 году по отношению к 2020 году (табл. 2).

Период исследования – 2000–2021 гг. Информационная база – данные Федеральной службы государственной статистики.

Второй метод – построение системы моделей оценки влияния ряда факторов на уровень бедности в регионах РФ.

В качестве основных факторов влияния на уровень бедности в регионах РФ определено следующее: 1) ВРП на душу населения; 2) рост ВРП на душу населения; 3) уровень инновационной активности организаций региона; 4) объем экспорта на душу населения; 5) объем импорта на душу населения; 6) коэффициент демографической нагрузки.

Результирующий показатель, отражающий уровень бедности, определен как доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в регионе. Данный параметр позволяет акцентировать внимание на том аспекте неравенства, который имеет наиболее острые социальные проявления и последствия (ловушка бедности), рассматривая категорию населения, которая имеет меньше возможностей для изменения и регулирования уровня своего дохода (Acemoglu, 2002; Bukowski, Novokmet, 2021). Ввиду того, что показатели выражаются в финансовых или натуральных эквивалентах, мы возьмем их по натуральному логарифму.

$$\ln(P_{it}) = const + \beta_1 \ln(GRP_{it}) + \beta_2 \ln(Growth\ GRP_{it}) + \beta_3 \ln(Innov_{it}) + \beta_4 \ln(Exp_{it}) + \beta_5 \ln(Imp_{it}) + \beta_6 \ln(DepR_{it}) + \varepsilon, (2)$$

где:

P_{ij} – доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в регионе i в период времени t ;

$const$ – константа;

β – параметры переменных, которые необходимо оценить;

GRP_{it} – валовой региональный продукт на душу населения в регионе i в период времени t ;

$Growth\ GDP_{it}$ – годовой темп роста валового регионального продукта на душу населения в регионе i в период времени t ;

$Innov_{it}$ – уровень инновационной активности организаций в регионе i в период времени t ;

Exp_{it} – объем экспорта на душу населения в регионе i в период времени t ;

Imp_{it} – объем импорта на душу населения в регионе i в период времени t ;

$DepR_{it}$ – коэффициент демографической нагрузки (на 1000 лиц трудоспособного возраста число лиц нетрудоспособного возраста) в регионе i в период времени t ;

ε – ошибка модели.

Валовой региональный продукт на душу населения наиболее объективно отражает уровень развития экономической сферы региона. Можно предположить, что высокий уровень душевого ВРП создает больше пред-

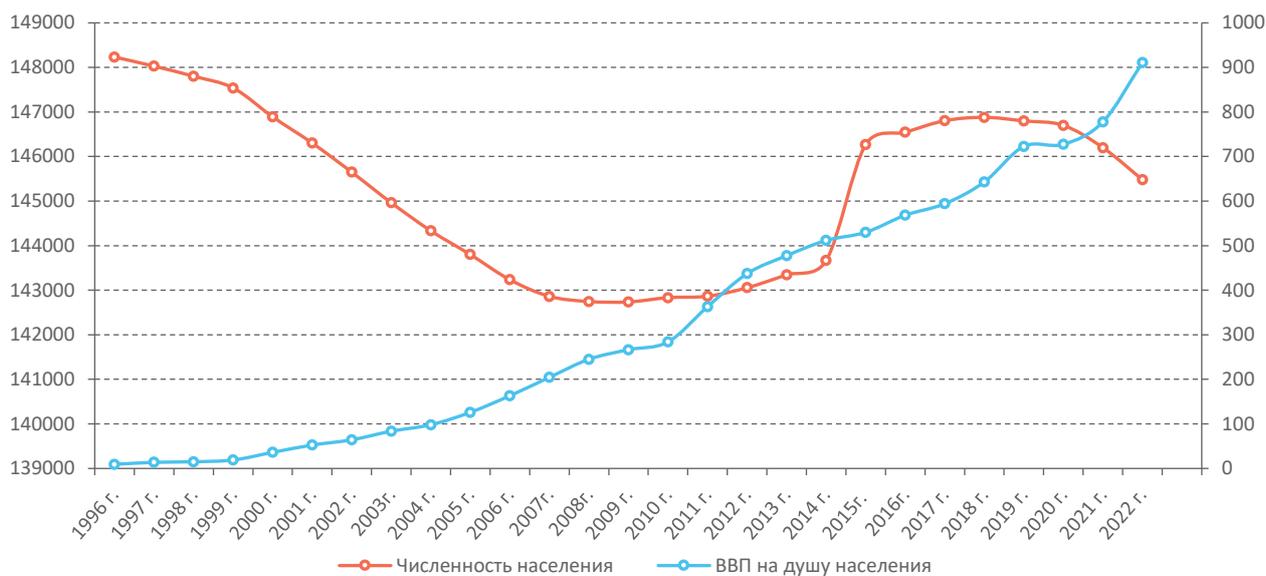

Рис. 1. Динамика ВВП и численности населения в России в 1996–2022 гг., тыс. чел., тыс. руб.

Рассчитано по: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС).

URL: <https://fedstat.ru> (дата обращения 24.02.2024).

принимательских возможностей, что способствует росту благосостояния населения и снижению уровня бедности в целом.

Второе слагаемое в формуле представляет индикатор повышения (снижения) уровня развития экономической сферы региона. Третий член управления отражает инновационное развитие региона. Считается, что инновации способствуют росту благосостояния населения, улучшению качества жизни и снижению численности бедного населения.

Представляется, что на уровень социально-экономического развития региона и благосостояния населения оказывают влияние факторы, повышающие степень открытости региональной экономики, рост внешнеторговых потоков, что определяет целесообразность включения в модель показателей экспорт и импорт. Немаловажным фактором, оказывающим влияние на уровень региональной бедности, является качество трудового потенциала. Реализация трудового потенциала представляет собой третью фазу воспроизводственного цикла и понимается как процесс его использования в производстве материальных и нематериальных благ. Формой реализации трудового потенциала служит трудовая активность его но-

сителя (Проворова, 2023). В качестве индикативного показателя можно использовать коэффициент демографической нагрузки. Предполагается, что уровень бедности будет выше в тех регионах, где выше численность нетрудоспособного населения.

Для построения модели влияния факторов на уровень бедности в регионах РФ использованы панельные данные 83 регионов за 2010–2021 гг. Республика Крым и Севастополь исключены по причине недостаточности статистических данных. Данные по Архангельской и Тюменской областям принимались отдельно, без включения автономных округов. Автономные округа учитывались как отдельные субъекты Федерации. Расчеты проведены методом наименьших квадратов. Информационная база – данные Федеральной службы государственной статистики.

Результаты авторского исследования и обсуждения

Для того чтобы дать общее представление о развитии регионов РФ и страны в целом, нами показана динамика численности населения и ВВП¹ на душу населения в период 1996–2022 гг. (рис. 1); динамика компонент изменения численности населения

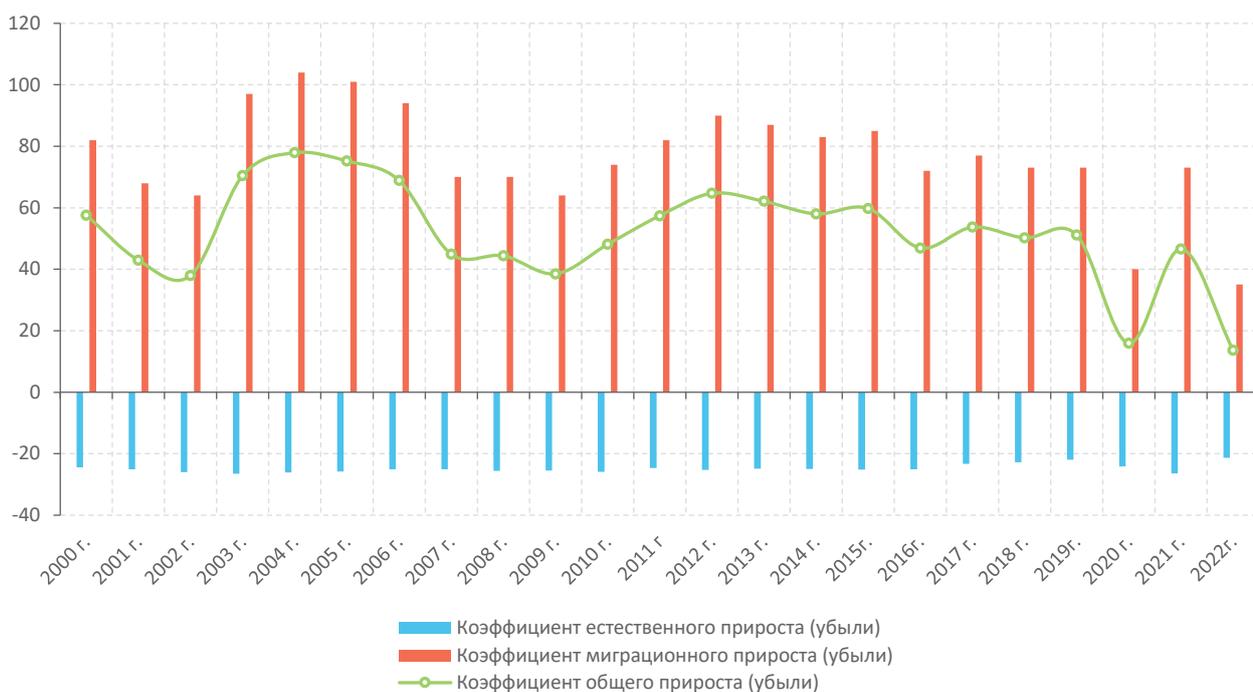
¹ ВВП рассчитан с учетом индекса-дефлятора.

(рис. 2); динамика зависимости демографической ситуации от уровня бедности в регионах России (рис. 3); динамика неравенства регионов России (рис. 4).

В Российской Федерации с 2000 года наблюдается постоянный рост ВВП на душу населения, чему в значительной мере способствовала благоприятная конъюнктура международных сырьевых рынков. Незначительное сокращение темпов роста прослеживалось в 2008–2010 гг. по причине финансово-экономического кризиса.

Численность населения существенно снижается: с 1996 по 2022 год уменьшилась на 2595,8 тыс. чел. Наиболее значимое снижение наблюдалось с 1996 по 2008 год по причине политико-экономических реформ в Российской Федерации. С 2010 года присутствовал рост численности населения как результат реализации мероприятий по улучшению демографической ситуации. Значительный прирост населения в России (2601 тыс. чел.) отмечался в 2015 году, причина данной динамики – присоединение к РФ Республики Крым и миграция с территории Украины в результате политических конфликтов. С 2020 года начинается процесс убыли населения, вызванный пандемией COVID-19.

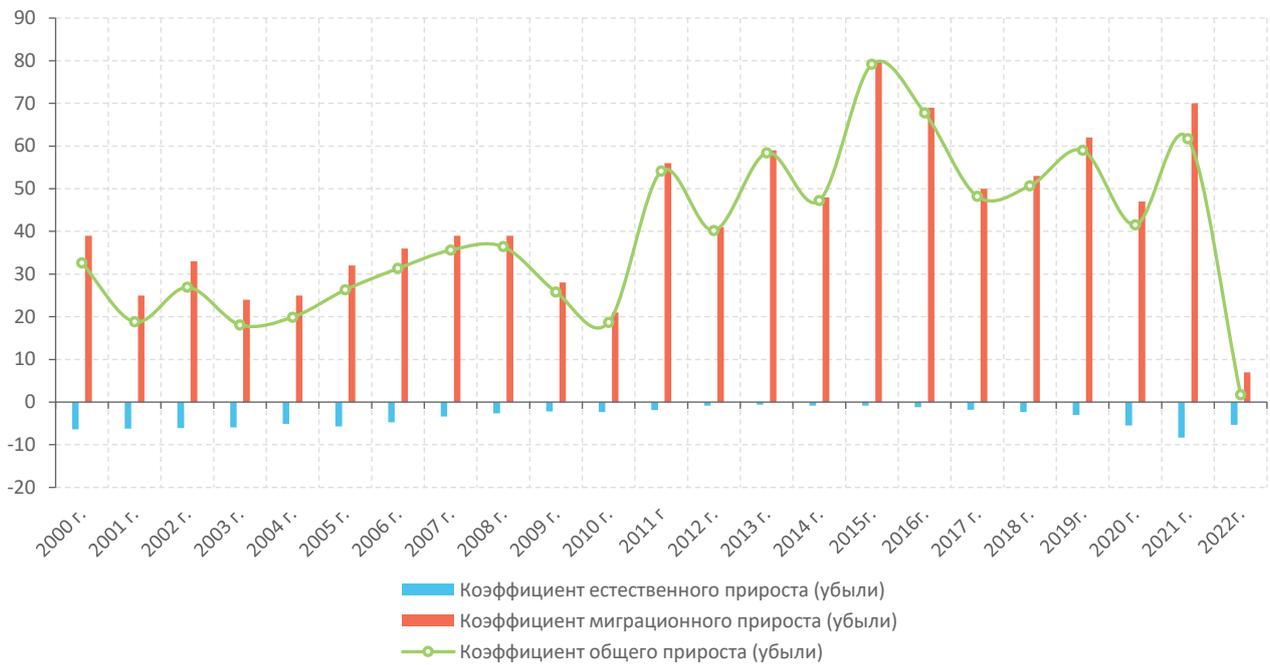
За период 2000–2022 гг. в Центральном федеральном округе прирост населения происходил за счет миграции. Максимальные значения коэффициента миграции отмечались в 2004 году, снижение миграционного прироста наблюдалось в 2020 году по причине COVID-19. В Северо-Западном федеральном округе до 2002 года происходила убыль населения, но начиная с 2003 года рост мигрантов поспособствовал общему приросту населения. На территории Южного федерального округа аналогичная картина: прирост населения поддерживает миграция, при этом в 2022 году миграционный прирост существенно снизился. На территории Северо-Кавказского федерального округа складывается совсем иная ситуация: до 2002 года отмечался значимый миграционный прирост, начиная с 2003 года миграция существенно снизилась. Убыль населения отмечалась в 2011–2013, 2022 гг.; в данный период миграционная убыль имела максимальные значения и не покрывалась естественным приростом населения. В Приволжском федеральном округе за анализируемый период наблюдается убыль населения; миграционный прирост отмечался только в 2000, 2007–2009 и 2021 гг., но количество прибывших людей не компенсировало численность умершего населения.

а) Центральный федеральный округ

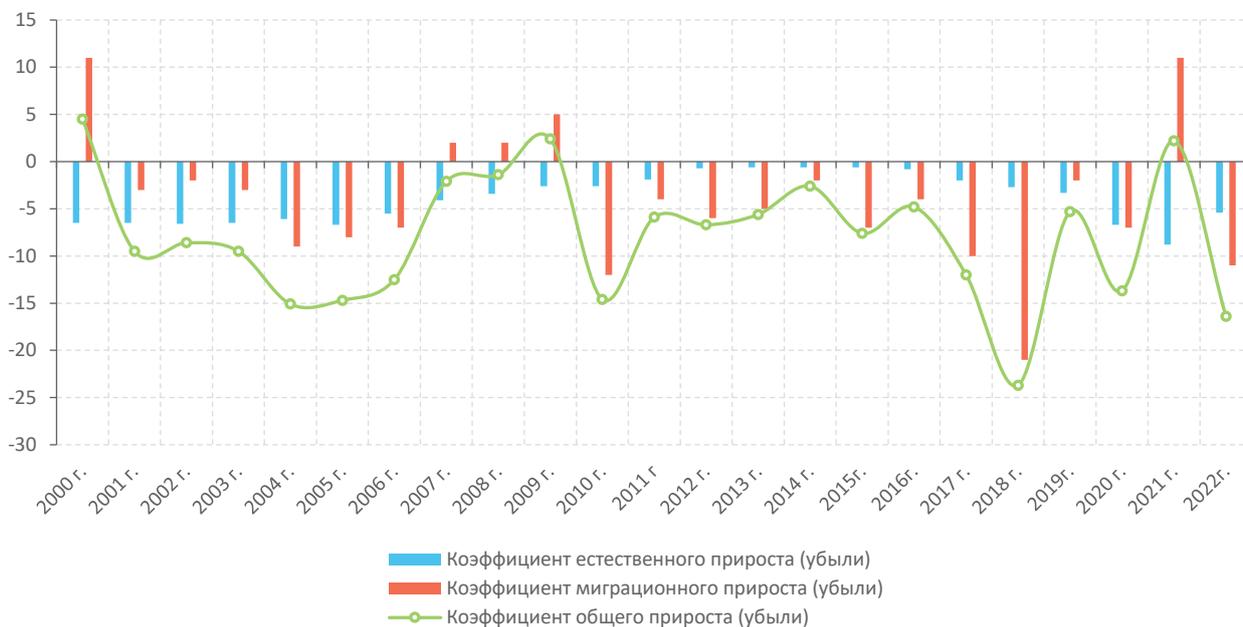
б) Северо-Западный федеральный округ

в) Южный федеральный округ

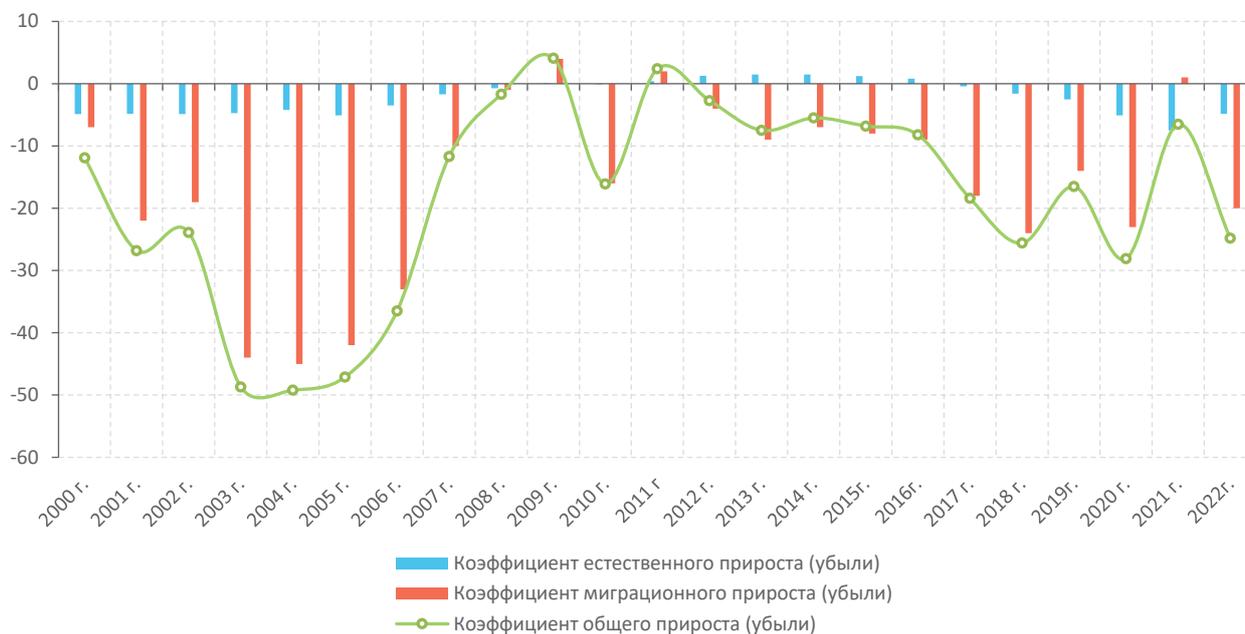
г) Северо-Кавказский федеральный округ

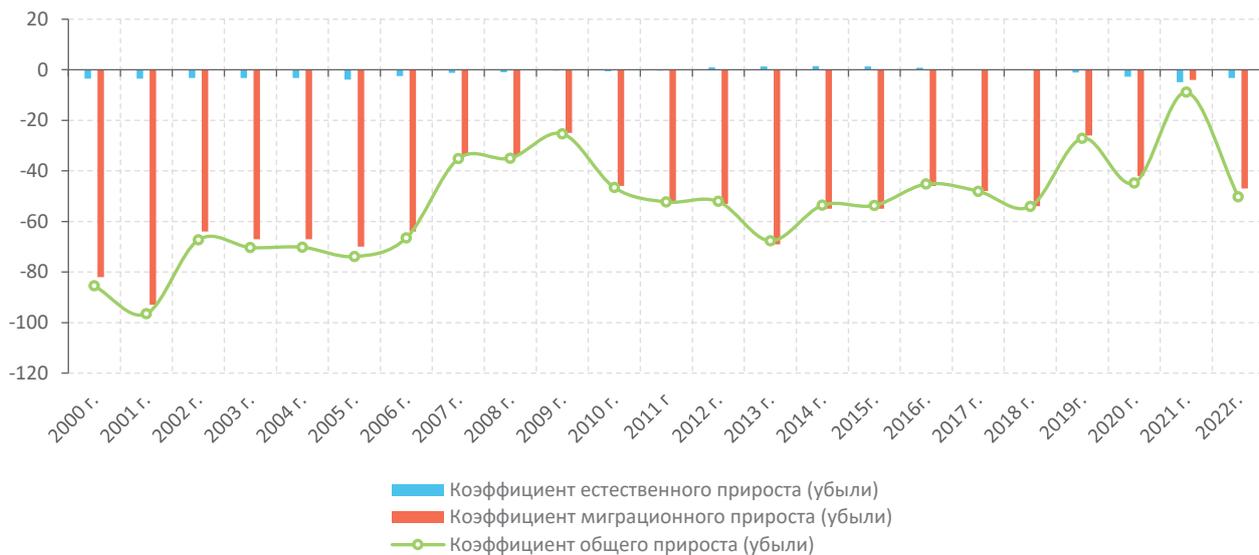
д) Приволжский федеральный округ

е) Уральский федеральный округ

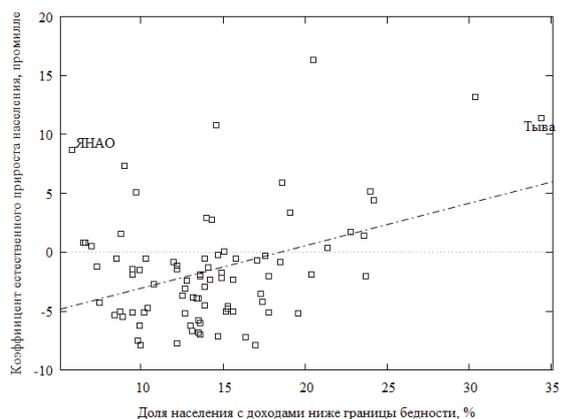
ж) Сибирский федеральный округ

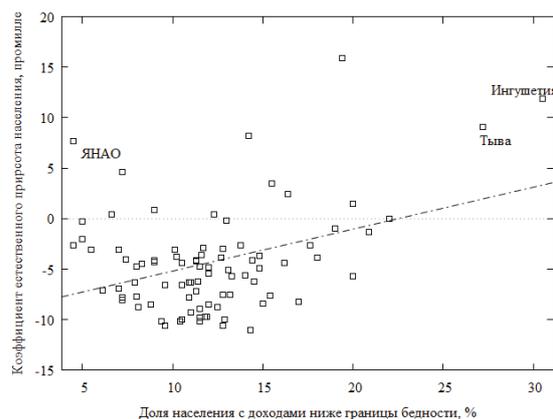
з) Дальневосточный федеральный округ

Рис. 2. Динамика компонент изменения численности населения в федеральных округах России, 2000–2022 гг., промилле

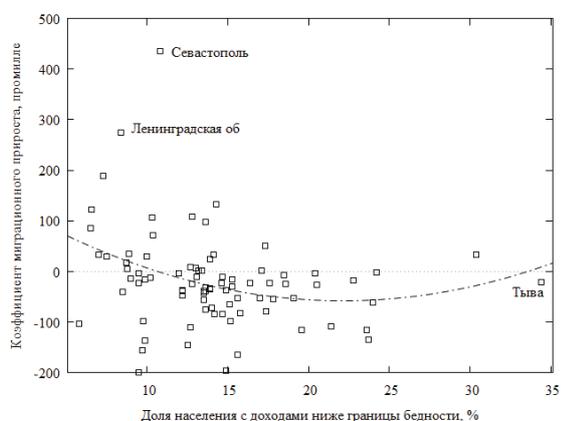
Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели.
 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.02.2024).

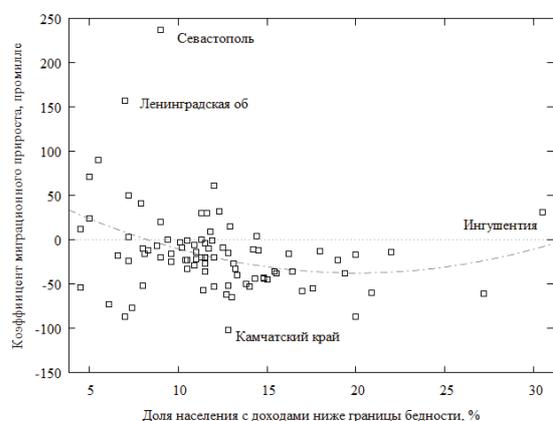
а) 2018 год

б) 2022 год

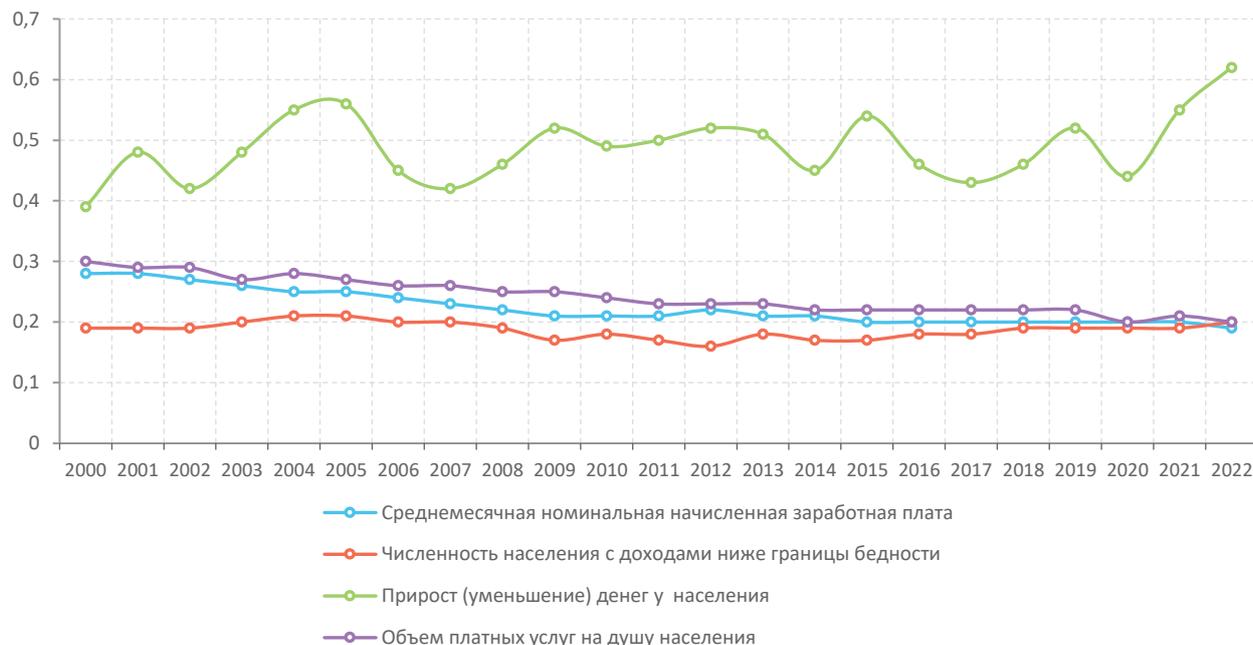
в) 2018 год

г) 2022 год

Рис. 3. Динамика зависимости демографической ситуации от уровня бедности в регионах России в 2018, 2022 гг.

Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели.
 URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 15.02.2024).

Рис. 4. Динамика неравенства регионов России в 2000–2022 гг., индекс Джини

Расчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели.

URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.02.2024).

Таблица 1. Результаты оценки кривой Кузнеця для регионов-лидеров РФ в 2000–2021 гг.

Регион	Оценочные параметры			R^2
	a	b_1	b_2	
Чукотский автономный округ	30,7***	-3***	8,7***	0,62
Ленинградская область	45,6***	-0,00001***	1,5	0,82
Московская область	29,8***	-8,9***	7,8	0,84
г. Санкт-Петербург	18,9***	-2,5***	1,02***	0,63
Республика Татарстан	18,8***	-2,6**	-6,3	0,46
Сахалинская область	29,9***	-2,5***	6,7***	0,76
Магаданская область	22,2***	-1,7***	5,3***	0,7

*** – уровень значимости ошибки 1%; ** – уровень значимости ошибки 5%; * – уровень значимости ошибки 10%.
 Расчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.02.2024).

Таблица 2. Результаты оценки кривой Кузнеця для регионов-аутсайдеров РФ в 2000–2021 гг.

Регион	Оценочные параметры			R^2
	a	b_1	b_2	
Республика Башкортостан	28,8***	-0,0001***	1,8***	0,75
Кабардино-Балкарская Республика	48,1***	-0,0005***	1,9	0,55
Красноярский край	25,3***	-2,7***	1,9	0,67
Пермский край	25,2***	-6,1***	7,1	0,75
Самарская область	29,7***	-8,07***	8,8***	0,82
Ханты-Мансийский автономный округ	7,7***	2,16	-5,8	0,069
Республика Карелия	20,2***	-2,6**	2,8	0,47
Республика Коми	21,2***	-2,13***	1,7	0,49
Республика Саха (Якутия)	23,4***	-1,09**	4,8***	0,45

*** – уровень значимости ошибки 1%; ** – уровень значимости ошибки 5%; * – уровень значимости ошибки 10%.
 Расчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.02.2024).

В Уральском федеральном округе ситуация неоднозначная: наблюдаются как периоды убыли, так и роста населения. Отметим, что рост населения обеспечивает миграция. В Сибирском федеральном округе значительная убыль населения имеет место до 2007 года. С 2012 по 2016 год наблюдается естественный прирост населения, но на фоне стабильной миграционной убыли, что в итоге дает отрицательную динамику численности населения. В Дальневосточном федеральном округе крайне негативная демографическая ситуация: естественная убыль населения на фоне миграционной убыли.

Данные, представленные на рис. 3в, 3г, демонстрируют обратную зависимость миграционного прироста от уровня бедности в регионе, что логично и закономерно, так как молодое трудоспособное население стремится в благоприятные для жизни города и регионы. Подчеркнем, что в более ранних исследованиях с применением иного методического подхода нами был получен аналогичный вывод (Манаева и др., 2023). Значимой динамики за анализируемый период не выявлено. Зависимости естественного прироста населения от уровня бедности в регионе не обнаружено, о чем свидетельствуют данные, представленные на рис. 3а, 3б. Помимо бедности существует еще ряд важных факторов, оказывающих значимое влияние на рождаемость. Считаем, что в отдельных субъектах РФ, а именно в республиках Северного Кавказа, культурный и религиозный факторы существенно влияют на уровень рождаемости.

Индекс Джини по показателю «прирост (уменьшение) денег у населения», составляющий 0,39 (минимальное значение) в 2000 году, достиг максимального значения в 2022 году – 0,62; сложившаяся тенденция позволяет говорить о росте неравенства по данному критерию. В 2000 году в пяти регионах-лидерах сосредоточено 22,5% денежных накоплений у населения, в 2002 году – 26,6%, в 2022 году – 48,8%. Полученные расчетные данные позволяют заключить, что на сегодняшний день в России складывается негативная ситуация «богатый богатеет, бедный беднеет».

По критериям «среднемесячная номинальная начисленная заработная плата», «численность населения с доходами ниже границы бедности», «объем платных услуг на душу населения» наметилась тенденция на снижение дифференциации, но значимых изменений не наблюдается.

Таким образом, полученные расчетным путем модели для Чукотского автономного округа, г. Санкт-Петербурга, Сахалинской и Магаданской областей обладают высокой объясняющей способностью и значимостью полученных коэффициентов. Но подтверждение классической гипотезы Кузнеця не наблюдается. Получена U-образная кривая, которая свидетельствует о сокращении бедности до определенного уровня, после прохождения точки экстремум экономический рост сопровождается увеличением бедности. Подобные выводы согласуются с результатами, полученными в работах (Рослякова, Окрепилов, 2023; Sayed, Peng, 2020). В трех регионах квадратичный член уравнения незначительный, что свидетельствует о линейной зависимости.

Данные, представленные в табл. 2, демонстрируют аналогичную ситуацию в выборке регионов-аутсайдеров, т. е. классическая гипотеза Кузнеця не подтверждена. Для Ханты-Мансийского автономного округа для квадратичного члена уравнения получен отрицательный коэффициент, но отсутствие его значимости не позволяет подтвердить классическую гипотезу Кузнеця. Сокращение бедности до определенного уровня и его нарастание после прохождения точки экстремума характерно для Республики Башкортостан, Самарской области и Республики Саха (Якутия).

Модели 1–3 демонстрируют, что существенно на уровень бедности в регионе оказывают влияние экономические факторы и фактор инноваций (табл. 3). Рост ВРП на душу населения на 1% будет способствовать снижению бедности на 0,25%, увеличение уровня инновационной активности организаций на 1% – снижению бедности на 0,2%, увеличение объема экспорта на душу населения на 1% – снижению бедности на 1,35%,

Таблица 3. Результаты моделирования влияния факторов на уровень бедности в регионах России в 2010–2021гг.

Переменная	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
<i>Const</i>	5,8 (0,16)***	3 (0,04)***	13,2 (1,14)***	3,16 (0,6)***
<i>Ln_GRP</i>	-0,25 (0,01)***			-0,19 (0,017)***
<i>Ln_Growth GRP</i>	-0,15 (0,11)			0,01 (0,12)
<i>Ln_Innov</i>		-0,2 (0,02)***		-0,13 (0,18)***
<i>Ln_Exp</i>			-1,35 (0,11)***	-0,23 (0,010)***
<i>Ln_Imp</i>			-0,7 (0,12)***	-0,04 (0,01)***
<i>Ln_DepR</i>				0,32 (0,1)***
Количество наблюдений	990	990	990	990
<i>R</i> ²	0,3	0,12	0,3	0,39
Статистическая ошибка модели	0,28	0,3	4,1	0,25

*** – уровень значимости ошибки 1 %, ** – уровень значимости ошибки 5 %, * – уровень значимости ошибки 10 %.
 Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения 25.02.2024).

увеличение объема импорта на душу населения на 1% – снижению бедности на 0,7%. Увеличение доли лиц нетрудоспособного возраста на 1% способствует росту бедного населения на 0,32%. Полученная расчетным путем модель 4 позволяет заключить, что темп роста ВРП на душу населения не оказывает значимого влияния на уровень бедности в регионе.

Заключение

Результаты, полученные в ходе оценки взаимовлияния бедности, демографии и экономического роста, отражают сложившиеся тенденции развития российских регионов на современном этапе. Численность населения в Российской Федерации с 1996 по 2023 год снизилась на 2595,8 тыс. чел. Наиболее значимое снижение наблюдается с 1996 по 2008 год как результат политико-экономических реформ в РФ. С 2010 года рост численности населения обеспечили мероприятия улучшения демографической ситуации. Выявлена обратная зависимость миграционного прироста от уровня бедности в регионе, влияния уровня бедности на естественный прирост населения не обнаружено. В российских регионах гипотеза кривой Кузнеця не получила подтверждение. Сокращение бедности происходит до определенного уровня, после прохождения точки экстремума экономический рост сопрово-

ждается увеличением численности бедного населения, то есть экономическое развитие регионов России не может быть определено как устойчивое в долгосрочном периоде и способствующее стабильному снижению уровня бедности. Таким образом, можно заключить, что российские регионы должны ориентироваться на внедрение инноваций, развитие трудового потенциала, открытость экономики, что позволит расширить устойчивость экономического развития.

Теоретическая значимость проведенного исследования заключается в адаптации гипотезы С. Кузнеця для исследовательских задач предметного поля региональной экономики. Адаптация гипотезы состояла в том, чтобы учесть тенденции динамики темпа роста ВРП на душу населения и динамики численности населения с доходами ниже границы бедности. Полученные результаты исследования могут быть полезны ученым для дальнейшего развития гипотезы С. Кузнеця, определения общих трендов бедности и демографического развития в городах и регионах России.

Практическая ценность работы заключается в лучшем понимании принципов и тенденций бедности в российских регионах, что может быть использовано при разработке соответствующих социально-экономических программ, ориентированных на повышение качества жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Белоусова А.В. (2020). Уровень бедности в РФ: пространственный анализ // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 4. С. 73–88. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10043
- Готовский А.В. (2021). Вклад импортозамещения в экономический рост России // Вопросы экономики. № 4. С. 58–78. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-58-78
- Манаева И.В., Растворцева С.Н., Швецова А.А. (2023). Российские регионы в условиях новых вызовов и угроз глобализации: теория и эмпирика: монография. Белгород: Эпицентр. 212 с.
- Михеева Н.Н., Басарева В.Г. (2021). Региональные особенности бедности в России // Проблемы прогнозирования. № 5 (188). С. 74–85. DOI: 10.47711/0868-6351-188-74-85
- Проворова А.А. (2023). Оценка эффективности реализации трудового потенциала региона: анализ методического инструментария // Проблемы развития территории. Т. 27. № 2. С. 129–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.9
- Растворцева С.Н. (2018). Производительность труда и фондовооруженность в обеспечении экономического роста российских регионов // Социальное пространство. № 1 (13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.1
- Рослякова Н.А., Окрепилов В.В. (2023). Бедность и экономический рост в российских агломерациях: тенденции и зависимости // Экономика региона. № 19 (4). С. 1048–1061. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-81
- Татаркин А.И., Котлярова С.Н. (2013). Региональные институты развития как факторы экономического роста // Экономика региона. № 3. С. 11–18.
- Теняков И.М. (2015). Современный экономический рост: источники, факторы, качество: монография. Москва: Проспект. 176 с.
- Шевяков А.Ю. (2011). Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста // Инновации. № 1 (147). С. 7–19.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2002). The political economy of the Kuznets curve. *Review of Development Economics*, 6 (2), 183–203.
- Anand R., Tulin V., Kumar N. (2014). India: Defining and explaining inclusive growth and poverty reduction. *IMF Working Paper WP/14/63*, Washington, 33.
- Bukowski P., Novokmet F. (2021). Between communism and capitalism: Longterm inequality in Poland, 1892–2015. *Journal of Economic Growth*, 26, 187–239. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10887-021-09190-1>
- Ferreira F. (2010). Distributions in motion: Economic growth, inequality, and poverty dynamics. *Working paper series, ECINEQ*, 35.
- Garza-Rodriguez J. (2018). Poverty and economic growth in Mexico. *Social Sciences*, 7 (10), 183. DOI: 10.3390/socsci7100183
- Kakwani K. (1993). Poverty and economic growth with application to Cote D'Ivoire. *Review of Income and Wealth*, 39 (2), 121–139. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1993.tb00443.x
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, 45 (1), 11–28.
- Nurkse R. (1966). *Problems of Capital Formation in Underdevelopment Countries*. Oxford: Basil Blackwell.
- Person T., Tabellini G. (1994). Is inequality harmful for growth? *American Economic Review*, 84 (3), 600–621.
- Prebisch R., Singer H.W. (1950). *Theoretical and Practical Problems of Economic Growth*.
- Rostow W.W. (1960). Theories stages of economic growth: A non-communist manifesto. *Cambridge: Cambridge University Press*, 4–16.
- Sayed A., Peng B. (2020). The income inequality curve in the last 100 years: What happened to the Inverted-U? *Research in Economics*, 74 (1), 63–72. DOI: 10.1016/j.rie.2019.12.001

- Škare M., Družeta R.P. (2016). Poverty and economic growth: A review. *Technological and Economic Development of Economy*, 22 (1), 156–175, DOI: 10.3846/20294913.2015.1125965
- Thorbecke E. (2013). The interrelationship linking growth, inequality and poverty in Sub Saharan Africa. *Journal of African Economies*, 22 (1), 15–48. DOI: 10.1093/jae/ejs028
- Zhu Y., Bashir S., Marie M. (2022). Assessing the relationship between poverty and economic growth: Does sustainable development goal can be achieved? *Environmental Science and Pollution Research*, 29 (19), 27613–27623.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Инна Владимировна Манаева – доктор экономических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: in.manaeva@yandex.ru)

Вадим Вячеславович Мельников – научный сотрудник, Научно-исследовательский институт социальных систем при МГУ имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 127018, г. Москва, Октябрьский пер., д. 8; e-mail: melnikov@niiss.ru)

Manaeva I.V., Mel'nikov V.V.

POVERTY, DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT AND ECONOMIC GROWTH IN RUSSIAN REGIONS: ASSESSING INTERRELATIONSHIPS

Currently, the issues of socio-economic inequality, economic growth, demography and poverty are the actual problem area of the study of regional economy. The increase in the number of poor people exacerbates social contradictions, risks of political instability in society. The aim of the research is to quantify the relationship between poverty parameters and demography, and economic growth in Russia's regions. The paper uses two methodological approaches: 1) the concept of the Kuznets curve, according to which the dependence of inequality and economic growth is nonlinear in the form of a parabola with branches directed downward; 2) the construction of a system of models for assessing the impact of a number of factors on the poverty level in the regions of the Russian Federation. The regions of the Russian Federation have an inverse dependence of migration growth on the poverty level, as the young working-age population tends to live in favorable cities and regions. We did not note any dependence of natural population growth on the poverty level. We did not observe confirmation of the classical Kuznets hypothesis. The article obtains a U-shaped curve, which indicates the reduction of poverty up to a certain level, after passing the point of extremum, economic growth is accompanied by an increase in poverty. Economic factors and innovation factor have a significant impact on the poverty level in the region. A 1% increase in GRP per capita will reduce poverty by 0.25%, a 1% increase in the level of innovation activity of organizations will reduce poverty by 0.2%, a 1% increase in exports per capita will reduce poverty by 1.35%, and a 1% increase in imports per capita will reduce poverty by 0.7%. The increase in the share of persons of unemployed age by 1% contributes to the growth of the poor population by 0.32%. The practical value of the work lies in a better understanding of the principles and trends of poverty in Russian regions, which can be used in the development of appropriate socio-economic programs aimed at improving the quality of life.

Region, poverty, economic growth, Kuznets curve, demography, migration growth, natural increase.

REFERENCES

- Belousova A.V. (2020). Level of poverty in Russian Federation: A spatial analysis. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 4, 73–88. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10043 (in Russian).
- Gotovsky A.V. (2021). Import substitution contribution to Russia's economic growth. *Voprosy ekonomiki*, 4, 58–78. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-4-58-78 (in Russian).
- Manaeva I.V., Rastvortseva S.N., Shvetsova A.A. (2023). *Rossiiskie regiony v usloviyakh novykh vyzovov i ugroz globalizatsii: teoriya i empirika: monografiya* [Russian Regions under New Challenges and Threats of Globalization: Theory and Empirics: Monograph]. Belgorod: Epitsentr.
- Mikheeva N.N., Basareva V.G. (2021). Regional specifics of poverty in Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5(188), 74–85. DOI: 10.47711/0868-6351-188-74-85 (in Russian).
- Provorova A.A. (2023). Assessing the effectiveness of the implementation of the labor potential of the region: Methodological tools analysis. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 27(2), 129–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.2.124.9 (in Russian).
- Rastvortseva S.N. (2018). Labor productivity and capital to labor ratio in ensuring the economic growth of the Russian Federation. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 1(13). DOI: 10.15838/sa/2018.1.13.1 (in Russian).
- Roslyakova N.A., Okrepilov V.V. (2023). Poverty and economic growth in Russian agglomerations: Trends and dependencies. *Ekonomika regiona=Economy of Regions*, 19(4), 1048–1061. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-4-81 (in Russian).
- Tatarkin A.I., Kotlyarova S.N. (2013). Regional development institutions as economic growth factors. *Ekonomika regiona*, 3, 11–18 (in Russian).
- Tenyakov I.M. (2015). *Sovremennyi ekonomicheskii rost: istochniki, faktory, kachestvo: monografiya* [Modern Economic Growth: Sources, Factors, Quality: Monograph]. Moscow: Prospekt.
- Sheviakov A.Yu. (2011). Income inequality as factor of economic and demographic growth. *Innovatsii*, 1(147), 7–19 (in Russian).
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2002). The political economy of the Kuznets curve. *Review of Development Economics*, 6(2), 183–203.
- Anand R., Tulin V., Kumar N. (2014). India: Defining and explaining inclusive growth and poverty reduction. *IMF Working Paper WP/14/63*, Washington, 33.
- Bukowski P., Novokmet F. (2021). Between communism and capitalism: Long term inequality in Poland, 1892–2015. *Journal of Economic Growth*, 26, 187–239. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10887-021-09190-1>
- Ferreira F. (2010). Distributions in motion: Economic growth, inequality, and poverty dynamics. *Working paper series, ECINEQ*, 35.
- Garza-Rodriguez J. (2018). Poverty and economic growth in Mexico. *Social Sciences*, 7(10), 183. DOI: 10.3390/socsci7100183
- Kakwani K. (1993). Poverty and economic growth with application to Cote D'Ivoire. *Review of Income and Wealth*, 39(2), 121–139. DOI: 10.1111/j.1475-4991.1993.tb00443.x
- Kuznets S. (1955). Economic growth and income inequality. *The American Economic Review*, 45(1), 11–28.
- Nurkse R. (1966). *Problems of Capital Formation in Underdevelopment Countries*. Oxford: Basil Blackwell.
- Person T., Tabellini G. (1994). Is inequality harmful for growth? *American Economic Review*, 84(3), 600–621.
- Prebisch R., Singer H.W. (1950). *Theoretical and Practical Problems of Economic Growth*.
- Rostow W.W. (1960). *Theories Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sayed A., Peng B. (2020). The income inequality curve in the last 100 years: What happened to the Inverted-U? *Research in Economics*, 74(1), 63–72. DOI: 10.1016/j.rie.2019.12.001

- Škare M., Družeta R.P. (2016). Poverty and economic growth: A review. *Technological and Economic Development of Economy*, 22(1), 156–175, DOI: 10.3846/20294913.2015.1125965
- Thorbecke E. (2013). The interrelationship linking growth, inequality and poverty in Sub Saharan Africa. *Journal of African Economies*, 22(1), 15–48. DOI: 10.1093/jae/ejs028
- Zhu Y., Bashir S., Marie M. (2022). Assessing the relationship between poverty and economic growth: Does sustainable development goal can be achieved? *Environmental Science and Pollution Research*, 29(19), 27613–27623.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Inna V. Manaeva – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Belgorod National Research University (85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: in.manaeva@yandex.ru)

Vadim V. Mel'nikov – Researcher, Research Institute of Social Systems at Lomonosov Moscow State University (8, Oktyabrsky Lane, Moscow, 127018, Russian Federation; e-mail: melnikov@niiss.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: МАЙ 2024 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.8 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Согласно данным Росстата, российская экономика в I квартале 2024 года продемонстрировала увеличение ВВП на 5,4% (годом ранее отмечалось снижение на 1,8%; рис. 1). Минэкономразвития оценило прирост ВВП в январе – мае 2024 года¹ в 5%.

1. Производство валового продукта

Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в целом по стране составил 106,5%. Дина-

мика выпуска была позитивной во всех федеральных округах, при этом СЗФО продемонстрировал наибольшее увеличение индикатора, однако этот прирост был большим, чем спад годом ранее (на 12,4 и 10,2% соответственно; рис. 2). Прирост выпуска товаров и услуг отмечен в большинстве регионов за исключением Ненецкого автономного округа и Республики Карелии, где выпуск экономики сократился на 2,3 и 1,6% соответственно.

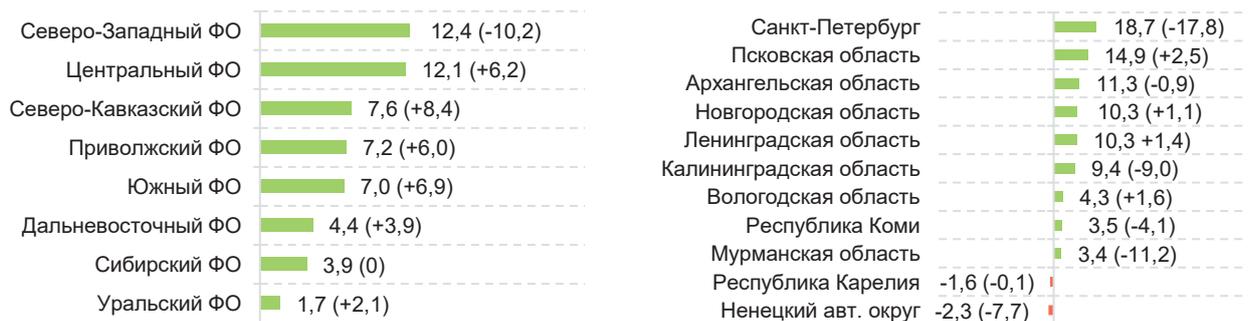

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему кварталу предыдущего года

Для цитирования: Сидоров М.А. (2024). Мониторинг экономики: май 2024 года // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 120–125. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.8

For citation: Sidorov M.A. (2024). Monitoring of the economy in May 2024. *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 120–125. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.8

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – май 2024 года сопоставляется с январем – маем 2023 года.

Рис. 2. Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в январе – мае 2024 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к январю – маю 2023 года

* В состав базовых видов экономической деятельности входит растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергии, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт. Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – мае 2023 года, % к январю – маю 2022 года.

🟢 **Промышленность** РФ и СЗФО продемонстрировала ускорение прироста выпуска до 5,2 и 7,4% соответственно (после 1,4 и 1,5% соответственно годом ранее; табл. 1), что объясняется развитием обрабатывающей индустрии, индекс выпуска продукции которой составил 108,8%. В СЗФО производство продукции обрабатывающей промышленности также увеличилось (на 9%). Рост значения индикатора отмечен почти во всех регионах округа, лидерами роста выпуска отрасли в макрорегионе стали Ненецкий автономный округ и Архангельская область – их индекс производства продукции обрабатывающей промышленности составил 121,7 и 115,2% соответственно. Исключением стала Республика Карелия, значение индикатора которой снизилось на 1,3%.

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	5 мес. 2022 г.	5 мес. 2023 г.	5 мес. 2024 г.	р*
Промышленность в целом				
Российская Федерация	103,1	101,4	105,2	-
Северо-Западный ФО	104,4	101,5	107,4	3
Архангельская область	101,2	98,2	114,5	17
Псковская область	96,3	107,3	112,8	23
Санкт-Петербург	107,7	108,3	110,8	29
Новгородская область	97,1	97,2	110,7	30
Ленинградская область	105,5	103,8	110,4	31
Калининградская область	84,8	84,7	108,2	36
Вологодская область	99,0	101,4	103,2	62
Республика Коми	107,2	98,4	103,1	63

Мурманская область	104,3	90,8	100,6	74
Республика Карелия	96,2	98,1	99,7	75
Ненецкий авт. округ	117,2	94,4	99,1	76
Добыча полезных ископаемых				
Российская Федерация	104,1	98,5	100,2	-
Северо-Западный ФО	108,6	97,2	100,5	4
Санкт-Петербург	41,1	65,5	150,5	1
Архангельская область	113,1	98,6	119,5	7
Республика Коми	110,6	99,4	103,2	31
Псковская область	109,2	92,0	101,8	35
Калининградская область	88,8	93,5	101,2	39
Ленинградская область	100,3	113,1	100,2	44
Ненецкий авт. округ	117,3	94,3	98,9	47
Республика Карелия	96,1	100,4	98,2	48
Мурманская область	92,0	98,2	97,2	53
Вологодская область	127,9	98,4	96,0	62
Новгородская область	108,1	94,8	92,4	68
Обрабатывающие производства				
Российская Федерация	102,9	104,2	108,8	-
Северо-Западный ФО	104,0	103,9	109,0	4
Ненецкий авт. округ	125,2	93,2	121,7	9
Архангельская область	100,6	97,7	115,2	21
Санкт-Петербург	110,1	110,2	111,6	32
Новгородская область	97,6	96,4	111,5	33
Псковская область	96,8	105,9	111,3	35
Калининградская область	82,9	84,1	110,1	41
Ленинградская область	105,9	107,7	109,2	43
Вологодская область	97,6	101,4	103,4	65
Республика Коми	98,8	95,6	102,9	67
Мурманская область	111,3	86,2	100,7	73
Республика Карелия	96,8	96,8	98,7	78

* Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – мае 2024 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

На территории особой экономической зоны в Стрельне открылся Центр аддитивных технологий. Его построила на собственной площадке компания «Лазерные системы». Новое производство оснастили высокотехнологичными 3D-принтерами, которые печатают металлические комплектующие и детали сложных форм. Пока что таких же крупных центров аддитивных технологий в стране немного – не более 15. Однако, по подсчетам экспертов, этот рынок в ближайшие годы вырастет минимум в четыре раза².

Сельское хозяйство в I квартале 2024 года нарастило выпуск продукции на 1,2% (табл. 2). В СЗФО отмечено увеличение значения этого индикатора на 4,8%, что стало самым высоким значением среди остальных федеральных округов. Этот прирост во многом обусловлен успехами специализирующейся на животноводстве Псковской области (выпуск продукции сельского хозяйства в этом регионе увеличился на 21,9%, что также стало лучшим результатом в стране). В то же время в ряде регионов производство сельскохозяйственной продукции сократилось, в частности, в Новгородской области снижение выпуска отрасли составило 12,6%.

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2022 г.	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	р*
Российская Федерация	106,4	101,6	101,2	-
Северо-Западный ФО	94,4	105,7	104,8	1
Псковская область	76,7	111,1	121,9	1
Мурманская область	92,1	133,4	112,7	2
Калининградская область	94,9	101,7	110,3	3
Ненецкий авт. округ	94,8	98,8	106,0	9
Архангельская область	97,9	101,8	104,0	21
Ленинградская область	103,4	103,1	101,5	34
Вологодская область	100,9	105,5	97,9	61
Республика Коми	96,8	100,3	97,4	64
Республика Карелия	100,2	103,4	96,7	67
Новгородская область	86,4	114,9	87,4	82

* По индикатору «Индекс производства продукции сельского хозяйства» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в I квартале 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

2. Образование доходов

Высокие темпы роста промышленного производства оказывали ограниченное влияние на динамику образования доходов.

Реальные денежные доходы россиян в I квартале увеличились на 5,9% (табл. 3).

Таблица 3. Динамика доходов населения, государства и бизнеса, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2022 г.	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	р*
Реальные денежные доходы населения				
Российская Федерация	109,2	104,2	105,9	-
Северо-Западный ФО	114,0	102,9	95,0	8
Новгородская область	103,6	105,8	102,4	34
Республика Коми	102,9	97,8	98,5	52
Ненецкий авт. округ	105,9	109,7	98,3	53
Ленинградская область	107,2	110,1	96,7	64
Вологодская область	107,8	101,4	95,5	71
Калининградская область	111,5	101,8	95,5	71
Псковская область	104,7	106,1	95,2	73
Республика Карелия	107,7	102,7	94,9	75
Санкт-Петербург	121,6	102,8	94,5	76
Архангельская область	104,8	101,0	92,8	83
Мурманская область	110,1	97,8	92,6	85
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ				
Российская Федерация	126,2	125,8	93,3	-
Северо-Западный ФО	118,6	121,2	82,0	-
Республика Карелия	89,4	97,3	135,4	-
Ленинградская область	94,4	99,8	128,6	-
Псковская область	110,6	115,7	121,1	-
Калининградская область	68,0	67,1	106,8	-
Санкт-Петербург	104,5	111,2	105,1	-
Вологодская область	152,5	138,7	83,1	-
Архангельская область	146,7	136,6	56,2	-
Мурманская область	-2689,2	201,3	48,0	-
Новгородская область	218,4	154,7	43,4	-
Республика Коми	201,0	151,8	34,6	-
Ненецкий авт. округ	260,1	162,1	31,6	-
Территория	4 мес. 2022 г.	4 мес. 2023 г.	4 мес. 2024 г.	р*
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций				
Российская Федерация	151,3	75,6	113,8	-
Северо-Западный ФО	182,9	38,1	92,7	7
Республика Карелия	83,1	16,5	272,3	3
Республика Коми	288,3	29,1	207,8	7

² На территории Особой экономической зоны в Стрельне открылся Центр аддитивных технологий. URL: <https://tvspb.ru/news/2024/04/25/na-territorii-osoboj-ekonomicheskoy-zony-v-strelne-otkrylsya-czentr-additivnyh-tehnologij?ysclid=lvfjvkdgbg7616030321> (дата обращения 16.07.2024).

Продолжение табл. 3

Вологодская область	163,5	117,9	170,7	13
Архангельская область	-	64,7	129,3	26
Ленинградская область	189,4	83,6	118,2	35
Псковская область	94,6	178,3	106,3	39
Санкт-Петербург	175,6	27,6	69,8	65
Калининградская область	339,9	32,7	60,2	68
Мурманская область	115,7	63,1	16,4	73
Ненецкий авт. округ	693,5	-	-	-
Новгородская область	382,9	13,7	-	-
* По индикаторам «Реальные денежные доходы населения» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в I квартале 2024 года, по индикатору «Сальдированный финансовый результат деятельности организаций» – в январе – апреле 2024 года. Данные приведены без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.				

❖ Доходы жителей регионов СЗФО, напротив, существенно сократились. Негативная динамика показателя отмечена почти во всех регионах округа, в наибольшей степени – в Мурманской и Архангельской областях, а также Санкт-Петербурге – на 7,4; 7,2 и 5,5% соответственно. Исключением стала Новгородская область, денежные доходы жителей которой увеличились на 2,4%.

❖ **Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет** страны в целом по России в I квартале 2024 года сократилось на 6,7% после прироста на 25,8% годом ранее. В целом по СЗФО поступления в консолидированный бюджет РФ снизились еще сильнее (на 18%), что преимущественно обусловлено негативной динамикой показателя в регионах, специализирующихся на добыче полезных ископаемых, в первую очередь, в Ненецком автономном округе и Республике Коми (на 68,4 и 65,4% соответственно). При этом снижению финансового результата в регионах СЗФО предшествовал сопоставимый прирост годом ранее.

⬆ В то же время в ряде регионов отмечено увеличение поступления налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет, в частности, значение индикатора существенно выросло в Республике Карелии, Ленинградской и Калининградской областях (на 35,4; 28,6 и 21,1% соответственно).

⬆ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ в январе – апреле 2024 года увеличился на 13,8% после снижения на 24,4% годом ранее.

❖ В СЗФО, напротив, продолжилось снижение предпринимательских доходов (на 7,3%; годом ранее – на 61,9%). Динамика значения индикатора в субъектах округа существенно различалась: отмечен как существенный прирост (в Республике Карелии, Республике Коми и Вологодской области – на 172,3; 107,8 и 70,7% соответственно), так и глубокий спад (в Мурманской области – на 83,6%, в Ненецком автономном округе и Новгородской области финансовый результат организаций был отрицательным).

3. Конечное использование

Несмотря на снижение доходов отмечено увеличение **потребительского спроса**.

⬆ **Оборот розничной торговли** в целом по России и по СЗФО продемонстрировал ускорение прироста до 9,3 и 6,9% соответственно в сравнении с 0,8 и 4,6% соответственно годом ранее (табл. 4). Лидерами в макрорегионе по увеличению оборота розничной торговли стали Псковская и Калининградская области (на 13,8 и 12,1% соответственно). Рост значения показателя отмечен во всех регионах СЗФО, за исключением Ненецкого автономного округа, где оборот розничной торговли остался на уровне прошлого года. В целом по РФ увеличение оборота розничной торговли непродовольственными товарами составило 11,7%, продовольственными – 6,9%. В СЗФО прирост оборота торговли непродовольственными товарами на 9,1% отмечен в большинстве регионов, в частности, в Псковской и Калининградской области он составил 21,5 и 16,4% соответственно. Оборот продовольственными товарами в СЗФО вырос на 4,2%, что связано преимущественно с увеличением значения индикатора в Калининградской, Ленинградской и Псковской областях (на 7,6; 6,1 и 6,1% соответственно). В остальных субъектах округа потребление продовольственных товаров также увеличилось (на величину от 0,2 до 5,8%).

Таблица 4. Динамика развития потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	5 мес. 2022 г.	5 мес. 2023 г.	5 мес. 2024 г.	Р
Оборот розничной торговли				
Российская Федерация	98,7	100,8	109,3	-
Северо-Западный ФО	100,1	104,6	106,9	7
Псковская область	100,0	97,8	113,8	9
Калининградская область	100,1	101,0	112,1	17
Санкт-Петербург	101,2	107,2	108,1	43
Республика Карелия	92,2	106,1	106,9	53
Ленинградская область	106,2	105,9	106,2	60
Новгородская область	99,2	101,0	105,9	63
Вологодская область	95,2	96,7	105,4	65
Республика Коми	91,7	104,7	102,1	78
Мурманская область	99,3	99,6	100,9	80
Архангельская область	95,1	100,6	100,6	81
Ненецкий авт. округ	102,1	100,4	100,0	83

В *строительстве* России отмечено увеличение объема выполненных работ на 4,6% (табл. 5). Объем строительства в СЗФО возобновил прирост (на 8,3% после снижения на 1,8% годом ранее). Наибольшим стало увеличение показателя в Новгородской и Вологодской областях (на 41,4 и 35% соответственно). В большинстве регионов округа динамика строительства также была позитивной. Замедляющим фактором динамики показателя в целом по СЗФО стало сокращение строительства в Республике Карелии, Ненецком автономном округе и Санкт-Петербурге на 34,1; 11,2 и 2,5% соответственно.

Инвестиции в основной капитал страны в I квартале 2024 года выросли на 14,5% (табл. 6). В СЗФО индекс инвестиций также был положительным (117,7%). При этом в регионах округа динамика показателя была разнонаправленной: зафиксирован как существенный прирост (в Ленинградской и Псковской областях – на 40,2 и 39,8% соответственно), так и сокращение (в Новгородской и Калининградской области – на 18,8 и 13,1% соответственно). В наибольшей степени замедление инвестиционной активности затронуло Архангельскую область, где снижение значения индикатора составило более чем 40%.

Таблица 5. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	5 мес. 2022 г.	5 мес. 2023 г.	5 мес. 2024 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»				
Российская Федерация	106,2	109,5	104,6	-
Северо-Западный ФО	97,7	98,2	108,3	2
Новгородская область	71,2	126,7	141,4	9
Вологодская область	71,3	97,6	135,0	12
Мурманская область	117,2	53,6	128,1	15
Ленинградская область	126,2	87,5	125,8	19
Республика Коми	51,6	111,8	121,8	24
Псковская область	98,0	68,8	119,2	27
Калининградская область	88,1	138,0	108,4	34
Архангельская область	76,0	98,5	102,6	42
Санкт-Петербург	93,9	110,1	97,5	51
Ненецкий авт. округ	122,1	63,7	88,8	65
Республика Карелия	169,1	139,0	65,9	78

Таблица 6. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	3 мес. 2022 г.	3 мес. 2023 г.	3 мес. 2024 г.	Р*
Российская Федерация	116,3	101,0	114,5	-
Северо-Западный ФО	104,1	106,1	117,7	4
Ленинградская область	128,3	130,2	140,2	10
Псковская область	141,5	76,3	139,8	12
Санкт-Петербург	101,1	106,6	126,3	21
Республика Коми	93,0	86,4	122,2	28
Ненецкий авт. округ	80,5	105,3	106,4	57
Вологодская область	84,0	78,8	103,5	62
Мурманская область	115,2	72,7	96,2	71
Республика Карелия	130,0	77,8	94,7	72
Калининградская область	120,0	150,8	86,9	79
Новгородская область	88,7	133,0	81,2	81
Архангельская область	82,5	129,1	59,3	84

* По индикатору «Инвестиции в основной капитал» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в I квартале 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Подводя итог, отметим, что в январе – мае 2024 года экономика страны и СЗФО демонстрировала высокие темпы развития, характеризующиеся опережающим ростом выпуска обрабатывающей промышленности, а также ростом инвестиционной актив-

ности и потребительского спроса. Вместе с тем негативными явлениями стали снижение доходов населения, государства и предпринимателей, а также неравномерность экономической динамики регионов СЗФО. В сложившихся условиях усиливается важность активизации усилий федеральных и региональных органов власти по поддержке развития «отстающих» территорий, увеличению доходов населения и ускоренной модернизации обрабатывающей промышленности. В качестве примера уже реализованных мер можно привести поддержку

промышленных производств⁵, сырьевого рынка⁴, субсидирования аграриев⁵, а также инфраструктурных проектов⁶.

Источники:

Росстат,

Министерство экономического развития,

Правительство России

Материал подготовил

М.А. Сидоров

научный сотрудник

ФГБУН ВолНЦ РАН

---

⁵ Постановление Правительства РФ от 25 июня 2024 года № 853 о расширении параметров поддержки промышленных парков и технопарков; Постановление Правительства РФ от 29 июня 2024 года № 896 о цифровых паспортах промышленной продукции; Постановление Правительства РФ от 11 июля 2024 года № 1821-р о выделении 1 млрд руб. на грантовую поддержку проектов по созданию комплектующих для различной промышленной продукции.

⁴ Постановление Правительства РФ от 29 июня 2024 года № 893 о продлении квоты на экспорт лома и отходов черных металлов.

⁵ Постановление Правительства РФ от 22 мая 2024 года № 630 о поддержке агробизнеса для создания и модернизации сельскохозяйственных предприятий.

⁶ Постановление Правительства РФ от 5 июля 2024 года № 1775-р о выделении более 3,7 млрд руб. на строительство инфраструктурных проектов в регионах.

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ИЮНЕ 2024 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.9 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В мае – июне 2024 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и Шекснинском муниципальном районе. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в %) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

☉ В июне 2024 года по сравнению с апрелем 2024 года социальное настроение жителей области существенно не изменилось: доля положительных оценок сохранилась на уровне 68%, отрицательных – 28%. Соответствующий индекс составляет 141 п. (табл. 1).

В разрезе социально-демографических групп населения за два последних месяца заметной динамики индекса социального настроения не наблюдалось. Исключение – возрастная группа до 30 лет и жители об-

---

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. (2024). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2024 года // Проблемы развития территории. Т. 28. № 4. С. 126–134. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.9

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. (2024). Monitoring of social well-being of the Vologda Oblast population in June 2024. *Problems of Territory's Development*, 28 (4), 126–134. DOI: 10.15838/ptd.2024.4.132.9

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Изменение (+/-), июнь 2024 к	
																	апр. 2024	июню 2023
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,3	65,6	64,1	65,4	68,2	69,2	66,4	67,4	68,3	+1	+4
	Испытываю напряжение; раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	28,1	29,2	30,9	29,6	26,8	26,4	28,6	28,5	27,8	-1	-3
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,6	139,4	139,3	136,4	133,2	135,8	141,4	142,8	138,0	138,9	140,5	+2	+8
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	76,9	76,5	75,7	77,0	77,4	77,6	76,3	76,4	76,4	0	+1
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,1	14,6	14,9	13,9	14,7	13,2	13,9	14,6	14,1	-1	-1
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,8	162,0	160,8	163,1	162,7	164,4	162,4	161,8	162,3	+1	+2

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

ласти со средним специальным образованием. В этих группах соответствующий индекс снизился на 13 и 6 п.

Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составила 76%, удельный вес тех, кто не в состоянии «терпеть бедственное положение», – 14%. Соответствующий индекс составил 162 п.

За период с апреля по июнь 2024 года в распределении по социально-демографическим группам населения существенных изменений в оценках запаса терпения не наблюдалось.

В июне 2024 года по сравнению с июнем 2023 года показатели социального настроения стали более благоприятными: индекс увеличился на 8 п. (со 133 до 141 п.); показатели запаса терпения не изменились: индекс сохранился на отметке 162 п.

В динамике самооценок материального положения в среднем по области в июне 2024 года не произошло заметных изменений. Незначительное увеличение фактических доходов наблюдалось только в категории людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наиболее обеспеченных (с 43482 до 44741 руб.; табл. 2).

В июне 2024 года по сравнению с июнем 2023 года уровень доходов возрос как в среднем по региону, так и во всех группах населения.

В период с апреля по июнь 2024 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 13 и 15%, отрицательных – на уровне 25 и 29% соответственно. Соответствующие индексы остались на уровне 88 и 87 п. (табл. 3).

В распределении по социально-демографическим группам оценки экономи-

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Изменение (+/-), июнь 2024 к	
																апр. 2024	июнь 2023
Доход на одного члена семьи, руб.																	
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	10008	11746	11969	11600	11900	12338	12681	13179	12757	-422	+788
60% средне-обеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	17503	20310	20381	20432	20250	21357	21240	22247	22273	+26	+1892
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	37250	40186	41634	41358	39835	38839	41361	43482	44741	+1259	+3106
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	19953	22578	22949	22864	22497	23057	23566	24689	24874	+185	+1925
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	13633	14519	14519	14519	14519	14519	15608	15608	15608	0	+1089
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																	
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0	0
60% средне-обеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,5	1,4	1,4	1,4	0	0
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,7	2,8	2,9	2,8	2,7	2,7	2,6	2,8	2,9	+0,1	0
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	1,6	1,6	1,5	1,6	1,5	1,6	1,6	0	0

Источник: Постановления Правительства Вологодской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области.
URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Изменение (+/-), июнь 2024 к	
																апр. 2024	июнь 2023
Экономическое положение России																	
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,7	12,1	12,3	13,2	13,6	13,7	12,6	11,6	13,1	+2	+1
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,3	43,2	43,3	44,1	41,6	42,7	44,7	45,9	46,8	+1	+4
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,9	30,2	29,4	30,4	29,5	28,8	27,2	25,5	25,4	0	-4
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	78,7	81,9	82,9	82,8	84,1	84,9	85,4	86,1	87,7	+2	+5
Экономическое положение области																	
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,1	13,8	14,9	14,4	14,4	15,3	14,0	13,8	15,3	+2	0
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	40,1	42,7	42,9	41,3	40,5	42,7	45,1	45,7	44,2	-2	+1
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	32,6	30,8	33,1	34,3	32,2	31,1	30,2	28,8	-1	-2
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	74,6	81,2	84,1	81,3	80,1	83,1	82,9	83,6	86,5	+3	+2
Материальное положение семьи																	
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	10,1	10,8	11,9	10,1	10,3	11,3	11,6	12,1	+1	+1
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	47,9	51,0	50,4	50,9	51,9	51,3	51,3	52,9	51,4	-2	+1
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	27,9	28,1	26,6	26,2	27,6	29,1	26,9	26,4	-1	-2
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,4	82,2	82,7	85,3	83,9	82,7	82,2	84,7	85,7	+1	+3

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Июнь 2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Изменение (+/-) июнь 2024 к	
																апр. 2024	июнь 2023
В России																	
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	27,5	23,3	23,4	22,3	23,8	25,3	24,6	23,7	24,5	+1	+1
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	56,9	62,3	62,0	63,8	62,7	59,3	60,2	59,6	59,1	-1	-3
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>89,9</i>	<i>70,6</i>	<i>61,0</i>	<i>61,4</i>	<i>58,5</i>	<i>61,1</i>	<i>66,0</i>	<i>64,4</i>	<i>64,1</i>	<i>65,4</i>	<i>+1</i>	<i>+4</i>
В области																	
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	47,9	49,8	50,3	50,0	48,4	51,9	50,4	51,5	52,3	+1	+2
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	40,4	41,0	39,8	41,1	41,4	39,8	40,6	39,5	38,9	-1	-1
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,8</i>	<i>107,5</i>	<i>108,8</i>	<i>110,5</i>	<i>108,9</i>	<i>107,0</i>	<i>112,1</i>	<i>109,8</i>	<i>112,0</i>	<i>113,4</i>	<i>+1</i>	<i>+2</i>

ческой ситуации в стране улучшились в возрастной группе старше 55 лет (соответствующий индекс возрос на 4 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 8 п.), ухудшились – в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 6 п.). Оценки экономической ситуации в регионе стали более благоприятными в возрастной группе до 30 лет (на 11 п.), среди лиц со средним специальным образованием (на 7 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 11 п.).

⊙ Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его хорошим, сохранился на уровне 12%, негативные суждения высказывали 26% жителей региона. Соответствующий индекс остался на уровне 86 п.

Заметное ухудшение оценок материального благосостояния наблюдалось среди лиц, имеющих высшее образование (на 8 п.).

⬆ В июне 2024 года по сравнению с июнем 2023 года индекс экономического положения России увеличился на 5 п. (с 83 до 88 п.). Оценки экономического положения в регионе и материального благополучия семьи остались без изменений (87 и 86 п. соответственно).

⊙ За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России не изменился: доля положи-

тельных оценок сохранилась на отметке 25%, отрицательных – 59%. Соответствующий индекс остался на уровне 65 п. (табл. 4).

В разрезе социально-демографических групп заметное ухудшение оценок политической обстановки в стране наблюдалось в 20%-й группе наименее обеспеченных жителей области (на 9 п.).

⊙ Характеристики политической обстановки в регионе не претерпели изменений: доля положительных оценок сохранилась на отметке 52%, отрицательных – 39%. Соответствующий индекс остался на уровне 113 п.

Заметные отрицательные тенденции в оценках политической ситуации в области наблюдались в возрастной группе до 30 лет (на 7 п.).

⬆ В июне 2024 года по сравнению с июнем 2023 года индекс оценок политической обстановки в стране увеличился на 4 п. (с 61 до 65 п.). Характеристики политической ситуации в области не изменились (113 п.).

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в апреле – июне 2024 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

– значительно не изменились оценки социального настроения и запаса социального терпения (соответствующие индексы фиксировались на отметках 141 и 162 п. соответственно);

– на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (88 и 87 п.);

– на уровне двухмесячной давности остались оценки материального положения семей (86 п.);

– существенно не изменились оценки политической обстановки в стране и области (65 и 113 п.).

В распределении по социально-демографическим группам за два последних месяца наиболее заметные негативные тенденции отмечались в следующих категориях:

– в зависимости от возраста – в группе до 30 лет (индекс социального настроения уменьшился на 13 п., индекс оценки политической обстановки в области – на 7 п.);

– в зависимости от уровня образования – среди жителей области с высшим образованием (индекс оценки экономической обстановки в регионе уменьшился на 4 п., индекс оценки материального положения – на 8 п.);

– в зависимости от уровня доходов – в 20%-й группе наименее обеспеченных (индекс социального настроения уменьшился на 4 п., индекс оценки экономической ситуации в стране снизился на 6 п., индекс оценки политической ситуации в стране – на 9 п.).

Отсутствие позитивных изменений в оценках социального самочувствия жителей региона, а в некоторых социально-демографических группах и существенное ухудшение ситуации, которое отмечается в июне 2024 года, во многом коррелирует с общероссийскими данными.

Так, по результатам опросов Фонда общественного мнения, в мае 2024 года, как и двумя месяцами ранее, каждый четвертый россиянин оценивал свое материальное положение как хорошее (24%), 17% давали негативные отзывы, 56% опрошенных

характеризовали его как среднее. 11% респондентов указали, что за последние два – три месяца их материальное положение улучшилось, 16% – ухудшилось, 72% – практически не изменилось. Улучшения своего материального положения в ближайший год ожидали 29% участников опроса, ухудшение прогнозировали 11% респондентов, 37% значительных перемен не ожидали¹.

На стабильном уровне сохраняются прогнозные суждения россиян. Как и двумя месяцами ранее, в представлении 35% россиян через полгода – год жизнь в стране станет лучше, 11% думают, что хуже, 35% полагают, что изменений не будет. Улучшений в жизни семьи через полгода – год ждут 39%, прогнозируют ухудшения 5% россиян, 38% думают, что за это время ничего не изменится².

Дальнейшие положительные тенденции в социальном самочувствии жителей региона во многом будут определяться эффективностью социальной политики региональной и федеральной власти. Задачи повышения уровня жизни населения были закреплены в Указе Президента РФ «О национальных целях развития России до 2036 года» от 7 мая 2024 года, в котором в качестве основных направлений деятельности выделены сохранение населения, укрепление здоровья, повышение благополучия людей, поддержка семьи³. От успешной реализации этих мероприятий во многом будут зависеть национальные и региональные тренды общественного мнения.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНЦ РАН, который пройдет в августе 2024 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Материальное положение россиян: оценки и прогнозы. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/15028>

² Социальные настроения. Россияне рассказывают, как изменится жизнь семьи и страны в ближайшей и дальней перспективе. URL: <https://fom.ru/posts/15005>

³ Цели с новыми горизонтами. Зачем стране потребовался новый «майский» указ (2024) // Эксперт. № 5 (6). С. 6–15.

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

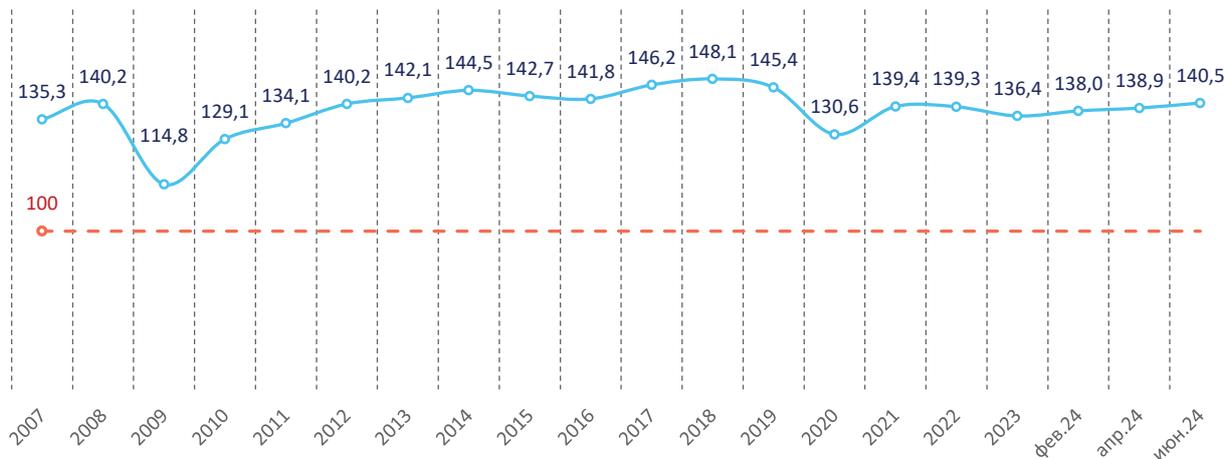

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

С апреля по июнь 2024 года не наблюдается изменений социального настроения жителей Вологодской области. Значения индекса составляют 139–141 п.

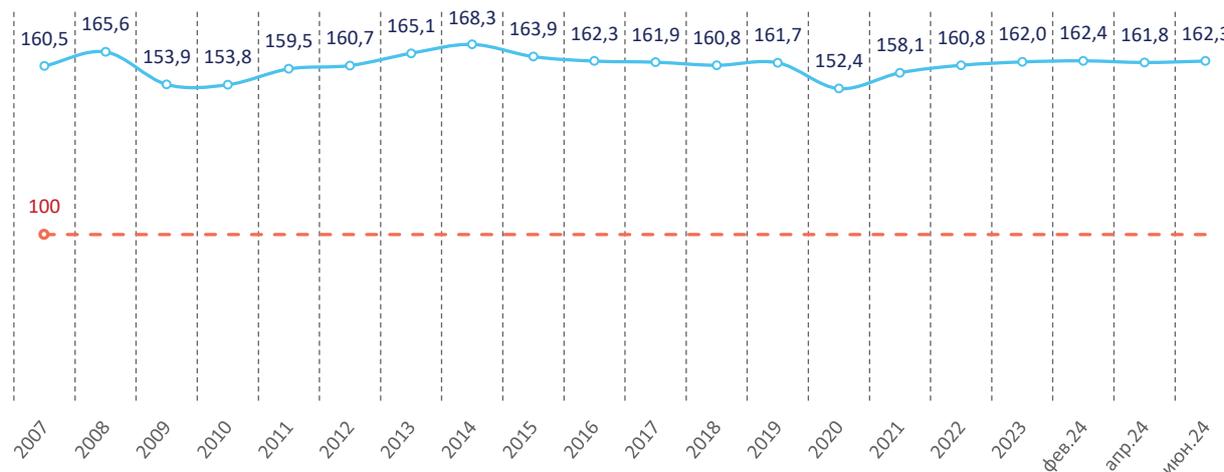

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

Первый летний месяц 2024 года не принес изменений уровня запаса терпения жителей региона. Индекс запаса терпения населения Вологодской области остается стабильным и с 2023 года находится на отметке 162 п.

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- - -).

Представлены среднегодовые данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

С апреля по июнь 2024 года уровень одобрения деятельности Президента РФ не изменился как в Вологодской области, так и в России в целом. Положительные оценки находятся на уровне 67–68 и 78–79% соответственно.

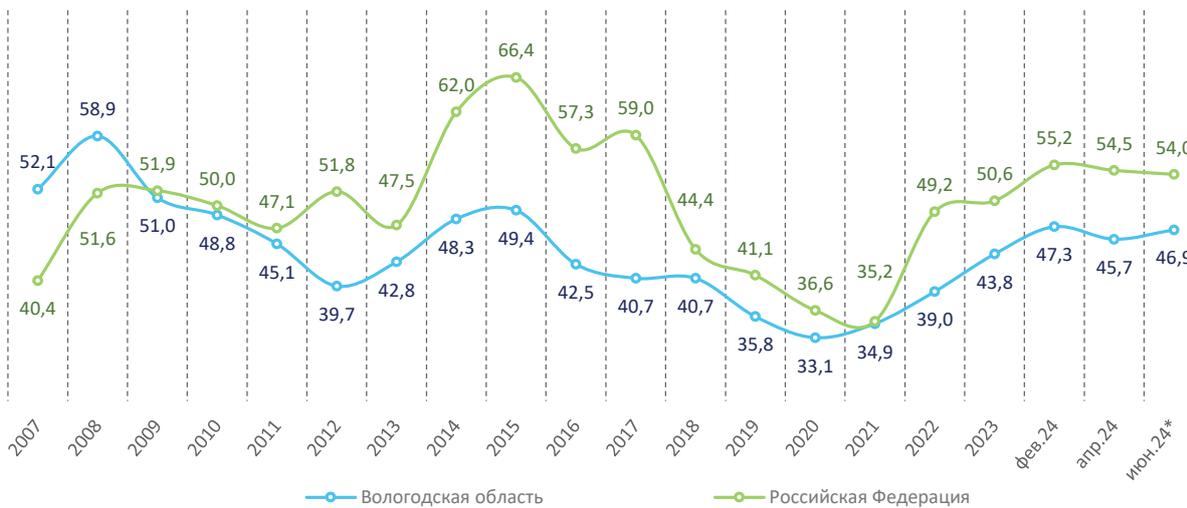

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В июне т. г. доля населения жителей Вологодской области и России в целом, одобряющего работу Правительства РФ, не изменилась и с начала 2024 года находится на уровне 46–47 и 54–55% соответственно.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ (<https://wciom.ru>).

* Данные ВЦИОМ – одобрение деятельности Президента РФ и Правительства РФ: среднее за 3 опроса, от 02.06.2024, 09.06.2024 и 16.06.2024.

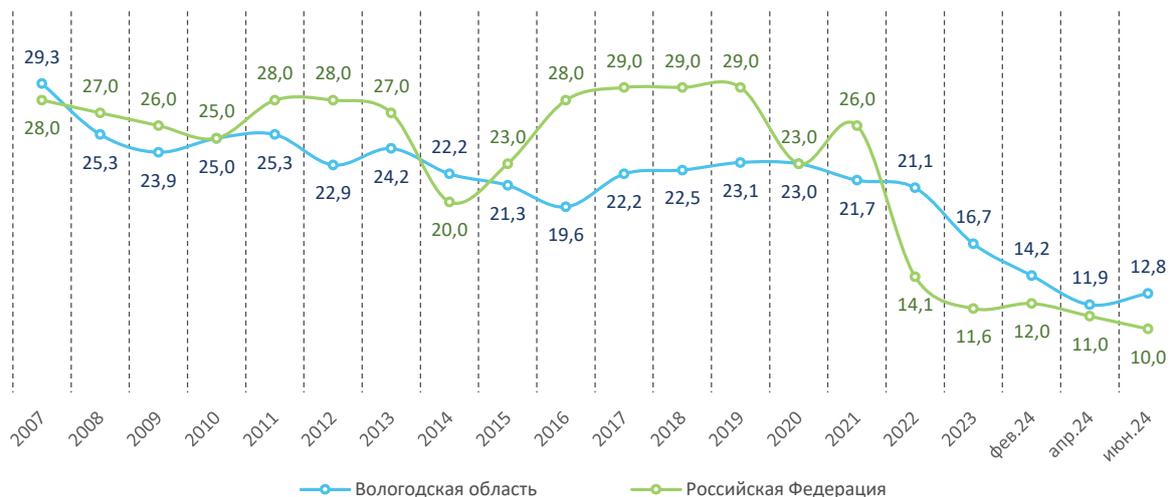

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

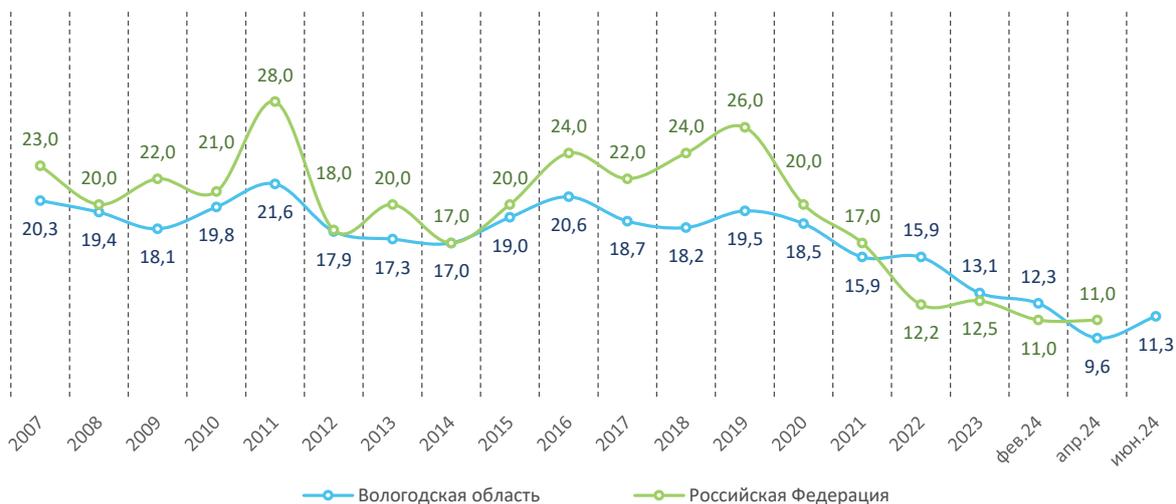

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

С апреля по июнь 2024 года доля жителей Вологодской области и страны в целом, считающих вероятными протестные выступления, не изменилась и составила 12–13 и 10–11% соответственно. Доля населения региона, готового поддержать акции протеста, составила 10–11%.

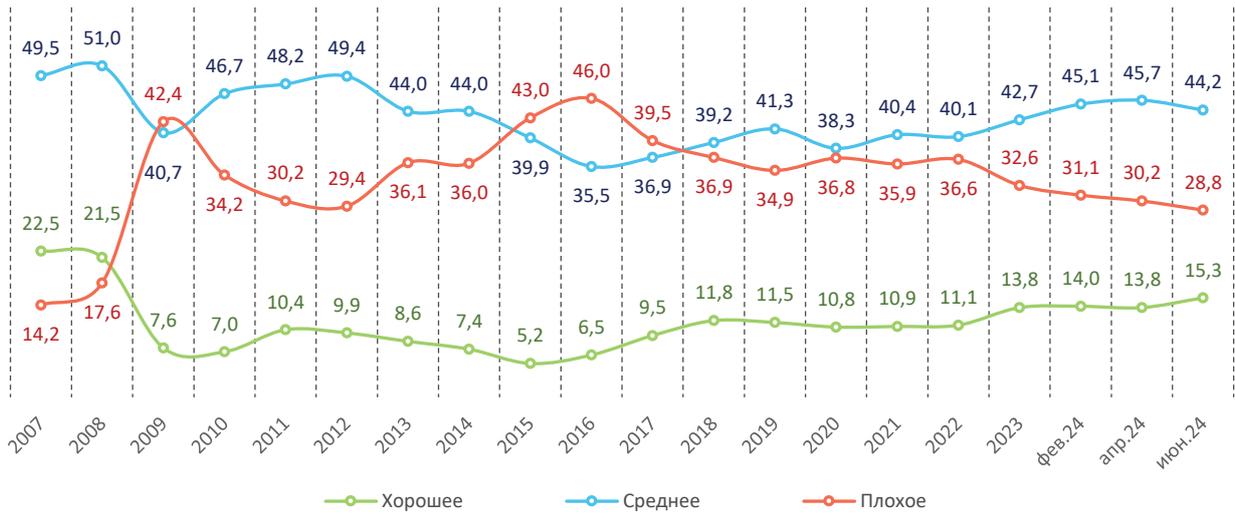

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В первой половине 2024 года наблюдается стабильность в оценках жителей Вологодской области относительно экономического положения своего региона. Удельный вес положительных характеристик составляет 14–15%, нейтральных – 44–46%, отрицательных – 29–31%.

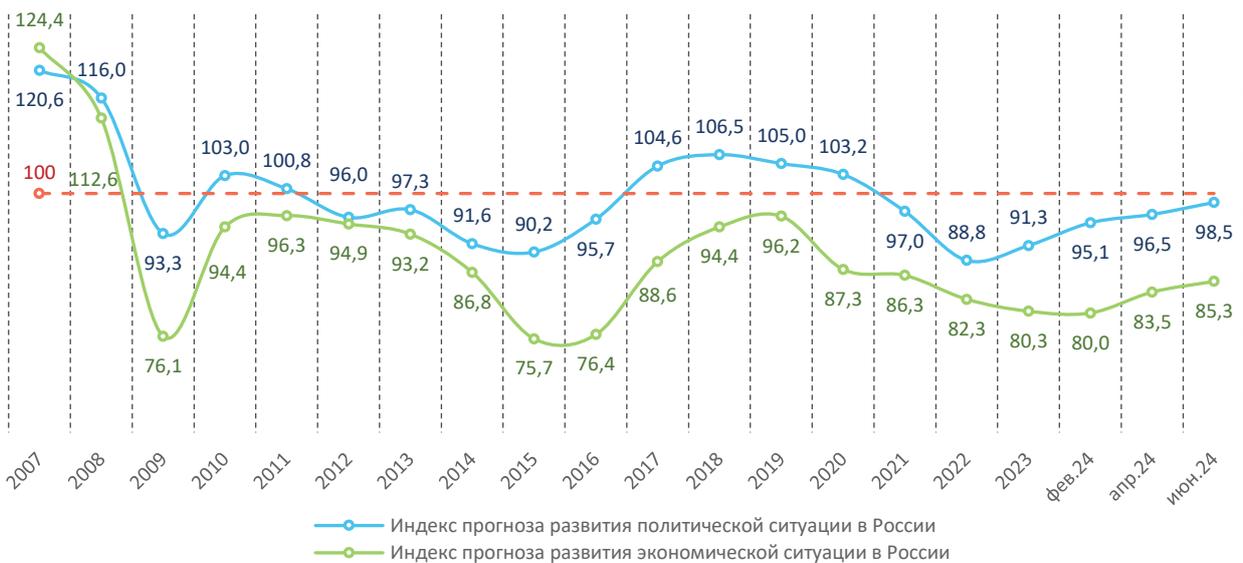

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В июне 2024 года по сравнению с апрелем т. г. индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России не претерпели существенных изменений (97–99 и 84–85 п. соответственно).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.07.2024.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 15,93. Тираж 500 экз. Заказ № 28.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru